
РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР НА ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Развитие военного искусства в ходе завершающих кампаний Второй мировой войны

На развитие советского военного искусства на завершающем этапе Великой Отечественной войны, как и в ходе нее в целом, оказывали влияние следующие факторы: военно-политическая и стратегическая обстановка, количество и качество средств вооруженной борьбы, взгляды сторон на ведение вооруженной борьбы, организационная структура и система управления войсками, опыт боевых действий и уровень подготовки командных кадров.

К началу последнего периода Великой Отечественной войны Красная армия имела за плечами огромный боевой опыт. Генералы и офицеры мастерски организовывали и успешно руководили операциями и боями, искусно осуществляли массированные удары по противнику. Бойцы, воодушевленные сознанием своей великой освободительной миссии, проявляли героизм и самоотверженность, умело сочетали отвагу и дерзость в бою с использованием силы и мощи своего оружия.

Общая протяженность советско-германского фронта к началу 1945 г. сократилась с 4400 до 2000 км, что позволило советскому командованию расформировать некоторые фронты (Карельский, Волховский, 3-й Прибалтийский). Высвободившиеся силы и средства были направлены на усиление действующих фронтов и армий, значительно увеличив их боевой состав¹.

Если в кампании второй половины 1944 г. большинство фронтов, принимавших участие в стратегических операциях, в своем составе имели от 30 до 50 стрелковых дивизий, около тысячи танков и САУ, 5–7 тыс. орудий и минометов всех калибров и около половины фронтов насчитывали свыше тысячи самолетов, то в кампании 1945 г. большинство фронтов включали более 50 стрелковых дивизий, более тысячи танков и САУ, свыше 10 тыс. орудий и минометов всех калибров, а количество фронтов, имевших более тысячи самолетов, составляло около 80%². Одновременно с увеличением боевого состава фронтов возрос и боевой

состав общевойсковых армий. Большинство из них насчитывали девять и более стрелковых дивизий, больше орудий и минометов.

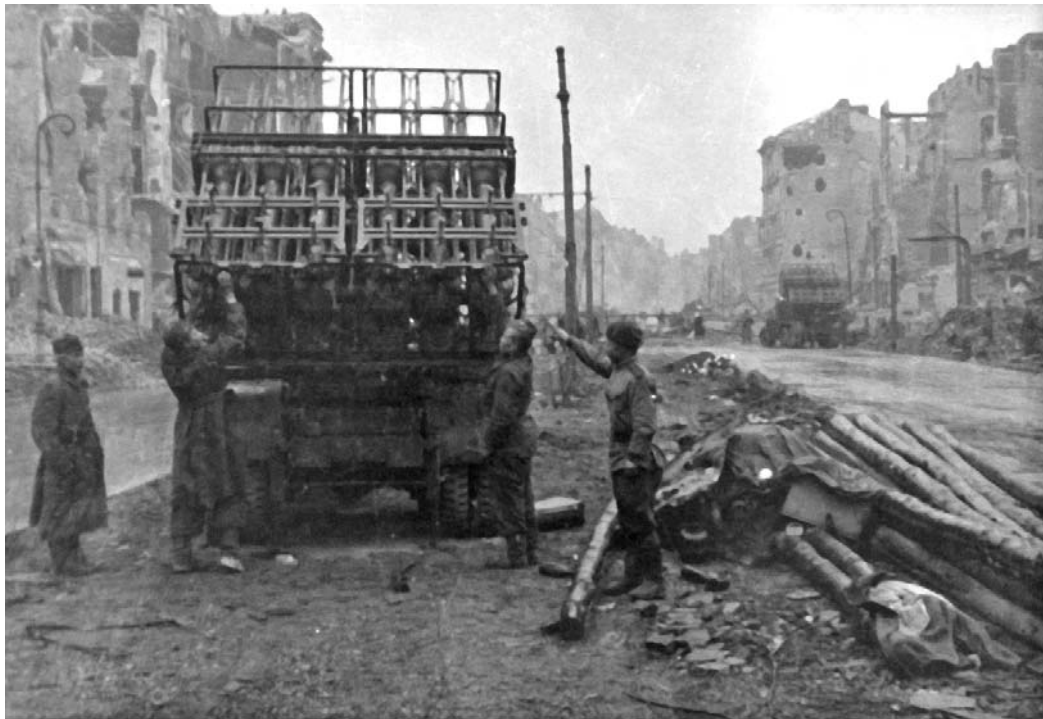
В завершающих кампаниях также увеличился боевой состав воздушных армий фронтов. Так, если в кампании второй половины 1944 г. количество самолетов в воздушных армиях колебалось от 500–700 до 900–1300 и только в отдельных случаях достигало 2300–3200 (1-й Белорусский фронт в Белорусской операции, 1-й Украинский фронт в Львовско-Сандомирской операции), то в 1945 г. боевой состав воздушных армий колебался от 1300–1600 до 2–3 тыс. самолетов, и только как исключение — 600–800 самолетов (2-й и 3-й Украинские фронты в Венской операции)³.

Фронтные объединения в 1945 г., как правило, имели в своем составе от шести до восьми общевойсковых армий, 1–2 танковые армии, одну воздушную армию, а также большое количество средств усиления. Фронтные объединения, принимавшие участие в стратегических наступательных операциях, в зависимости от важности решаемых задач и направлений имели в своем составе от 30–40 до 60–75 стрелковых дивизий, 1–2 кавалерийских, 2–4 отдельных механизированных и танковых корпусов, от 7–9 до 16–18 тыс. орудий и минометов всех калибров, от 1 до 3 тыс. (и как исключение 500–700) танков и самоходно-артиллерийских установок, от 1 до 3 тыс. самолетов⁴. Уменьшение протяженности линии фронта и увеличение боевого состава фронтов и армий позволили советскому командованию создавать в стратегических операциях 1945 г. более компактные группировки, чем это было в аналогичных операциях 1944 г. В 1945 г. в стратегических операциях участвовало примерно такое же количество сил и средств, как и в наиболее крупных стратегических операциях 1944 г., но они были развернуты на участках примерно в два раза меньших.

Помимо количественного роста происходило качественное улучшение советского оружия. Основными направлениями совершенствования стрелкового оружия являлись увеличение скорострельности, уменьшение веса, повышение надежности эксплуатации и экономичности производства. Одним из основных видов вооружения стрелковых подразделений в ходе войны стали пистолеты-пулеметы, количество которых в стрелковой дивизии за войну возросло почти в 21 раз⁵. Увеличилось в два с лишним раза и число ручных пулеметов. Все это значительно повысило плотность ружейно-пулеметного огня.

Основными направлениями развития артиллерийского вооружения в годы войны были увеличение бронепробиваемости противотанковой артиллерии, повышение мощности огня и подвижности орудий и минометов, придание всем пушкам и гаубицам способности кроме решения основных задач огнем с закрытых позиций поражать при необходимости танки прямой наводкой. При этом особенно большое развитие получила противотанковая и реактивная артиллерия. В годы войны артиллерия являлась главным средством поражения противника, и ее по праву называли «богом войны». Она оказала большое влияние на развитие тактики, обеспечивая прорыв обороны противника в короткие сроки, стремительное развитие наступления в глубину, отражение массированных атак танков и пехоты в оборонительном бою. Совершенствование артиллерии продолжалось и в третьем периоде войны, когда войска получили обладавшую большой бронепробиваемостью и дальностью стрельбы 100-мм пушку и мощную боевую машину БМ-31. Благодаря новым снарядам значительно улучшилась кучность стрельбы реактивной артиллерии, а также завершился в основном переход всей артиллерии на механическую тягу.

Качество бронетанковой техники улучшалось в направлении увеличения огневой мощи, броневой защиты, маневренности, повышения надежности эксплуатации. Основу вооружения танковых войск стали составлять средние и тяжелые танки. Рост количества и качества танков и самоходно-артиллерийских установок оказал огромное влияние на развитие тактики. Усиление стрелковых соединений танками и САУ увеличило их ударную огневую мощь. Боевые действия в наступлении стали развиваться в более высоком темпе, на большую глубину, с решительными целями. Танки и самоходно-артиллерийские установки повышали устойчивость обороны, особенно в противотанковом отношении, являлись главным средством проведения контратак⁶.

Расчет готовит реактивные установки БМ-31-12 на улице Берлина

Расчет советской 100-мм пушки БС-3 ведет огонь по противнику в Берлине

В результате резкого сокращения полос наступления фронтов и дальнейшего усиления фронтов и армий боевой техникой значительно возросли средние плотности на 1 км фронта. Так, в операциях, проведенных на важнейших стратегических направлениях в кампаниях 1944 и 1945 гг., эти плотности составляли: дивизии от 0,14 при освобождении Белоруссии и до 0,34 в Берлинской операции, танки и САУ — от 5,0 до 12,7, самолеты — от 5,8 до 13,4 соответственно⁷. Таким образом, в главных стратегических операциях 1945 г. плотность сил и средств на 1 км фронта по сравнению с операциями 1944 г. возросла более чем в два-три раза, что облегчало нашему командованию их массирование на избранных направлениях для организации мощных ударов по врагу.

Основным видом военных действий советских войск являлось наступление, проводившееся в форме взаимосвязанных по цели и месту одновременных или последовательных по фронту и глубине операций фронтов и групп фронтов, практика организации и ведения которых получила значительное развитие. Характерно, что наступательные действия в обеих кампаниях начались с контрнаступления советских войск на главных направлениях. Оно развертывалось на фронте от 150–200 до 400 км и более и проводилось на глубину 150–300 км, а иногда и до 550 км.

В летне-осенней кампании 1944 г. Вооруженные силы Советского Союза вели активные военные действия на всем советско-германском фронте. На различных, зачастую удаленных друг от друга участках был проведен ряд последовательных и одновременных фронтовых наступательных операций, операций групп фронтов, объединенных общим замыслом и планом. На Карельском перешейке была проведена Выборгско-Петрозаводская операция (10 июня — 9 августа), а через 13 дней в Белоруссии началась операция «Багратион» (23 июня — 29 августа). Затем последовали Львовско-Сандомирская (13 июля — 29 августа), Яско-Кишиневская (20–29 августа), Прибалтийская (14 сентября — 24 ноября), Белградская (28 сентября — 20 октября) и Петсамо-Киркенесская (7–29 октября) наступательные операции. 29 октября началась Будапештская операция, которая завершилась 13 февраля 1945 г.⁸ Последовательно осуществляя перенос стратегических усилий с одного направления на другое, советские войска продвинулись на запад на 600–1100 км, полностью освободив от оккупантов территорию СССР, значительную часть Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии, вывели из войны Финляндию, оказали помощь народам Румынии и Болгарии в их освобождении от немецких захватчиков. В кампании 1945 г. в Европе Вооруженные силы Советского Союза, успешно проведя шесть стратегических наступательных операций (Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Венская, Берлинская и Пражская) и фронтовую оборонительную операцию (Балатонская), разгромили группировки врага в Польше, Венгрии, Австрии, Чехословакии и, наконец, в Германии⁹.

Это были грандиозные, небывалые по своим масштабам наступательные операции, разворачивавшиеся по фронту от 2 до 4,5 тыс. км и на глубину до 800 км, в которых участвовало 9–11 фронтов при активном содействии ВМФ, дальней авиации и войск ПВО. Только в кампании 1945 г. в военных действиях принимали участие 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и самоходных орудий, 14,7 тыс. самолетов¹⁰.

Повысились уровень стратегического руководства, оперативно-тактическое мастерство командных кадров и штабов, да и в целом военное искусство Вооруженных сил СССР достигло наибольшего расцвета. Если на предыдущих этапах войны проводились лишь последовательные стратегические наступательные операции, то на завершающем этапе войны возросшие возможности Красной армии позволили подготовить и провести одновременно стратегические операции групп фронтов, размах которых составлял по фронту от 400 до 1100 км и в глубину до 500–600 км. При этом достигались внушительные результаты не только по глубине продвижения, но и по разгрому крупных группировок противника. Например, если в ходе Белорусской операции было разгромлено 68, то в Берлинской — 90 дивизий немецко-фашистских войск. Глубина Яско-Кишиневской операции 2-го Украинского фронта в 1944 г. составила 250 км, а глубина наступления 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции — 500 км. Среднесуточные темпы наступления возросли с 10–15 км до 20–25 км в сутки.

Советская САУ СУ-100

Все эти условия позволили советскому командованию решать задачи окончательного разгрома врага новым, до сих пор не применявшимся методом — одновременным проведением крупнейших стратегических операций на 1200-километровом фронте от Балтики до Карпат, что стало характерной чертой кампании Красной армии в 1945 г.

Проведение одновременных, согласованных между собой крупных операций на нескольких стратегических направлениях представляет собой наиболее решительный и эффективный способ разгрома противника. В результате в ходе кампании за четыре месяца были разбиты крупные группировки противника, действовавшие в Восточной Пруссии, на берлинском, венском и пражском направлениях.

Стратегическое наступление, начатое в январе, с небольшими оперативными паузами на отдельных участках продолжалось на всем огромном фронте вплоть до окончательного разгрома и капитуляции фашистской Германии. Операции 1945 г. отличались решительностью целей и высокой эффективностью наносимых ударов, в большинстве операций достигался полный разгром крупных стратегических группировок противника. Так, в Восточно-Прусской операции из 42 дивизий противника, противостоявших к началу операции 2-му и 3-му Белорусским фронтам, было разгромлено 35 дивизий, или 83%; в Берлинской операции (с учетом подброшенных резервов) — 93 дивизии, что составляло 130% по отношению к количеству дивизий, оборонявших берлинское направление к началу наступления наших войск; в Висло-Одерской операции, учитывая подошедшие резервы, — 56 дивизий противника, или 200% по отношению к количеству дивизий, противостоявших 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам к началу операции¹¹.

Для кампании 1945 г. характерно также сокращение общей продолжительности стратегических наступательных операций. Так, если в кампаниях 1944 г. время проведения большинства стратегических наступательных операций колебалась от 40 (Львовско-Сандомирская операция) до 85 суток (разгром противника на Правобережной Украине), то в рассматриваемой кампании длительность таких же крупных операций, за исключением Восточно-Прусской, составляла всего 23—30 суток¹². Сокращение продолжительности операций явилось прямым следствием не только количественного превосходства советских войск над противником, как это пытались доказать некоторые немецкие генералы, но и качественного превосходства Красной армии, значительного роста боевого мастерства ее войск и полководческого искусства советских военачальников.

В кампании 1945 г. главный удар наносился на берлинском стратегическом направлении, кратчайшим путем выведившем советские войска к столице фашистской Германии, овладение которой имело огромное политическое и военное значение. Для противодействия наступлению советских войск немецко-фашистское командование неизбежно должно было направить на берлинское направление, и фактически направило, большую часть своих резервов. На этом направлении, равном по своей ширине 25% протяженности всего советско-германского фронта, советское командование к началу 1945 г. сосредоточило из всех сил действующей армии (без учета резервов Ставки Верховного главнокомандования): общевойсковых армий — 30%, танковых армий — 75%, стрелковых корпусов и стрелковых дивизий — 28%, кавалерийских корпусов — 50%, артиллерии и минометов всех калибров — 33%, танков и САУ — 53%, авиации — 38%¹³. В составе объединений, соединений и частей, развернутых на этом направлении, находилось 39% личного состава действующей армии.

Организуя стратегические наступательные операции на направлении главного удара кампании, советское командование привлекало крупные массы войск и военной техники. Создаваемые на этом направлении группировки были способны в короткий срок взломать сильную, глубоко эшелонированную оборону противника и высокими темпами развивать наступление на большую глубину.

Как и в прошлые кампании, помимо главного удара Красная армия в 1945 г. вела наступление на других направлениях. В этом отношении особенностью советской стратегии в этот период являлось то, что некоторые из них по своей силе немногим уступали главному удару и выливались в крупные стратегические операции. Так, в январе 1945 г. одновременно

с наступлением 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, осуществленным на главном, берлинском направлении (Висло-Одерская операция), войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов провели Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию с целью уничтожения группировки войск противника в Восточной Пруссии. Проведение этой операции обеспечивало правый фланг главной группировки наших войск, наступавшей на берлинском направлении, а левому флангу способствовал 4-й Украинский фронт, проводивший Западно-Карпатскую наступательную операцию.

Успех стратегического наступления во многом зависел и от массирования сил и средств. Определив направление главного удара кампании, советское Верховное главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы сосредоточить на нем наибольшее количество войск. К началу стратегического наступления на направлении главного удара, как показывает опыт, находилось 25–50% и более всех сил и средств действующей армии, что достигалось в основном за счет решительного и в то же время разумного ослабления других, менее важных участков, а также усиления главных группировок резервами Ставки ВГК. Высокая степень массирования сил и средств позволяла быстро взламывать оборону противника, наращивать усилия и развивать наступление в высоких темпах и на большую глубину.

Следующей важной проблемой при подготовке наступления являлось создание стратегических группировок войск и сил. Ставка исходила из того, что при большой протяженности советско-германского фронта сокрушить противника и добиться крупных военно-политических результатов путем проведения одной, даже очень крупной операции было невозможно. Для этого требовалось нанесение ряда взаимосвязанных ударов несколькими стратегическими группировками.

Перед началом летне-осенней кампании 1944 г. были созданы четыре стратегические группировки: в Восточной Карелии и на Карельском перешейке, в Белоруссии, в западных районах Украины и Молдавии. Каждая такая группировка включала, как правило, несколько фронтов (от двух до пяти), усиливалась объединениями и соединениями других видов вооруженных сил. Она обычно насчитывала от 600 тыс. до 2,5 млн человек, от 8 тыс. до 40 тыс. орудий и минометов, от 700 до 6 тыс. танков и САУ, от 700 до 7,5 тыс. боевых самолетов¹⁴.

Большое внимание уделялось решению проблемы создания и использования стратегических резервов. Резервы были основным средством Ставки ВГК, позволявшим усиливать группировки войск, создавать необходимое превосходство на избранных направлениях, развивать успех в ходе наступления за счет новых формирований (до 85%). К концу войны стратегические резервы в основном создавались путем вывода из состава действующих фронтов и соединений, а в ряде случаев и объединений. Во время нахождения в резерве Ставки ВГК (от одного до пяти месяцев) они пополнялись людьми, вооружением и боевой техникой, занимались боевой подготовкой. Основная часть стратегических резервов (50–70%) использовалась, как правило, на направлении главного удара для создания главных группировок при подготовке наступления и для наращивания усилий в ходе стратегического наступления. Наряду с этим стратегические резервы использовались для обеспечения флангов главной группировки путем организации наступления на смежных операционных направлениях, для усиления фронтов после отражения ими мощных контрударов или контр наступления противника, для перенесения усилий с одного направления на другое.

Одной из наиболее важных и сложных проблем при подготовке стратегического наступления являлось достижение внезапности. Опыт войны показал, что полностью скрыть от противника подготовку наступления такого масштаба невозможно. Вместе с тем внезапность достигалась, если удавалось обмануть противника относительно времени начала наступления, направления главного удара или способа стратегического наступления¹⁵.

В ходе Великой Отечественной войны был получен опыт проведения последовательных по глубине стратегических наступательных операций, которые проводились на одном направлении. Наиболее показательным примером в этом отношении является наступление советских войск на Балканах в летне-осенней кампании 1944 г. Здесь в течение четырех месяцев на глубину 1100 км последовательно, без значительных пауз, были проведены три стра-

тегические наступательные операции — Яско-Кишиневская, Белградская и Будапештская. Что же касается второго способа — одновременного по фронту проведения стратегических операций, то он позволял сковать боевыми действиями значительные силы противника и лишить его возможности широко маневрировать ими вдоль советско-германского фронта¹⁶. Однако ввиду недостатка сил и средств ни на одном из стратегических направлений не удалось создать достаточно сильных группировок. Их распыление на широком фронте привело к тому, что фактически ни в одной из операций конечные силы не были собраны. Опыт показал, что для успешного ведения стратегического наступления таким способом нужно иметь прежде всего значительное общее превосходство над противником.

И лишь в кампании 1945 г. в Европе, когда протяженность советско-германского фронта сократилась с 6 тыс. до 2 тыс. км, а Красная армия имела значительное общее превосходство над противником, способ одновременного по фронту проведения стратегических операций был успешно реализован. Ставка ВГК получила возможность создать несколько мощных группировок и практически одновременно развернуть наступление на всем советско-германском фронте — от Балтийского моря до Карпат¹⁷.

Таким образом, стратегическое наступление на завершающем этапе войны являлось основным видом военных действий, благодаря которому была достигнута полная победа над противником. Успех наступления достигался за счет искусного определения направления главного удара в кампаниях, решительного сосредоточения необходимых сил и средств на избранных направлениях, правильного выбора способа стратегического наступления, достижения внезапности, умелой организации взаимодействия, своевременного наращивания усилий в ходе наступления и умелого решения других проблем военного искусства. Наиболее ярко высокий уровень советской военной стратегии был продемонстрирован при подготовке и в ходе стратегических наступательных (контрнаступательных) операций¹⁸.

В целях улучшения стратегического положения наших войск на берлинском направлении советское командование в феврале — марте провело Восточно-Померанскую, Верхне-Силезскую и Нижне-Силезскую операции. Лишь после проведения этих операций были прочно обеспечены фланги главной стратегической группировки, наносившей удар на Берлин.

В кампании 1945 г., как и в прошлых кампаниях, большое внимание уделялось организации стратегического взаимодействия. При проведении зимнего наступления стратегическое взаимодействие осуществлялось в форме нанесения одновременных ударов на фронте между Балтикой и Карпатами. Так, разгром войск противника в Польше протекал в стратегическом взаимодействии с активными действиями советских войск в Восточной Пруссии и в Карпатах¹⁹. Большое значение в достижении поставленных целей на центральном участке фронта имели также успешные действия советских войск в районах Будапешта и озера Балатон. Поучительной с точки зрения организации стратегического взаимодействия является завершающая стратегическая операция Великой Отечественной войны — Берлинская, которая была спланирована и проведена войсками 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Наступление войск 4, 2 и 3-го Украинских фронтов в Чехословакии и Австрии полностью связало силы противника в этих районах и не позволило оказать помощь берлинской группировке.

Характерной чертой кампании 1945 г. является проведение крупных стратегических перегруппировок. В ходе кампании осуществлялся маневр не только отдельными армиями, но и целыми фронтами. Эти перегруппировки проводились на большие расстояния — несколько сотен километров и в очень ограниченные сроки (перегруппировка 2-го Белорусского фронта из района Данцига в нижнее течение р. Одер, перегруппировка 28-й и 31-й армий в район Берлина и прочие). Осуществляя крупные стратегические перегруппировки, советское командование добивалось создания превосходства в силах и средствах над противником на направлении главного удара.

Бомбардировочная и штурмовая авиация в ходе последнего периода войны в основном сосредоточивалась на уничтожении объектов противника на поле боя и в ближайшей оперативной глубине. Так, штурмовики свыше 80% вылетов совершили на глубину до 10 км, фрон-

товые бомбардировщики около 93% вылетов — на глубину до 50 км. На борьбу с резервами и для нарушения перевозок фронтовая авиация произвела не более 5% самолето-вылетов от общего количества. Оказывая боевое содействие сухопутным войскам и ВМФ, авиация способствовала увеличению размаха наступательных операций и возрастанию их эффективности²⁰. Военно-воздушные силы в 1945 г. действовали при полном господстве советской авиации в воздухе. В стратегических наступательных операциях наша авиация имела превосходство над противником в 2–4 раза. Это позволяло не только предохранять сухопутные войска от ударов неприятеля с воздуха, но и оказывать наземным войскам и военно-морскому флоту непрерывную поддержку. Основные усилия авиации сосредотачивались на поддержке сухопутных войск на направлении главных ударов — 40–50% всех произведившихся в операциях самолето-вылетов; на уничтожение авиации противника и завоевание господства в воздухе затрачивалось в среднем 35–45%; для решения задач воздушной разведки выделялось 4–18%; на борьбу с резервами и нарушение коммуникаций — 2–13%²¹.

За кампанию 1945 г. советская авиация произвела около 593 тыс. самолето-вылетов, во время как авиация противника — всего 77 тыс., или в 7,7 раза меньше. В январском наступлении (Восточно-Пруская и Висло-Одерская операции) наша авиация произвела самолето-вылетов в 11,6 раза, а в Берлинской операции в 14 раз больше, чем вражеская авиация. Это в значительной мере объясняется теми затруднениями, которые испытывал противник в снабжении горючим.

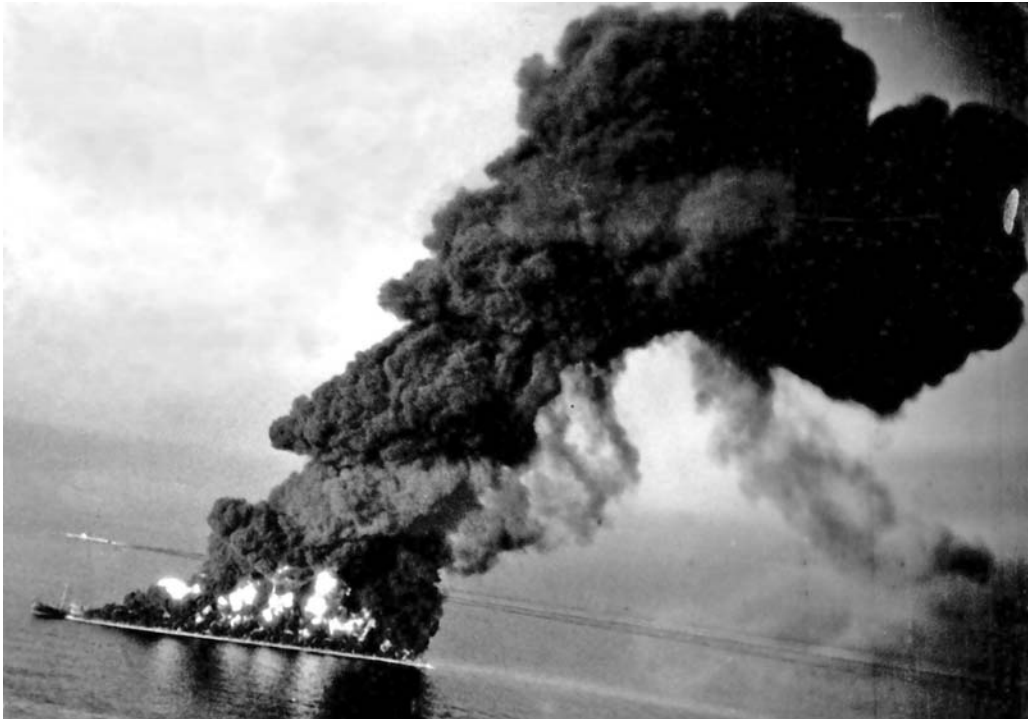
Военно-воздушные силы в кампании 1945 г. использовались на главных, решающих направлениях массированно. Так, в Висло-Одерской операции в составе двух воздушных армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было сосредоточено до 38%, а в Берлинской операции в составе трех воздушных армий 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов — около 40% самолетов от общего числа находившихся в составе фронтовой авиации Красной армии к началу этих операций.

Усилия авиации направлялись главным образом на обеспечение действий войск ударных группировок. Для выполнения этой задачи привлекалось 75–90% всех сил авиации фронтов, возможности которых наращивались быстрыми темпами. Так, к концу войны в действующей армии было 155 авиационных дивизий, самолетный парк которых вырос в четыре раза²².

Массирование авиации в стратегической операции проявлялось также в том, что для поддержки действий войск одного фронта, решающего главную задачу на одном из этапов этой операции, сосредоточивались усилия нескольких воздушных армий. Так, например, было при овладении Кёнигсбергом, когда для обеспечения действий войск 3-го Белорусского фронта привлекались силы пяти воздушных армий и авиация Балтийского флота. В ходе стратегических наступательных операций основные усилия авиации сосредоточивались на обеспечении действий наземных войск, для чего расходовалось 70–80% всех самолето-вылетов, произведенных за операцию, из коих для ударов по войскам противника — 40–68%.

В 1944–1945 гг. советские ВВС совместно с другими видами вооруженных сил вели военные действия в условиях стратегического господства в воздухе. Всего за время Великой Отечественной войны всеми средствами Вооруженных сил Советского Союза было уничтожено более 77 тыс. самолетов противника (в том числе летчиками в воздухе и на аэродромах — более 57 тыс. самолетов), что составило свыше 75% общих потерь ВВС Германии в мировой войне²³. Так что советско-германский фронт был главным, решающим рубежом Второй мировой войны в разгроме не только сухопутных армий, но и ВВС блока фашистских государств.

Силы и средства Военно-морского флота Советского Союза в 1945 г. действовали на морских коммуникациях противника, блокировали прижатые к морю вражеские группировки и оказывали огневое содействие нашим войскам в их уничтожении, прикрывали приморские фланги советских войск от возможных ударов с моря. Балтийский флот участвовал в разгроме группировок немецко-фашистских войск в районах Кёнигсберга, Данцига, Гдыни и других городов, высаживал десанты на побережье Балтийского моря и на острова, обеспечивал свои морские сообщения и нарушал морские сообщения неприятеля.

Немецкий танкер, уничтоженный самолетами Балтийского флота

Советские штурмовики в небе над пригородами Берлина

Важным условием успешности решения задач при ведении совместных с армией и самостоятельных действий было достижение господства на море и в воздухе в районе операции. На закрытых морских театрах преобладание в воздухе часто определяло господство на море. Развитие морской авиации стало одним из главных факторов успешного решения флотом своих задач. Ее самолетный парк в ходе Великой Отечественной войны увеличился почти вдвое. В годы войны проявилась устойчивая тенденция расширения взаимодействия фронтовой, морской и дальней авиации в ходе стратегических и фронтовых операций, что вызывало необходимость универсализации подготовки для действий на суше и на море.

Дальнейшее развитие получила морская пехота, которая стала входить в состав флотов на правах самостоятельного рода сил. Эффективность ее действий была особенно высока при захвате и закреплении плацдармов на побережье и островах. Если к началу войны на флоте имелась лишь одна бригада морской пехоты, то к 1945 г. были сформированы 21 бригада, около 40 морских стрелковых бригад и несколько десятков отдельных частей и подразделений²⁴. Свыше 400 тыс. военных моряков были переданы в состав частей и соединений Красной армии.

В качестве основных форм вооруженной борьбы на море в ходе войны утвердились операции флота (совместные и самостоятельные). Достижение оперативных целей, кроме того, осуществлялось и в форме боевой деятельности сил флота (проведение отдельных боев и ударов, заградительных и блокадных действий в течение длительного периода времени).

Одной из существенных черт руководства стратегическим использованием Военно-морского флота явилось сочетание жесткой централизации управления сил со стороны Верховного главнокомандования и предоставление широкой инициативы в управлении действиями подчиненных сил при выполнении задач²⁵.

Силы Балтийского флота содействовали наступлению советских войск в ходе двух крупных стратегических операций 1945 г. — Восточно-Прусской (13 января — 25 апреля) и Восточно-Померанской (10 февраля — 4 апреля). Боевые действия на прибалтийском стратегическом направлении носили ожесточенный характер и продолжались до конца войны. Враг оказывал упорное сопротивление, используя заранее подготовленные оборонительные рубежи на суше и крупные силы флота на море. Он имел в тылу своих приморских группировок побережье с развитой системой портов и военно-морских баз, обеспечивавших морские сообщения, а также густую сеть прибрежных сухопутных коммуникаций. Это позволяло ему быстро маневрировать своими силами вдоль побережья и организовывать упорное сопротивление.

Наступление советских войск на приморском направлении затруднялось географическими особенностями местности — наличием широких водных преград в виде рек, заливов, бухт. В этих условиях советское командование предусматривало нанесение мощных, но неглубоких ударов на нескольких направлениях к берегу моря, чтобы рассечь группировки врага на части, прижать их к морю и уничтожить совместными усилиями сухопутных войск и флота. Военно-морские силы должны были нарушать морские сообщения противника, срывать его перегруппировки и наносить удары с моря в тыл его сухопутным войскам.

Балтийскому флоту в этих операциях пришлось действовать в очень сложных условиях. Неприятель привлек к поддержке своих войск и обеспечению морских перевозок основные силы военного и транспортного флотов. Опираясь на систему баз, они могли быстро развертываться из одного района в другой и действовать достаточно мощными группировками, прикрытыми с воздуха истребительной авиацией.

Система базирования Балтийского флота в Финляндии и Эстонии располагалась на значительном удалении от районов боевых действий. Порты и базы, освобожденные от врага, были мало приспособлены для обеспечения деятельности флота, а его тылы находились в движении на запад. Финский залив, буквально начиненный немецкими минами, не позволял использовать крупные корабли, а метеорологические условия зимы 1945 г. ограничивали применение авиации и легких сил флота, которые к тому же в непрерывных напряженных боях 1944 г. понесли потери, а их материальная часть была изрядно изношена.

Командующие фронтами в конце 1944–1945 гг.

И. Х. Баграмян

А. М. Василевский

Л. А. Говоров

А. И. Ерёменко

Г. К. Жуков

Г. Ф. Захаров

М. П. Ковалёв

И. С. Конев

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

К. А. Мерецков

И. Е. Петров

М. А. Пуркаев

К. К. Рокоссовский

Ф. И. Толбухин

И. В. Тюленев

И. Д. Черняховский

Для развертывания активной борьбы на море требовалось в первую очередь овладеть вражескими военно-морскими базами и аэродромами на побережье и быстро перебазировать туда силы флота. В решении этой задачи особое значение приобрело взаимодействие войск фронтов и сил флота, которое умножало их возможности в завершении разгрома врага. В операциях на прибалтийском направлении получили дальнейшее развитие все виды взаимодействия сухопутных войск, авиации и военно-морских сил, сыграв важную роль в достижении успеха наступления по всему советско-германскому фронту на завершающем этапе Великой Отечественной войны²⁶.

Кроме Балтийского флота в кампании 1945 г. принимали участие Днепровская и Дунайская военные флотилии. Их основные усилия направлялись на содействие войскам 1-го Белорусского, 2-го и 3-го Украинских фронтов в прорыве обороны противника и развитии наступления на берлинском, будапештском и венском направлениях путем артиллерийской поддержки своих войск, осуществления и прикрытия переправ через реки Шпрее, Одер, Дунай, высадки тактических десантов.

Северный флот в 1945 г. основные усилия сосредоточил на защите морских перевозок, имевших важное стратегическое значение в общем ходе вооруженной борьбы Советского Союза.

Черноморский флот в связи с полным разгромом противника в зоне своих действий выполнял задачу очищения от мин Черного и Азовского морей, обеспечивая безопасность народнохозяйственных перевозок.

Увеличение боевого состава фронтов в 1945 г. обусловило возрастание роли фронта в стратегической наступательной операции. Так, если в кампаниях 1944 г. цели стратегических наступательных операций решались обычно усилиями от двух до четырех фронтов, а на направлении главных ударов — усилиями четырех фронтов, то иное положение сложилось в кампании 1945 г. В этот период цели стратегических наступательных операций, как правило, достигались усилиями двух фронтов (Восточно-Прусская, Висло-Одерская операции и другие) и лишь в отдельных случаях — трех фронтов (Берлинская и Пражская операции). Решение в 1945 г. стратегических задач меньшим количеством фронтов говорит о том, что с увеличением боевого состава фронтов последние могли решать более крупные задачи в рамках стратегических операций.

Значительное увеличение боевого состава фронтов благоприятствовало созданию сильных вторых эшелонов и резервов, предназначенных для наращивания усилий в ходе операции. В большинстве крупных наступательных операций во вторых эшелонах фронтов находились одна-две общевойсковые армии (1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты в Висло-Одерской, 3-й Белорусский фронт в Восточно-Прусской операциях и другие). Общевойсковые армии второго эшелона использовались, как правило, для развития наступления в глубину (11-я гвардейская армия в Восточно-Прусской операции), завершения окружения крупной группировки противника и ее уничтожения (3-я и 28-я армии в Берлинской операции), обеспечения флангов ударных группировок фронтов от возможных контрударов противника (3-я ударная армия в Висло-Одерской операции). Для развития успеха в глубину фронты имели в своем составе одну-две танковые армии или несколько механизированных, танковых и кавалерийских корпусов. Общая глубина оперативного построения войск фронтов в исходном положении для наступления в условиях прорыва заранее подготовленной обороны доходила до 100 км. Армии, действовавшие на направлении главного удара, как правило, имели также двухэшелонное оперативное построение.

Одной из характерных черт наступательных операций кампаний 1945 г. являлось то, что они протекали в условиях значительного общего численного превосходства советских войск, которое на направлении главных ударов фронтов было еще более высоким. Создание такого превосходства обеспечивалось также искусным сосредоточением сил и средств на этих направлениях. Так, 3-й Белорусский фронт перед началом Восточно-Прусской операции был развернут на 170-километровом фронте, а прорыв осуществлял на участке шириной в 24 км. На участке прорыва было сосредоточено около 56% стрелковых дивизий, 80% танков и са-

моходно-артиллерийских установок и 77% артиллерии (калибра 76 мм и выше). 1-й Украинский фронт в Висло-Одерской операции при общей протяженности фронта в 230 км прорыв осуществлял на 34-километровом участке. На участке прорыва было сосредоточено около 75% стрелковых дивизий, 90% всей артиллерии (калибра от 76 мм и выше), до 90% танков и САУ и почти вся авиация²⁷.

В 1945 г. размах фронтовых наступательных операций был различный: он зависел от задачи и состава фронта, а также от емкости и важности стратегического или операционного направления. В ряде случаев при проведении стратегической операции ее глубина совпадала с глубиной фронтовых наступательных операций. Это обуславливалось тем, что стратегические и фронтовые операции ограничивались естественными рубежами или овладением стратегически важными центрами (выход наших войск к побережью Балтийского моря, овладение Берлином, Веной), расположенными на глубине 60–200 км. В этих случаях глубина фронтовой операции колебалась от 130 до 260 км.

Наибольший размах в кампании имели те фронтовые наступательные операции, которые проводились при отсутствии ограничивающих условий географического порядка. Так, в Висло-Одерской стратегической операции глубина фронтовых наступательных операций достигала 480–570 км, ширина полос наступления фронтов — 230–250 км, продолжительность операций — 18–20 суток, средний темп наступления — до 30 км в сутки.

В кампании 1945 г. последующие фронтовые наступательные операции, как правило, организовывались и подготавливались в ходе предыдущих операций и начинались после небольших пауз или вообще без них. Так, например, 1-й Украинский фронт начал Нижне-Силезскую операцию без паузы, произведя подготовку в ходе Висло-Одерской операции. Этот же фронт, завершив Берлинскую операцию, после короткой подготовки начал Пражскую операцию²⁸. Однако не всегда проведение последующей операции без паузы позволяло достичь поставленной перед войсками фронта цели. Так, 2-й Белорусский фронт после проведения Восточно-Прусской операции начал без паузы Восточно-Померанскую операцию, но через девять суток вынужден был прекратить наступление, не решив поставленной перед ним задачи по разгрому группировки противника в Восточной Померании. Это произошло потому, что фронт получил непосильную задачу, начав Восточно-Померанскую операцию, фактически не имея времени на ее подготовку. Соединения были значительно ослаблены тяжелыми боями в ходе Восточно-Прусской операции. Кроме того, из состава фронта были изъяты и переданы в состав 3-го Белорусского фронта три общевойсковые и одна танковая армии. Дальнейшее наступление 2-й Белорусский фронт смог начать лишь после того, как был усилен одной общевойсковой армией из резерва Ставки. При этом задачу по разгрому группировки противника в Восточной Померании он уже решал совместно с 1-м Белорусским фронтом.

Проведение фронтовых наступательных операций без пауз или после короткой подготовки обуславливалось следующими факторами: решительным превосходством в силах и средствах Красной армии над германским вермахтом, требованиями военно-политической обстановки в кратчайший срок завершить разгром фашистской Германии, возросшим искусством командующих фронтами и армиями, которые могли осуществлять в короткий срок маневр силами и средствами на новое направление для решения новых задач.

Возможность осуществления ряда последовательных фронтовых операций была тесно связана с искусством проведения крупных внутрифронтовых перегруппировок в короткие сроки. Почти каждая последующая фронтовая операция в кампании 1945 г. начиналась после перегруппировок войск на новое направление. Например, 1-й Украинский фронт после завершения Висло-Одерской операции произвел крупную перегруппировку сил с левого крыла фронта на правое для проведения Нижне-Силезской операции, а после ее завершения — вновь на левое крыло для проведения Верхне-Силезской операции. Сразу после разгрома германских войск в Берлине значительная часть сил 1-го Украинского фронта, участвовавших в Берлинской операции, была перегруппирована в течение нескольких дней на пражское направление.

Наступление войск 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на берлинском направлении закончилось блестящей победой²⁹. Искусная перегруппировка в короткие сроки сил и средств внутри фронтов способствовала развитию наступления без пауз. В этих условиях противник не успевал организовать достаточно прочную и развитую в глубину оборону и своевременно усилить свои войска за счет подбрасываемых резервов³⁰.

Фронтные операции 1945 г. отличались преследованием неприятеля на большую глубину и высокими темпами. Так, в Восточно-Прусской и Венской операциях, которые характеризовались недостаточной степенью поражения противника в тактической зоне обороны, медленным темпом ее прорыва и сложным характером района боевых действий, темп преследования был значительно ниже, чем в других операциях 1945 г. В Восточно-Прусской операции войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов получили возможность начать преследование лишь на седьмой-восьмой день операции, при этом темп достигал 10–13 км в сутки в 3-м Белорусском фронте и 20 км во 2-м Белорусском фронте. В Венской операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли в преследование на десятый день операции и вели его с темпом 10 км в сутки.

В ходе Висло-Одерской операции, в которой противник в тактической зоне понес крупные потери, а прорыв тактической зоны был осуществлен в течение одного-двух дней, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов перешли в преследование на второй и третий день операции и вели его с темпом 30–35 км в сутки. Также в высоких темпах (25–30 км в сутки) осуществлялось преследование противника войсками 1-го Белорусского фронта в Восточно-Померанской операции, после прорыва тактической зоны вражеской обороны в течение первых двух дней.

Глубина преследования в операциях 1945 г. колебалась от 150–160 км (Восточно-Пруская и Венская операции) до 350–550 км (Висло-Одерская операция). Продолжительность преследования в зависимости от глубины операции и степени сопротивления противника колебалась от 8–10 суток (Восточно-Пруская и Венская операции) до 16 суток (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской операции). В Восточно-Померанской операции, глубина которой для войск 1-го Белорусского фронта равнялась 120–140 км, продолжительность преследования до выхода войск фронта на побережье Балтийского моря составляла четверо суток.

Из приведенных примеров видно, что наиболее высокий темп преследования был достигнут в Висло-Одерской операции. Кроме решительного поражения противника в тактической зоне обороны и быстрого ее прорыва на темпы преследования оказывало влияние наличие в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов большого количества подвижных войск: четыре танковые армии, шесть отдельных танковых и механизированных и три кавалерийских корпуса. Такое большое количество подвижных войск создавало благоприятные условия для развития преследования в глубину, разгрома подходивших резервов противника по частям, срыва планов немецко-фашистского командования организовать оборону в глубине отходившими войсками и подходившими резервами.

Подвижные войска, являясь основным средством ведения преследования, очень часто отрывались от общевойсковых армий на большую глубину. Например, танковые армии 1-го Белорусского фронта в отдельные дни операции уходили в отрыв от общевойсковых армий на 100 и более километров. Темп преследования для подвижных войск достигал 50–60 км, для общевойсковых армий — 30–40 км в сутки. В этой операции преследование велось на 500-километровом фронте, а общевойсковые армии шли в полосах от 15 до 30 км. Преследование осуществлялось неотрывно, круглосуточно, большую роль играли специально создаваемые отряды, состоявшие из различных родов войск. Отрядам, действовавшим ночью, предоставлялся отдых в дневное время.

Большая роль в успешном преследовании противника принадлежала авиации, действия которой сосредоточивались на важнейших направлениях наступления сухопутных войск и были направлены на уничтожение отходивших войск противника, разрушение железных и шоссейных дорог, мостов, переправ. В результате ударов авиации на дорогах образовывались

Колонна немецких военнопленных

пробки, неприятель был вынужден бросать автомашины, повозки, орудия и другую боевую технику. Удары авиации сковывали маневры противника, затрудняли ему планомерный отход и создавали более выгодные условия для разгрома его отходивших частей.

В кампании 1945 г. в ходе наступательных операций наши войска широко применяли ночные действия, которые велись с целью прорыва главной полосы обороны или завершения прорыва всей тактической зоны обороны при развитии наступления в ходе преследования, а также в ходе борьбы за овладение крупными городами. В целях достижения внезапности при переходе войск фронта в наступление в ночной атаке принимали участие главные силы фронта (1-й Белорусский фронт в Берлинской операции) или главные силы армии (5-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта в Пражской операции). В ночных условиях завершение прорыва тактической зоны обороны противника в одних случаях осуществлялось основными силами главной ударной группировки фронта (1-й Украинский фронт в Верхне-Силезской операции) или только частью ее сил (1-й Украинский фронт в Висло-Одерской операции), в других случаях для этого от каждой стрелковой дивизии первого эшелона выделялись по одному стрелковому батальону (2-й Белорусский фронт в Восточно-Прусской операции). Иногда к прорыву тактической зоны обороны противника в ночных условиях привлекались также танковые соединения (2-й гвардейский танковый корпус 3-го Белорусского фронта в Восточно-Прусской операции). Наступательные действия ночью при завершении прорыва тактической зоны обороны лишали неприятеля возможности организовывать защиту рубежей и позиций, расположенных в ее глубине, и облегчали нашим войскам ее преодоление.

При развитии наступления в оперативной глубине обороны противника советские войска также широко применяли ночные действия. Цель наступательных действий в этих условиях сводилась к тому, чтобы не дать возможности врагу оторваться от наших войск и занять подготовленные в глубине рубежи обороны. Так, в Берлинской операции наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта ночью позволило ей на плечах противника форсировать р. Шпрее, по западному берегу которой была подготовлена тыловая полоса обороны немцев, захватить плацдармы и обеспечить условия для удара по Берлину с юга. В результате ночных действий 3-я гвардейская танковая армия захватила перевалы через Рудные горы (1-й Украинский фронт в Пражской операции). Ночное преследование велось специально выделенными отрядами, подразделениями и частями в полосе наступления армии или фронта. Они должны были предупредить противника в занятии обороны на промежуточных рубежах, захватить переправы через водные преграды, захватить опорные пункты или узлы дорог, выйти в тыл противнику и поставить его под угрозу окружения.

Использование военно-воздушных сил во фронтовых наступательных операциях 1945 г. характеризовалось значительным авиационным превосходством. Воздушные армии фронтов по количеству самолетов превосходили противостоявшие им ВВС в 2–5 раз. Это позволяло не только обеспечить сухопутные войска от ударов противника с воздуха, но и оказывать им непрерывную поддержку. ВВС фронтов сосредоточивали свои основные усилия на тех направлениях, где сухопутные войска решали основную задачу, что позволяло создавать на участках прорыва авиационную плотность в 60–70 самолетов на 1 км фронта³¹.

В ходе наступательных операций ВВС фронтов прикрывали сухопутные войска от ударов с воздуха, оказывали содействие главным группировкам войск в прорыве обороны противника, обеспечивали ввод в прорыв и действия в глубине подвижных войск, наносили удары по резервам врага, подходившим из глубины, вели разведку и борьбу с его авиацией. Основные усилия авиации в ходе наступательных операций направлялись на обеспечение сухопутных войск при прорыве обороны противника и их действий в оперативной глубине. Это достигалось нанесением ударов по неприятелю на поле боя и по его подходившим резервам, прикрытием своих войск с воздуха. Решающее значение при этом имело уничтожение авиации противника в воздушных боях³².

В наступательных операциях 1945 г. управление авиацией в период прорыва тактической зоны обороны противника в основном было централизованным. Но при развитии наступления в управлении авиацией допускалась децентрализация: часть сил авиации передавалась в

оперативное подчинение командующих общевойсковыми и танковыми армиями. В условиях скоротечности боев и при резких изменениях обстановки, свойственных ряду операций 1945 г., это обеспечивало быструю помощь войскам со стороны авиации и поддержание взаимодействия со стрелковыми и особенно с подвижными соединениями. Наиболее тесное взаимодействие авиации с подвижными войсками достигалось при совместном следовании командиров авиационного и подвижного соединений. В этом случае авиационный командир имел возможность своевременно получить полные сведения обо всех изменениях в наземной обстановке и на основе этих данных быстро принимать необходимые меры для оказания помощи.

В операциях 1945 г. слабым местом в использовании ВВС фронтов оставалась борьба с оперативными резервами противника. Ограниченный размах действий авиации по борьбе с оперативными резервами и перевозками неприятеля объясняется недостаточным количеством дневной бомбардировочной авиации в составе воздушных армий фронтов, отсутствием специальной истребительной авиации сопровождения, малым радиусом действия штурмовиков, а также ограниченными возможностями истребительной авиации по сопровождению бомбардировщиков. Последнее обстоятельство затрудняло использование бомбардировочной авиации для действий по резервам противника даже в условиях господства нашей авиации в воздухе.

Наряду с наступательными операциями советским войскам приходилось вести и оборонительные действия. Поучительным примером в кампании 1945 г. является Балатонская оборонительная операция, проводившаяся с целью отражения контрнаступления противника в ходе подготовки войсками 3-го Украинского фронта Венской наступательной операции. Она стала подтверждением того, что общевойсковые объединения и соединения способны успешно противостоять ударам крупных танковых группировок врага. В Балатонской оборонительной операции оперативная глубина обороны определялась размерами плацдарма, занимаемого войсками фронта, она отличалась высокой активностью и широким маневром. Упорной и активной обороной войска фронта сорвали контрнаступление немецко-фашистских войск и создали себе выгодные условия для перехода в наступление.

Рост технического оснащения Красной армии, возросшее мастерство офицеров и генералов в организации боя и в управлении войсками, совершенствование солдат в применении боевой техники обусловили дальнейшее развитие тактики наших войск. В 1945 г. советские войска имели уже значительный опыт ведения боев в городах и крупных населенных пунктах, приобретенный ими в предшествовавших периодах войны.

Противник, полностью утратив наступательную способность, стал с особым упорством отстаивать города и населенные пункты, включая их в общую систему обороны и превращая в опорные пункты тактического, оперативного, а иногда и стратегического значения (Кёнигсберг, Будапешт, Берлин). Бои внутри крупных населенных пунктов характеризовались ограниченностью обзора и обстрела, сложностью управления войсками, пониженными возможностями маневра и в силу своеобразных условий распадалась на ряд отдельных местных боев, исход которых решали самостоятельные и инициативные действия даже небольших подразделений.

При сражениях в городе с целью повышения ударной силы и самостоятельности стрелковых подразделений им придавались танки, самоходно-артиллерийские установки, артиллерия всех калибров для стрельбы прямой наводкой, а для преодоления заграждений и минных полей, устройства проходов в стенах, выжигания врага из укрытий — саперы и огнеметчики.

По мере насыщения войск Красной армии боевой техникой к концу войны стало возможным усиливать почти все стрелковые подразделения артиллерией, танками, самоходными и артиллерийскими установками, саперами. В силу этого в 1945 г. борьба в городе велась уже не отдельными штурмовыми группами и отрядами, создаваемыми в стрелковых частях и подразделениях, как это имело место в предшествующие годы войны, а всеми стрелковыми подразделениями, усиленными необходимым количеством боевой техники, хотя они продолжали называться штурмовыми отрядами и группами.

В ходе войны Ставка ВГК осуществляла руководство действующей армией как непосредственно через полевые управления фронтов, так и через промежуточные инстанции — главные командования стратегических направлений, своих представителей и главное командование на ТВД. Ставкой применялись различные способы и методы руководства: в основном личное общение Верховного главнокомандующего с командующими фронтами и армиями, постановка боевых задач войскам путем директив и письменных распоряжений, выезд представителей Ставки ВГК в войска действующей армии и другие. Более совершенными стали средства управления: телеграф, телефон и особенно радио. Широко применялись различные подвижные средства и боевая документация.

Непосредственное руководство войсками действующей армии осуществляли командующие фронтами и армиями через командиров соединений и частей. В ходе войны общая система управления войсками претерпела ряд изменений в целях приведения ее в соответствие с характером, размахом и условиями военных действий, установившейся организационной структурой войск. Однако ее основа оставалась неизменной: при командующих объединениях имелись военные советы (как совещательные органы) и полевые управления, основными рабочими органами командующих и командиров являлись их штабы, а ведущими звеньями штабов были их оперативные управления, отделы, отделения³³.

Система стратегического руководства вооруженными силами и управления войсками к концу войны стала более гибкой, мобильной и явилась важным фактором в достижении победы над агрессором. Основными тенденциями в ее развитии являлись: централизация; усиление связей политического и стратегического руководства; возрастание роли Генерального штаба в руководстве вооруженными силами; приближение стратегической инстанции к войскам действующей армии путем создания промежуточных звеньев в виде главных командований стратегических направлений (ТВД), назначения представителей Ставки для координации действий ряда фронтов; повышение оперативности руководства войсками при возрастании роли оперативных органов и общевойсковых штабов в целом; сращивание военной связи с государственной; широкое внедрение технических средств связи; уменьшение потока боевой документации путем применения формализованных документов (применение последних в сочетании с техническими средствами знаменовало собой зарождение первичных элементов автоматизации управления)³⁴.

Опыт войны показал, что важнейшими факторами, определявшими размах стратегических операций, были содержание их политических и стратегических целей, экономические возможности вооруженных сил сторон, а также физико-географические особенности театра военных действий³⁵.

В целом к концу войны система оперативно-стратегического руководства вооруженными силами в основном соответствовала характеру военных действий, общим требованиям политики и военной стратегии. Будучи достаточно надежной, она обеспечивала устойчивое, непрерывное и эффективное управление войсками и силами флота, успешное выполнение всего комплекса военно-политических и стратегических задач³⁶.

Победа, одержанная на Дальнем Востоке, стала новым ярким свидетельством торжества советского военного искусства. В боях на Дальнем Востоке вновь проявились высокий боевой дух и мужество советских воинов, высокие организаторские способности генералов и офицеров, вооруженных передовой военной теорией. В войну с Японией Красная армия вступила хорошо оснащенной всеми видами боевой техники и обогащенной четырехлетним опытом борьбы с таким сильным врагом, как фашистская Германия, в совершенстве владеющей передовой современным военным искусством.

Советско-японская война 1945 г. была проведена в рамках одной Дальневосточной кампании — уникальном явлении в истории войн. Став логическим продолжением Великой Отечественной войны, вобрав в себя опыт, накопленный в вооруженной борьбе против гитлеровской коалиции в Европе, она по праву признана шедевром военного искусства, оказавшим огромное влияние на развитие послевоенной стратегии.

Дальневосточная кампания СССР отличалась высоким качеством планирования и мастерства подготовки и проведения операций, особенно Маньчжурской стратегической наступательной, а также боевым мастерством участвовавших в них воинов армии и флота. Прежде всего это относится к подготовке и нанесению внезапного сокрушительного удара по противнику в самом начале кампании. Дерзость и стремительность советского наступления настолько шли вразрез с характером военных действий России в Японо-русской войне 1904—1905 гг., были так неожиданны и ошеломляющи для японской армии, привыкшей к скованности, методичности, а то и робости в действиях ее противников во Второй мировой войне, к относительно невысоким темпам их наступления, что она оказалась неготовой к борьбе с Вооруженными силами СССР, имевшими богатый опыт ведения масштабных высокоманевренных военных операций.

Советская кампания на Дальнем Востоке была кратковременной — менее четырех недель. Важнейшая ее черта — достижение стратегических целей в пределах первой декады военных действий. Дальневосточный ТВД отличали огромные масштабы и уникальные физико-географические особенности, существенно влиявшие на характер вооруженной борьбы. Беспрецедентны были трудности природного характера, в условиях которых проходили боевые действия: бездорожье, тайга, горные массивы, пустыни, болота, полноводные реки, морские пространства и т. п.

В кампании на Дальнем Востоке, в частности в Маньчжурской стратегической наступательной операции, широко использовался богатый отечественный опыт военного искусства, особенно накопленный в войне против фашистской Германии (в первую очередь в Висло-Одерской операции начала 1945 г.) и в боях с японцами у озера Хасан и монгольской реки Халхин-Гол.

Для Дальневосточной кампании характерно небывалое по дальности, масштабам, срокам, скрытности перебазирование крупных сил на новый театр военных действий. Ставка ВГК в относительно короткий срок осуществила стратегическую перегруппировку сил и средств на расстояние 9—12 тыс. км, с Европейского театра военных действий на Дальний Восток. В основном в течение трех месяцев по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали были перебросены три общевойсковые и одна танковая армии, а также большое количество отдельных соединений и частей различных родов войск и боевой техники. Такая масштабная перегруппировка войск в короткий срок и на огромное расстояние не имела прецедента в истории. Советскому командованию удалось в целом скрыть эту перегруппировку и боевой состав перемещаемых войск. Несмотря на то что японцы знали о переброске советских войск с Запада, они не смогли точно определить их масштаб и время завершения сосредоточения на Дальнем Востоке. Достижению внезапности способствовали такие мероприятия, как сохранение в тайне плана операций, поддержание соответствующего режима на границе, маскировка переброски войск под видом их возвращения к местам постоянной дислокации и демобилизации.

В течение мая — июля 1945 г. органы оперативно-стратегического руководства советских войск на Дальнем Востоке были перестроены с учетом опыта Великой Отечественной войны и особенностей данного театра. Для стратегического руководства военными действиями против Японии в связи с удаленностью театра военных действий от Москвы, где находилась Ставка ВГК, а также большим пространственным размахом предстоявших операций (площадь только сухопутной территории, на которой предстояли военные действия, превышала размеры территорий главных агрессоров — Японии, Германии и Италии вместе взятых) было создано Главное командование советских войск на Дальнем Востоке. В подчинение созданному Главному командованию были переданы все развертывавшиеся на театре сухопутные войска, авиация, войска ПВО, пограничные войска НКВД и силы ВМФ. В то же время Ставка ВГК и ее рабочий орган — Генеральный штаб по-прежнему имели непосредственную связь с фронтами и флотом. Эти важные организационные мероприятия обеспечили выполнение планов Верховного главнокомандования по разгрому миллионной Квантунской группировки войск и соединений 5-го японского фронта на Южном Сахалине и Курилах,

Командующие общевойсковыми армиями в конце 1944—1945 гг.

П. И. Батов

А. П. Белобородов

П. А. Белов

Н. Э. Берзарин

С. С. Бирюзов

И. В. Болдин

Н. А. Гаген

К. Н. Галицкий

А. И. Гастилович

В. В. Глаголев

В. А. Глуздовский

А. В. Горбатов

В. Н. Гордов

Ф. Д. Гореленко

А. А. Гречко

И. Т. Гришин

Д. Н. Гусев

Н. И. Гусев

А. С. Жадов

Ф. Ф. Жмаченко

Г. Ф. Захаров

Н. Д. Захватаев

М. И. Казаков

Г. К. Козлов

В. Я. Колпакчи

И. Т. Коровников

К. А. Коротеев

Г. П. Коротков

Я. Г. Крейзер

Н. И. Крылов

В. И. Кузнецов

П. А. Курочкин

А. А. Лучинский

И. И. Людников

П. Ф. Малышев

С. К. Мамонов

И. М. Манагаров

К. С. Москаленко

Ф. П. Озеров

Ф. И. Перхорович

В. С. Попов

Н. П. Пухов

В. Н. Разуваев

С. В. Рогинский

В. З. Романовский

В. П. Свиридов

Н. П. Симоняк

Ф. Н. Стариков

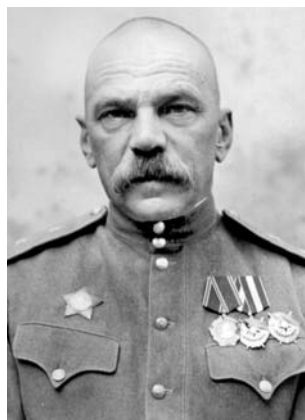
М. Ф. Терехин

С. Г. Трофименко

И. И. Федюнинский

М. С. Филипповский

В. Д. Цветаев

П. Г. Чанчибадзе

Л. Г. Черемисов

И. М. Чистяков

В. И. Чуйков

М. Н. Шарохин

П. Г. Шафранов

В. И. Швецов

И. Т. Шлемин

М. С. Шумилов

В. И. Щербаков

Командующие танковыми армиями в конце 1944–1945 гг.

В. М. Баданов

С. И. Богданов

В. Т. Вольский

М. Е. Катуков

А. Г. Кравченко

Д. Д. Лелюшенко

А. И. Радзиевский

П. А. Ротмистров

П. С. Рыбалко

позволили Ставке ВГК быстро учитывать изменения в оперативно-стратегической и военно-политической обстановке и своевременно реагировать на них, а также оказывать на месте необходимую помощь фронтам.

Советское Верховное главнокомандование в период подготовки к вступлению в войну с Японией не только укрепило, но и значительно переформировало вооруженные силы на Дальнем Востоке, создав три оперативно-стратегических фронтовых объединения сухопутных войск и усилив боевые возможности Тихоокеанского флота. В результате осуществленных мероприятий Советский Союз смог за короткий срок создать мощную наступательную стратегическую группировку войск, которая была способна быстро и решительно разгромить японские войска в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Войска Красной армии, участвовавшие в кампании на Дальнем Востоке, имели в основном общую для последнего периода Великой Отечественной войны организационную структуру соединений и такое же вооружение. Вместе с тем боевой состав объединений несколько отличался от типового состава армий, принятого в последнем периоде Великой Отечественной. В связи с особенностями театра военных действий общевойсковые армии на одних направлениях имели по два-три корпуса, по три дивизии в каждом, а на других — не более трех дивизий. Но характерным было то, что во всех армиях главной силой являлись отдельные танковые бригады.

Оперативное построение войск Забайкальского фронта и большей части армий 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов было двухэшелонным, причем вторые эшелоны общевойсковых армий вводились в сражение обычно раньше запланированного срока. Это определялось успешным развитием армейских операций и необходимостью использовать выгодную обстановку для наращивания темпов наступления.

Особенностью оперативного построения войск Забайкальского фронта являлось наличие танковой армии и конно-механизированной группы в первом эшелоне фронта, что вызывалось необходимостью предупредить противника в развертывании и захвате перевалов Большого Хингана и быстрого выхода на Маньчжурскую равнину. Своеобразный состав имела и 6-я гвардейская танковая армия: находясь в первом эшелоне оперативного построения Забайкальского фронта и предназначаясь для решительных, высокоманевренных самостоятельных действий в условиях значительного отрыва от главных сил общевойсковых армий, она кроме танкового и двух механизированных корпусов имела две отдельные мотострелковые дивизии. Эти дивизии, дислоцировавшиеся длительное время на Дальнем Востоке, были хорошо подготовлены для действий в пустынной и горной местности. Таким образом, состоя на 80% из механизированных соединений, 6-я гвардейская танковая армия была, по сути, механизированной армией, обладавшей большой подвижностью и ударной силой, прообразом советских общевойсковых армий 1970–1990-х гг.

В 1-м Дальневосточном фронте 10-й механизированный корпус действовал как эшелон развития успеха. Большое количество отдельных танковых бригад (всего 30) наступало с первыми эшелонами стрелковых дивизий, что в данных конкретных условиях и обстановке полностью себя оправдало, обеспечив высокий темп наступления.

Проведенная в рамках Дальневосточной кампании Маньчжурская стратегическая наступательная операция явилась крупнейшей в истории войн стратегической операцией, осуществленной в пустынно-степной и горно-таежной местности силами трех фронтов, Тихоокеанского флота, пограничных войск и Амурской военной флотилии. Стратегические цели операции были достигнуты в пределах десяти суток; ближайшая задача фронтов, заключающаяся в форсировании полноводных рек, преодолении укрепленных районов, горных хребтов, таежных и пустынных районов и выходе на Центрально-Маньчжурскую равнину (глубина 450 км), была выполнена за 4–6 суток военных действий.

Операция была подготовлена и проведена по всем правилам военного искусства, ее характеризовали скрытность сосредоточения и развертывания группировок войск, хорошо организованное взаимодействие фронтов, флота и речной флотилии, внезапность перехода

в наступление ночью одновременно всеми фронтами, нанесение сильного удара войсками первых эшелонов, захват стратегической инициативы, маневр силами и средствами, широкий пространственный размах, высокие темпы наступления на большую глубину. Внезапность и сила ударов в первые дни и часы войны, осуществленных, как правило, без артиллерийской подготовки, сыграли решающую роль в достижении цели операции. Особенно большое значение внезапность имела для овладения японскими приграничными укреплениями, бои за которые в иных условиях могли бы иметь затяжной характер и сопровождаться серьезными потерями.

Замысел Маньчжурской стратегической наступательной операции отличался конкретностью и предусматривал наиболее эффективные способы действия войск. Конечные цели операции намечалось достичь путем последовательного решения поставленных перед войсками задач.

Во-первых, требовалось быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, выйти главными силами трех фронтов на рубежи, с которых можно было бы развивать наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Такими рубежами являлись: для Забайкальского фронта — Дабаньшан — Лобэй — Солунь; для 1-го Дальневосточного фронта — Боли — Муданьцзян — Тумыньцзян.

Во-вторых, планировалось разгромить резервы Квантунской группировки войск и выйти основными силами трех фронтов на линию Чифын — Мукден — Чанчунь — Чжаланьтунь — Цицикар — Харбин — Гирин — Яньцзы. Решение этой задачи должно было привести к поражению главных сил противника и овладению советскими войсками всей основной территорией Маньчжурии.

В-третьих, надо было ликвидировать остатки войск противника в случае, если бы они не прекратили сопротивления.

Детальная разработка плана операции и неукоснительное следование ему в ходе военных действий дали советскому командованию возможность удерживать инициативу в своих руках. При планировании и проведении операции учитывалась конфигурация советско-маньчжурской и советско-корейской границ. Охватывающее положение советских войск по отношению к неприятелю в начале наступления позволило нанести мощные удары по флангам японской Квантунской группировки с запада и востока, быстро осуществить глубокий охват ее главных сил, рассечь их несколькими вспомогательными ударами по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям и разгромить по частям. Направления главных ударов фронтов выводили войска на фланги и в тылы основной группировки противника, что лишало ее связи с метрополией и стратегическими резервами, расположенными в Северном Китае. Основные силы фронтов наступали на участках фронтовых полос общей шириной в 2720 км.

Важной особенностью Маньчжурской стратегической наступательной операции являлась большая разобщенность операционных направлений не только фронтов и армий, но в ряде случаев даже направлений военных действий соединений. Оперативное взаимодействие между большей частью объединений и соединений практически возможно было лишь на заключительном этапе операции. Тактическое же взаимодействие либо исключалось вовсе, либо могло осуществляться только в отдельных случаях и также лишь на заключительном этапе операции при встрече в Центральной Маньчжурии группировок войск, наступавших с разных направлений. Взаимодействие здесь выражалось в том, что усилия войск Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, а также Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии направлялись к достижению единой цели — быстрого разгрома основных сил Квантунской группировки.

Путем массирования до 70–90% сил и средств на направлениях главных ударов было обеспечено превосходство над противником: в людях — в 1,5–1,7 раза, в орудиях — в 4–4,5 раза, в танках и САУ — в 5–8 раз, в самолетах — в 2,6 раза³⁷. Вспомогательные удары наносились с таким расчетом, чтобы лишить противника возможности перебрасывать войска на главные направления наступления советских войск.

Митинг в одной из танковых частей перед началом войны с Японией

Характерными чертами фронтовых и армейских операций, проведенных в рамках Маньчжурской стратегической наступательной операции, являлись: большая глубина — от 200 до 800 км; широкие полосы наступления, достигавшие во фронтах 700—2300 км, а в большинстве армий — 200—250 км; применение маневра в целях охватов, обходов и окружения группировок противника; высокие темпы наступления, достигавшие до 40—50 км в сутки, а в отдельные дни — более 100 км. Общевоинские и танковые армии в большинстве случаев (кроме 53-й армии Забайкальского фронта) наступали в первых эшелонах фронтов до завершения фронтовых операций на всю их глубину³⁸.

Решающая роль в Маньчжурской стратегической наступательной операции отводилась Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам. Мощный удар войск Забайкальского фронта отсекал основные силы Квантунской группировки войск от Северного фронта японских Экспедиционных сил в Китае, а удар войск 1-го Дальневосточного фронта — от Корейского (17-го) фронта. В результате этих действий Квантунская группировка, лишенная всех коммуникаций, оказывалась в изоляции, а ее командование теряло возможность маневрировать своими резервами. С выходом же войск Забайкальского фронта в район Мукдена противник вынуждался к действиям с перевернутым фронтом.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, действуя на цзицзянском и харбинском направлениях, осуществляли содействие Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам, нанося вспомогательный удар вдоль р. Сунгари.

Важную роль сыграли пограничные войска, которые не только усилили охрану государственной границы и сообщали прибывшим частям разведывательные данные о противнике и состоянии местности в приграничной зоне, но и приняли непосредственное участие в боевых действиях, расчищая полосу наступления фронтам и армиям.

Тихоокеанскому флоту первоначально были поставлены сугубо оборонительные задачи. Директивы наступательного характера, в частности о высадке десантов в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, были даны уже в ходе боевых действий.

Оперативное построение войск Забайкальского фронта было двухэшелонным, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов — одноэшелонным с наличием резервов. Общевоинские армии строились в один-два эшелона, а на тех направлениях, где противником были оборудованы укрепленные районы, в корпусах и дивизиях создавались глубокие боевые порядки.

Каждый из родов советских войск на Дальнем Востоке проявил высокое военное мастерство, внес свой существенный вклад в развитие теории и практики военного искусства.

На главных направлениях широко использовались танковые и механизированные войска. Они активно привлекались к действиям в пустынно-степных и пустынно-горных районах как в качестве основных сил ударных группировок фронтов, так и совместно со стрелковыми соединениями. При этом в Забайкальском фронте 6-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа с самого начала операции находились в первом эшелоне, что было обусловлено слабостью обороны противника на этом операционном направлении. Особенно поучительными были действия 6-й гвардейской танковой армии, которая, наступая в первом эшелоне фронта в полосе около 200 км, за 10 дней продвинулась на глубину свыше 800 км. Включение в состав танковой армии одного танкового, двух механизированных корпусов и двух мотострелковых дивизий обеспечило самостоятельность ее действий и способствовало резкому повышению темпов наступления (в среднем более 80 км в сутки). Быстро продвигаясь в глубину расположения противника, 6-я гвардейская танковая армия создавала благоприятные условия для успешного наступления общевоинских армий. Уничтожив в короткие сроки относительно слабые неприятельские войска в приграничной зоне, танковые и механизированные объединения и соединения упредили главные силы Квантунской группировки войск в захвате перевалов через Большой Хинган и стремительно ворвались в центральные районы Маньчжурии.

Значительная часть танковых соединений, частей и подразделений (до 30 бригад в составе каждого фронта) использовалась для усиления стрелковых соединений и частей. Особенно эффективно они действовали в составе передовых отрядов, которые создавались почти во всех корпусах и дивизиях первых эшелонов общевоинских армий³⁹. Наличие в составе войск

фронтов большого количества механизированных и моторизованных частей и соединений обеспечивало создание подвижных и сильных в огневом отношении и боевой технике отрядов, способных к стремительному наступлению даже в отрыве от своих главных сил.

Общевойсковая армия обычно получала на усиление от двух до пяти танковых бригад и от двух до шести самоходно-артиллерийских полков. На направлениях, где наступление было связано с прорывом сильной обороны, плотность танков достигала 30–40 единиц на 1 км фронта.

Состав передовых отрядов был различным и зависел от конкретных задач и обстановки. В отряд включались: от одной-двух рот до полка пехоты на автомашинах, от батальона до бригады танков, дивизион самоходных артиллерийских установок, от дивизиона до полка артиллерии и истребительно-противотанковой артиллерии, зенитной артиллерии и другие подразделения обеспечения. В некоторых случаях в качестве передовых отрядов действовали отдельные танковые бригады. Внезапность, большая огневая и ударная сила, смелые и решительные действия составляли основу боевых действий передовых подвижных отрядов. В их задачу входили захват и удержание до подхода главных сил выгодных рубежей, обеспечение их развертывания, нахождение флангов противника с целью выхода ему в тыл и организации параллельного преследования. Ход боевых действий полностью подтвердил целесообразность создания таких передовых отрядов на сложном театре военных действий.

Войска 1-го Дальневосточного фронта могли развивать успех в глубину Маньчжурии лишь с форсированием пограничных рек Амур и Уссури, ширина которых после прошедших ливней достигала 2–2,5 км. Соединениям фронта пришлось начинать наступление с прорыва вражеских приграничных укрепленных районов и только после этого развивать тактический успех в оперативный.

В 1-м Дальневосточном фронте, в полосе наступления которого противник имел сильную, глубоко эшелонированную оборону и где местность затрудняла использование крупных формирований танковых войск, дивизии первого эшелона усиливались танковой бригадой и тяжелым самоходно-артиллерийским полком. При прорыве обороны в приграничных районах, где располагалась 200-тысячная группировка японских войск, занимавшая оборудованные укрепленные районы общей глубиной до 130–180 км по рекам Мулинхэ и Муданьцзян, они применялись для непосредственной поддержки пехоты, а при развитии наступления — в передовых отрядах и первых эшелонах главных сил. Действуя в первых эшелонах фронтов, армий и дивизий, танковые части и соединения обычно с ходу прорывали оборону противника и продвигались в глубину. Наиболее сильные узлы сопротивления врага преодолевались во взаимодействии с передовыми частями стрелковых соединений⁴⁰.

Успешно действовала в Маньчжурской стратегической наступательной операции конно-механизированная группа советско-монгольских войск, выполнившая поставленную ей боевую задачу при действиях в первом эшелоне построения войск Забайкальского фронта на самостоятельном направлении на семь дней раньше установленного срока⁴¹.

Оперативное использование артиллерии в каждом фронте имело свои особенности. Первоначально в 1-м Дальневосточном фронте планировалось проведение артиллерийской подготовки продолжительностью 4 часа, во 2-м Дальневосточном фронте — 30–50 минут, а в Забайкальском фронте она не планировалась. Обстановка с начала военных действий внесла существенные коррективы в использование артиллерии: в большинстве случаев проведение артиллерийской подготовки, а на многих направлениях и артиллерийской поддержки в запланированном объеме было отменено — приоритет отдавался достижению внезапности. Основные задачи по огневому поражению противника в ходе наступления стрелковых войск решала полковая и дивизионная истребительно-противотанковая артиллерия, следовавшая непосредственно в боевых порядках войск. Необходимая часть артиллерии выделялась в передовые отряды. Прекрасно зарекомендовали себя части гвардейских минометов (катюш), обладавшие высокой маневренностью и огневой мощью. Управление артиллерией в масштабе армий было децентрализованным, а в масштабе корпусов и чаще дивизий в определенные периоды оно централизовалось.

Поздравление экипажа советского бомбардировщика Пе-2 с успешным выполнением боевого задания.
1-й Дальневосточный фронт

Монитор Амурской флотилии высаживает десант на реке Сунгари

Инженерные войска обеспечивали преодоление водных преград, участвовали в прорыве и захвате сильных укреплений, прокладывали колонные пути, обеспечивали быстрое продвижение пехоты и танков, вели инженерную разведку, участвовали в решении задач водоснабжения.

Управление войсками осуществлялось с учетом таких условий обстановки, как наличие широких полос наступления, действия на изолированных направлениях, высокие темпы продвижения соединений и объединений. Оно строилось с помощью проводных, радио- и подвижных средств связи. В ходе наступления основным средством связи было радио. Скрытность постановки боевых задач во фронтах и армиях обеспечивалась использованием закодированных карт, переговорных таблиц, посылкой офицеров связи. В соединениях и меньших подразделениях задачи ставились обычно путем личного общения соответствующих командиров. Для управления войсками создавались командные и вспомогательные пункты управления. Командные пункты армий в ходе наступления передвигались вслед за войсками первых эшелонов на удалении 20–30 км в армиях и 10–15 км в корпусах. Дивизионные и полковые командные пункты передвигались непосредственно за первыми эшелонами войск.

В тактическом звене стрелковых войск наиболее поучительными являлись переход в наступление ночью при неблагоприятных метеорологических условиях и на труднопроходимых участках местности, осуществление прорыва укрепленных районов. При прорыве укрепленных районов дивизии и корпуса имели глубокие боевые порядки и создавали большую плотность сил и средств — до 200–240 орудий и минометов, 30–40 танков и САУ на 1 км фронта.

Внезапность достигалась тщательной маскировкой и переходом в наступление ночью, зачастую при неблагоприятных погодных условиях и на труднодоступных участках местности. В прорыве обороны важную роль играли передовые батальоны, продвигавшиеся до рассвета на глубину 3–5 км. Заслуживает внимания прорыв укрепленных районов в полосе наступления войск 1-го Дальневосточного фронта ночью, без артиллерийской и авиационной подготовки. Внезапное появление советских войск в расположении опорных пунктов Суйфынхэского, Дуннинского и других японских укрепленных районов застигло их гарнизоны врасплох, а стремительные действия войск исключили возможность организованного сопротивления. Опорные пункты были обойдены или блокированы. В обороне противника образовались большие бреши, куда устремились главные силы наступавших войск. Это решило участь большей части вражеских укрепленных районов, павших в первые же дни операции.

Успешное развитие наступления в глубину во многом зависело от передовых отрядов, выделявшихся от дивизий и корпусов первого эшелона армий в составе от батальона до полка пехоты на автомобилях, усиленных танками (до бригады), артиллерией (до полка), саперами, химиками и связистами. Отрыв передовых отрядов от главных сил составлял 10–50 км. Задача этих отрядов состояла в уничтожении очагов сопротивления, захвате узлов дорог, перевалов, дефиле. Наиболее сильные очаги сопротивления отряды обходили, не ввязываясь в затяжные бои. Их внезапные атаки, решительное продвижение в глубину расположения противника не давали ему возможности организовать оборону частями прикрытия. Главные силы стрелковых соединений, используя успех передовых отрядов, в большинстве случаев продвигались в походных колоннах без непосредственной тактической связи между собой⁴².

Большую ценность представляет богатый опыт, накопленный в войне с Японией советскими ВВС. Особого внимания заслуживают скрытная перегруппировка крупных сил авиации с Западного на Дальневосточный ТВД, подготовка и ведение боевых действий в трудных климатических и природных условиях, организация и поддержание взаимодействия со стремительно наступавшими наземными войсками, использование транспортной авиации для высадки воздушных десантов, подвоз войскам боевых и материальных средств, эвакуация раненых.

Военно-воздушные силы в ходе Маньчжурской наступательной операции совершили более 22 тыс. самолето-вылетов⁴³. Действия фронтовой авиации и отдельного корпуса дальней авиации осуществлялись под единым руководством командующего ВВС Красной армии. Советская авиация безраздельно господствовала в воздухе на всем протяжении военных

действий. Прикрывая с воздуха главные группировки войск фронтов, ВВС наносили удары по железнодорожным объектам противника, его оборонительным сооружениям, пунктам управления, скоплениям живой силы и техники, препятствовали подходу резервов из Северного Китая и Кореи, вели интенсивную воздушную разведку на всех основных направлениях наступления войск.

Трудно переоценить значение военно-транспортной авиации, доставлявшей наступавшим через Большой Хинган объединениям горючее и боеприпасы, а также выполнявшей задачи по высадке воздушных десантов. В ходе операции по воздуху было переброшено около 16 500 солдат и офицеров, до 2780 тонн горючего, 563 тонны боеприпасов и 1496 тонн других грузов⁴⁴.

Воздушные десанты высаживались в завершающий период боевых действий. Для обеспечения высадки в сложных погодных условиях перед вылетом десанта к аэродрому посадки направлялся самолет-разведчик, который передавал необходимые данные для перелета и высадки десанта. Десанты захватывали важные объекты до подхода сухопутных войск, а также участвовали в разоружении войск противника. Высадка десантов на аэродромы занятых японцами важных административных центров Маньчжурии и Северной Кореи ускорила капитуляцию их гарнизонов.

Задачи Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии в основном заключались в содействии наступлению сухопутных войск. Взаимодействие сил Военно-морского флота с сухопутными войсками осуществлялось в соответствии с задачами, поставленными Ставкой Верховного главнокомандования, и характером действий фронтов. Так, взаимодействие сил Тихоокеанского флота с войсками 1-го Дальневосточного фронта призвано было обеспечить южный фланг последнего путем надежной обороны побережья и действий на коммуникациях противника, помочь войскам фронта осуществлением десантных операций на побережье Северной Кореи, на Южном Сахалине и Курилах. Активные действия кораблей и авиации Тихоокеанского флота совместно с войсками 1-го Дальневосточного фронта, обеспечивавшие быстрый захват узловых районов Северной Кореи, лишили противника возможности маневрировать своими силами и средствами. Вместе с тем ведение фронтами и армиями операций в широких полосах и разобщенность направлений главных и вспомогательных ударов затрудняли осуществление их оперативного, а порой и тактического взаимодействия с моряками.

Оценивая действия Тихоокеанского флота и его Северной Тихоокеанской военной флотилии, следует отметить, что наиболее характерными для них были авиационные удары, высадка и поддержка морских десантов (всего до 20 десантов от батальона до дивизии) в порты Юки, Расин, Сейсин, Гензан, на Южный Сахалин и Курильские острова. Это позволило быстро освободить и заблокировать важные порты северо-восточного побережья Кореи, подавить сопротивление неприятеля и овладеть южной частью Сахалина и Курильскими островами. В результате упреждающих десантных действий и ударов морской авиации Квантунская группировка лишилась морских коммуникаций и оказалась в полной изоляции, что способствовало успеху Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск в целом. Важной особенностью десантных действий Тихоокеанского флота по овладению портами и базами в Северной Корее являлся высокий темп их проведения, что обеспечивало опережение наступавших советских войск на приморском направлении, деморализацию и нарушение системы обороны противника и лишало японцев возможности проводить маневр своими войсками и эвакуацию их на Японские острова⁴⁵.

Что касается Северной Тихоокеанской военной флотилии, то она оказала существенную помощь войскам Красной армии в освобождении от японцев оккупированной ими части Сахалина в Южно-Сахалинской наступательной операции. Заняв с помощью морских десантов порты на юго-западном и южном побережьях острова, моряки флотилии, с одной стороны, ослабили тыл японских войск, отступавших под натиском соединений и частей сухопутных войск на юг, а с другой — вместе с подводниками и авиаторами лишили их возможности эвакуироваться на остров Хоккайдо, что наряду с проявленным к середине

Население китайского города Далянь радостно встречает советских танкистов

третьей декады августа японским командованием намерением обеспечить повсеместную капитуляцию японских гарнизонов явилось одной из причин отказа Ставки ВГК от высадки десанта советских войск на один из крупнейших островов Японии.

Курильская десантная операция, проводившаяся на первом этапе войсками Камчатского оборонительного района и силами Петропавловской военно-морской базы, являлась наиболее сложной десантной операцией Тихоокеанского флота. И хотя она проводилась не на главном, маньчжурском направлении, но сыграла существенную роль в победе над Японией. Курильская десантная операция, как и другие десантные действия советского флота в Дальневосточной кампании, отличалась кратковременностью подготовки и стремительностью проведения, что нередко приводило к недостаточной подготовленности десантных средств, особенно десантных барж, полученных от США, слабости гидрографического и материально-технического обеспечения действий десантников. Операция проводилась в крайне неблагоприятных условиях погоды (штормы и туманы) и гидрографии. Тем не менее моряки Тихоокеанского флота успешно справились с поставленными перед ними в этой операции задачами.

Наряду с проведением совместных операций с сухопутными войсками Тихоокеанский флот вел активные боевые действия по нарушению морских коммуникаций противника. Для этой цели использовались разнородные силы: авиация, подводные лодки и торпедные катера, которые потопили и повредили в общей сложности около 50 судов, в том числе несколько боевых кораблей. Из них подавляющее число было потоплено или же повреждено в северокорейских портах Юки, Расин и Сейсин. Наибольшего успеха добилась авиация, на долю которой приходится свыше 30 судов, в том числе эскадренный миноносец; 16 судов было потоплено и повреждено торпедными катерами и четыре — подводными лодками⁴⁶.

Главными задачами Амурской военной флотилии являлись содействие сухопутным войскам в форсировании широких водных преград одновременно на нескольких операционных направлениях, высадка десантов, действовавших в авангарде наступавших войск 2-го Дальневосточного фронта, их артиллерийская поддержка. С этими задачами флотилия блестяще справилась. Хорошо организованная и быстро осуществленная переправа войск 2-го Дальневосточного фронта через полноводные реки позволила советским войскам в первый же день войны начать стремительное наступление в глубину Маньчжурии и обеспечить его высокий темп. За десять суток наступления главные силы флотилии, взаимодействуя с войсками 15-й армии, прошли по Амуру и Сунгари свыше 900 км — от Фуйюаня до Харбина, где приняли участие в разоружении и пленении японской Сунгарийской флотилии. Основная тяжесть переправы войск и боевой техники через водные рубежи также легла на боевые корабли и транспортные средства флотилии. Всего в ходе операции флотилия переправила 201 337 солдат и офицеров, около 1 тыс. танков, свыше 3 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. тонн боеприпасов и огромное количество других воинских грузов⁴⁷. В свою очередь, войска 15-й армии в начале операции огнем артиллерии обеспечивали высадку флотилией десантов, захват ими и удержание островов и плацдармов, а в ходе операции прикрывали корабли флотилии, действовавшие на р. Сунгари.

Высокие темпы наступательных действий Амурской военной флотилии в войне против Японии стали возможны благодаря прекрасной выучке личного состава, достигнутой в предыдущие годы, хорошо продуманному и организованному управлению силами в операции, господству советской авиации в воздухе и пассивным действиям японской Сунгарийской флотилии, корабли которой в своем большинстве отстаивались в базе и не решались активно противодействовать наступлению советской флотилии. Большое значение имело также четко налаженное всестороннее обеспечение боевых действий Амурской военной флотилии. Особенно хорошо была организована разведка с использованием кораблей и авиации. Полностью себя оправдало оперативное подчинение флотилии командованию фронта, а бригад речных кораблей — армии и 5-му отдельному стрелковому корпусу.

Опыт боевых действий Амурской военной флотилии в Маньчжурской стратегической наступательной операции еще раз подтвердил, что главным назначением речных флотилий

является содействие войскам фронта, требующее предварительной отработки взаимодействия в процессе боевой подготовки речных и сухопутных сил в мирное время.

В качестве главной ударной силы флотилии при артиллерийской поддержке сухопутных войск и высадке десантов использовались мониторы, канонерские лодки, бронекатера и минные катера, оснащенные реактивными установками. Для уничтожения дотов и дзотов противника и подавления его огневых точек особенно эффективно применялись мониторы, обладавшие наиболее мощной артиллерией и хорошо защищенные броней. Они же оказались способными высаживать и самые крупные тактические десанты, оставаясь малоуязвимыми для неприятельского огня. Бронекатера зарекомендовали себя при ведении разведки и как средства поражения живой силы противника на приречных дорогах и открытой местности, а также при высадке передовых отрядов десанта.

При артиллерийской поддержке сухопутных войск и высадке десанта применялись различные тактические приемы, соответствующие обстановке и характеру решаемых задач. В одном случае корабли вели огонь по берегу с хорошо замаскированных якорных позиций, в другом — на ходу, а иногда, подходя к берегу, занятому противником, — прямой наводкой. Десантные войска в одних случаях перевозились на баржах и буксирах, а артиллерийские корабли прикрывали их, в других — на боевых кораблях, в том числе мониторах и канонерских лодках. Высадка десанта, в зависимости от обстановки, производилась в оборудованные порты непосредственно на пристани и набережные или же вдали от портов на необорудованное побережье⁴⁸. Таким образом, формы нанесения ударов не являлись шаблонными, а непрерывно менялись в зависимости от конкретной обстановки, что свидетельствует о высоком воинском мастерстве советских моряков.

Управление флотилией, несмотря на разбросанность ее бригад и отрядов на огромном пространстве Амурского речного бассейна, было надежным, непрерывным и гибким. Размещение главного командного пункта на штабном корабле «Амур», который находился вместе с основными силами флотилии, действовавшими на главном операционном направлении фронта, давало возможность командующему флотилией и его штабу оперативно реагировать на быстро меняющуюся обстановку и в соответствии с ней более эффективно использовать имевшиеся силы в операции. Успешному наступлению флотилии, особенно на р. Сунгари, навигационные особенности которой были слабо известны амурцам, во многом способствовали инициативные действия офицерского состава всех категорий и их высокая выучка и мастерство в кораблевождении. Японцы в целях замедления продвижения Амурской флотилии на харбинском направлении в узких и труднопроходимых местах р. Сунгари затопили 15 судов и барж и полностью сняли навигационное оборудование. По течению реки они сплавляли большое количество разбитых барж и бревен, загромождая ими ходовой фарватер. Тем не менее командиры кораблей и штурманы успешно преодолевали все эти препятствия и поддерживали высокий темп продвижения кораблей флотилии вверх по реке, проходя в сутки около 100 км, а в общей сложности одолев с боями около 1000 км⁴⁹.

Войска ПВО страны в Дальневосточной кампании находились в постоянной готовности, но крупных боевых действий не вели, поскольку японская авиация не проявляла большой активности.

Характерной особенностью Южно-Сахалинской наступательной операции являлось то, что она готовилась и проводилась в ограниченные сроки. В ней по единому замыслу и плану действовали сухопутные войска (16-я армия), морская пехота, авиация и боевые корабли. Умело были выбраны направления главного и вспомогательных ударов.

Показательным являлось разнообразие способов действия десантов в Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операциях. В одних случаях перевозка десантных войск осуществлялась на баржах и буксирах, в других — на боевых кораблях. В первом случае боевые корабли прикрывали переход морем и высадку. Высадка десанта при надежном подавлении обороны противника осуществлялась с фронта или на флангах укрепленных районов. Огневая поддержка наступавших войск и подавление оборонявшегося неприятеля проводились боевыми кораблями, а при высадке десанта на о. Шумшу — и береговой ар-

тиллерией. К недостаткам Курильской десантной операции, особенно при осуществлении высадки на Шумшу, следует отнести плохую организацию разведки, ограниченность сил десантирования, слабую организацию связи, управления и взаимодействия.

Важный вклад в победу Вооруженных сил Советского Союза в кампании на Дальнем Востоке внесли органы тыла. Заблаговременное накопление запасов на театре военных действий, комплексная подготовка путей сообщения и транспорта, своевременный маневр силами и средствами в ходе операции явились одним из решающих факторов разгрома Квантунской группировки войск, успешного проведения Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операций. Тыловое обеспечение также стало важным фактором, лимитировавшим сроки начала Маньчжурской операции. Многоплановые и объемные задачи органы тыла решали в сложной обстановке. Огромный пространственный размах операции, большой состав войск и сил флота, действия ударных группировок фронтов в широких полосах по разобленным направлениям потребовали особо тщательной подготовки тыловых частей и учреждений, продуманного распределения их по операционным направлениям, выделения достаточных резервов и гибкого маневрирования ими в ходе боя⁵⁰.

Мероприятия, связанные с материально-техническим обеспечением войск, начали проводиться еще в феврале — марте 1945 г. и продолжались вплоть до начала военных действий, а некоторые — и с началом наступления советских войск. На всех трех фронтах главную трудность составляли огромные пространства, ограниченность транспортных средств и малая возможность использования местной промышленной и сырьевой базы для обеспечения войск боеприпасами и горючим. Большую часть этих средств приходилось доставлять за многие тысячи километров. Благодаря своевременно принятым мерам к началу августа 1945 г. в войсках были созданы необходимые запасы боеприпасов всех видов, а также продовольствия. Дополнительные трудности в работе тыла создавали крайне слабое развитие сети путей сообщения, тяжелые природные и климатические условия и неблагоприятное санитарно-эпидемическое состояние районов боевых действий. Однако проделанная органами тыла в подготовительный период работа обеспечила успешный ход операции. Советские войска, продвинувшись за первые 10—15 дней на 500—800 км, не испытывали серьезных затруднений в снабжении, не считая временных перебоев с подачей горючего для 6-й гвардейской танковой армии⁵¹.

Военные действия советских войск на Дальнем Востоке не были простыми. Жестокие бои у Хайлара, Муданьцзяна, в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах — яркие страницы самоотверженности и героизма воинов армии и флота.

В успешном проведении Дальневосточной кампании значительную роль сыграла непрерывная и разнообразная по содержанию, формам и методам политико-воспитательная работа. Ее центрами в тактическом звене являлись роты. Конкретность и целеустремленность этой работы способствовали проявлению массового героизма советских воинов. Японская военщина постоянно кичилась «превосходством японского боевого духа». Однако на этот раз слепой фанатизм, культ жестокости, милитаристский дух, вера в превосходство желтой расы над другими народами и божественность императора, внушавшаяся японцам с детства, не выдержали единоборства с сознательным патриотизмом и интернационализмом советского воина, с его убежденностью в правоте дела, за которое он проливал свою кровь.

Особенности Маньчжурской стратегической наступательной операции внимательно анализируют в современных исследованиях не только отечественные военные историки, но и исследователи ряда других стран. Особый интерес представляют оценки военных историков КНР. Они обращают внимание на следующие характерные черты операций Красной армии на Дальнем Востоке в августе 1945 г.: «Принятие всех возможных мер для обеспечения оперативной внезапности», в результате чего «оперативная инициатива с самого начала военных действий находилась в руках советских войск»; «создание сильных первых эшелонов для нанесения мощного первоначального удара (до 80% сил и средств, участвовавших в операции)»; «нанесение одновременных ударов с нескольких операционных направлений, сходящихся к центру, при централизованном управлении»; «высокая организация централизованного ты-

лового обеспечения», несмотря на «высокие темпы наступления» и «оторванность Дальнего Востока от экономических центров СССР»⁵². Известный английский историк Д. Эрикссон заявлял о «новой стратегии советского командования» в этой операции, которая проявилась прежде всего в высоких темпах наступления, тесном взаимодействии видов вооруженных сил, открытых флангах, высадке десантов впереди наступающих войск и т. п. Он и другие исследователи на Западе отмечали, что эти черты, по существу, заложили основы для «последующей стратегии и доктрины советского командования». «Концентрация сил на ключевых направлениях, быстрое наступление, нацеленные танковые удары сокрушили японское сопротивление значительно быстрее, чем это когда-либо удавалось Западу»⁵³.

Специальная пропаганда в завершающих кампаниях Второй мировой войны

Важной частью противостояния в ходе военных действий Вооруженных сил Советского Союза на зарубежных территориях являлась работа их политических органов среди войск и населения терпевших поражение главных виновников Второй мировой войны, а также среди населения освобождаемых стран. Специальная пропаганда активно способствовала полной и окончательной победе над врагом и установлению дружественных отношений народов освобождаемых стран с СССР и его вооруженными силами и была составной частью внешнеполитической деятельности нашего государства во время Великой Отечественной войны.

Политическая пропаганда являлась специальным видом обеспечения боевых действий, имея главной задачей средствами морально-психологического воздействия облегчать и ускорять достижение победы вооруженных сил нашей страны над армиями фашистского блока с наименьшими потерями. Специфическое свойство этого вида обеспечения — действовать убеждением, словом правды, активно влиять на сознание, моральное состояние и психологию вражеских войск и населения, обработанных фашистской идеологией, в сочетании с силой оружия.

Главной задачей советских войск на освобождаемых ими зарубежных территориях являлись скорейший разгром группировок врага и окончание кровопролитной войны. Для этого работа среди войск противника была направлена на морально-политическое разложение солдат и офицеров, склонение их к прекращению преступной войны, к массовой сдаче в плен и капитуляции попавших в окружение частей, соединений и гарнизонов противника, а также оказание помощи в становлении народной власти в освобожденных государствах.

Внутриполитическая обстановка в странах Юго-Восточной Европы благоприятствовала организации специальной пропаганды. В Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Чехословакии и других европейских странах под влиянием побед Красной армии, под воздействием активной спецпропаганды и в результате деятельности прогрессивных сил нарастала борьба народов против фашистской Германии. В ряде стран создавались и успешно действовали повстанческие армии и партизанские отряды.

За организацию спецпропаганды отвечало управление пропаганды среди войск и населения противника Главного политического управления (ГлавПУ) РККА, которое насчитывало на завершающем этапе войны 39 военнослужащих и 28 вольнонаемных и состояло из трех отделов (по работе среди войск противника, по работе среди населения освобожденных стран и информации и обобщения опыта работы), группы инспекторов, отделения по работе с военнопленными и связям с антифашистским движением, группы распространения агитационных материалов⁵⁴. Отдел по работе среди населения освобождаемых стран состоял из трех отделений: по Германии, по подвассальным по отношению к Германии странам и по оккупированным противником государствам.

В отделах спецпропаганды политуправлений фронтов были развернуты отделения: организационно-инструкторское, редакционно-издательское и по работе среди населения. Они комплектовались владеющими соответствующими иностранными языками квалифицированными кадрами. При отделах функционировали также издательства и типографии газет на иностранных языках и редакции радиовещания. В штатах отделений специальной пропаганды армий находились офицеры по организации работы среди войск, военнопленных и местного населения, мощная громкоговорящая установка (МГУ) на автомобиле (начальник станции, диктор-переводчик и водитель), типография (наборщик, печатники, художник-оформитель), группа дикторов окопных громкоговорящих установок (ОГУ), группа распространителей листовок и дикторов-рупористов. К середине 1944 г. штат армейских отделений специальной пропаганды насчитывал 28 человек. В политотделах дивизий за эту работу отвечал старший инструктор по спецпропаганде, в помощь которому выделялись дикторы-рупористы и распространители листовок в частях и подразделениях.

Важными центрами массовой политической работы среди населения освобожденных стран сразу после окончания боев выступали советские военные комендатуры в городах и населенных пунктах, занятых войсками Красной армии. В их структуру включались офицеры специальной пропаганды, однако их недостаточное количество ограничивало и затрудняло эту полезную деятельность.

Успех специальной пропаганды обеспечивало сочетание общеполитических (от имени Верховного главнокомандования, правительства, НКО) и оперативных (от имени командующих, командиров) листовок. В общеполитических листовках освещались коренные вопросы международного положения, хода войны, состояния фашистской Германии и ее сателлитов, в оперативных — отклики на события текущего дня, происходящие на данном участке фронта, в конкретной части и даже подразделении. Примерами оперативных документов являются ультиматум командирам 30, 44 и 52-го армейских корпусов и других немецких соединений и частей, окруженных в районе среднего течения р. Прут, подписанный командующим 3-м Украинским фронтом Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным; ультиматум немецким войскам в районе Земланда, подписанный командующим 3-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза А. М. Василевским⁵⁵.

Немецкое командование стремилось путем устрашения солдат, а также обещаниями дать новое оружие добиться устойчивости фронта. В связи с этим аппарат спецпропаганды усилил работу по подрыву у войск противника доверия к фашистскому командованию. В листовках и звукопередачах, которые были обращены к солдатам и офицерам соединений, частей и подразделений противника, назывались конкретные виновники катастрофы Германии, разоблачался миф о новом секретном оружии, дискредитировались наиболее преданные гитлеровской клике генералы. Анализ содержания листовок, изданных на 1, 2 и 4-м Украинских фронтах с 20 августа по 25 октября 1944 г., свидетельствует, что около 65% распространяемых среди войск противника материалов имело такую разоблачительную направленность⁵⁶.

На завершающем этапе войны весьма активное воздействие на немецких солдат и офицеров оказывала наша устная пропаганда. За время Берлинской операции была проведена 9071 звуковещательная передача через МГУ и ОГУ. До 1 мая 1945 г. в блокированные очаги сопротивления выходили с агитационными задачами 2130 антифашистов из числа пленных и 2365 местных жителей. Ими было распропагандировано и приведено в наше расположение более 15 тыс. немецких солдат и офицеров. Только части 5-й ударной армии приняли от 783 антифашистов и берлинских жителей 3025 солдат и офицеров, в том числе 936 фолькштурмовцев⁵⁷.

Широко применялась и такая форма специальной пропаганды, как предъявление окруженным, блокированным войскам ультиматумов советского командования через парламентариев. Ультиматумы производили сильный морально-психологический эффект на вражеских солдат и делали бессмысленным их дальнейшее сопротивление. Тексты ультиматумов передавались через громкоговорящие установки и рупоры с переднего края на части противника.

Так как в большинстве случаев командование неприятеля, скрывая от своих солдат и офицеров факты предъявления ультиматумов, отказывалось капитулировать, органами специальной пропаганды проводилась широкая кампания по доведению до них обращений командующих фронтами Красной армии. Так, в конце марта 1945 г. маршал А. М. Василевский направил командованию отрезанной и прижатой к заливу Фришес-Гафф восточно-прусской группировки противника ультиматум, а затем и обращение, в которых показывал безнадежность ее положения и предлагал «в интересах сохранения жизни немецких солдат для будущей Германии сложить оружие и капитулировать»⁵⁸. Такого же содержания был ультиматум маршала К. К. Рокоссовского к офицерам и солдатам 2-й немецкой армии, оказавшейся в окружении в районе Данцига и Гдыни. Для выполнения этих задач издавались листовки, готовились тексты звукопередач, в окруженные гарнизоны направлялись с текстами ультиматумов антифашисты. В результате в г. Грауденц сдались в плен 5500 солдат и 117 офицеров во главе с генералом Фликке; в Шнейдемюле — более 12 тыс. немецких солдат и офицеров, так происходило и в других городах на территории Германии⁵⁹.

Были и другие примеры реагирования фашистского командования на советские ультиматумы. Так, командование немецко-венгерского гарнизона в Будапеште отклонило советский ультиматум от 29 декабря 1944 г. о капитуляции и расстреляло наших парламентариев капитанов И. Остапенко и М. Штейнмеца. В ответ на это злодеяние над городом было сброшено около двух миллионов листовок с текстом ультиматума на немецком языке и 880 тыс. экземпляров ультиматума на венгерском. В его окрестностях активно работали звуковещательные и радиовещательные станции, засылались антифашисты. В результате таких комплексных мероприятий сдались в плен более 6 тыс. солдат противника, и советские войска выбили из Будапешта оставшиеся в нем немецко-венгерские части.

В заключительных кампаниях войны в практику военно-политического руководства страны прочно вошли издания приказов к войскам о массированном применении сил и средств специальной пропаганды. Так, в приказе Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. указывалось проводить массированную пропаганду среди войск противника с целью склонения их к сдаче в плен и капитуляции, всемерно усиливать деморализацию союзников фашистской Германии. В нем говорилось: «И чем скорее народы этих стран поймут, в какой тупик завели их гитлеровцы, чем быстрее прекратят они всякую поддержку своих немецких поработителей и их подручных-квислингов в своей собственной стране, тем меньше жертв и разрушений понесут эти страны от войны, тем больше они могут рассчитывать на понимание демократических стран»⁶⁰.

Разгром немецко-фашистской армии в странах Юго-Восточной Европы, разрыв с нацистской Германией ее недавних союзников привели к политической изоляции Германии и кризису фашистской диктатуры. В листовке к немецким офицерам и солдатам под названием: «Румыния, Финляндия и Болгария порвали с Гитлером», изданной ГлавПУ РККА в сентябре 1944 г., раскрывалось катастрофическое положение Германии: «Красная Армия, разгромив немецкие группы армий в центре и на юге России, вступила на территории Румынии, Болгарии и Польши, а также вплотную подошла к границам Восточной Пруссии. Союзники, вступив во Францию и Италию, разбили немецкие армии в этих странах и вплотную подошли к Рейну — западной границе Германии. Взятая в клещи советскими войсками с востока и союзными войсками с запада, гитлеровская Германия оказалась в катастрофическом положении».

Призывы к организованной капитуляции и массовому переходу в плен стали всеобщими, непрерывными и всё возрастающими. Наглядным примером удачной аргументации, указывающей выход немецким солдатам и офицерам, служит листовка «Капитуляция — единственный путь спасения!».

В эффективности этой работы заметную роль сыграли доводившиеся до войск противника приказы командующих фронтами об отношении к солдатам и офицерам капитулирующих частей и соединений вражеских армий. К примеру, в марте 1945 г. командующий 2-м

Прибалтийским фронтом маршал Л. А. Говоров издал по этому поводу специальный приказ, в котором предписывалось: «...принимать парламентеров и капитулирующие немецкие войска; организовать в Прибалтике дополнительные лагеря, обеспечить горячей пищей всех военнопленных уже в первые шесть часов пребывания в плену; начальнику санитарной службы фронта развернуть дополнительную сеть госпиталей и медицинских пунктов для оказания неотложной помощи раненым и больным; неуклонно выполнять приказ № 55 от 23 февраля 1942 г. Верховного Главнокомандующего о сохранении жизни и гуманном обращении со всеми, кто складывает оружие и прекращает сопротивление»⁶¹. Приказы подобного рода доводились до солдат и офицеров противника через листовки, радиопередачи и средствами звукового вещания.

Большое значение в пропаганде имели публичные выступления немецких пленных генералов, в которых опровергалась фашистская ложь о тяжелом положении немецких военнослужащих в советском плену. «Мы констатируем и заявляем, что с военнопленными обращаются в соответствии с международными соглашениями и обычаями», — писали они. В условиях непрерывных боевых успехов Красной армии пропаганда плена находила благоприятную почву у солдат, так и у офицеров гитлеровских войск. Поняв и признав неизбежность поражения, они искали пути сохранения своей жизни. Крупным событием, оказавшим влияние на дальнейшую деморализацию войск противника, особенно на его офицерский корпус, явилось публичное заявление пленного фельдмаршала Ф. Паулюса о присоединении его к Национальному комитету «Свободная Германия» в августе 1944 г. В этом заявлении он писал: «Германия должна устранить А. Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нашими нынешними противниками»⁶².

Наиболее результативно проводилась политическая работа среди войск и населения неприятеля в его прифронтовом тылу в завершающей победоносную Великую Отечественную войну Берлинской операции. В листовке ГлавПУ РККА к немецким войскам под названием «Русские на подступах к Берлину» разъяснялось: «Красная Армия идет в Германию не для уничтожения немцев, как говорят фашисты, а для того чтобы сурово наказать нацистских преступников, ликвидировать кровавый гитлеровский режим и навсегда покончить с войной». Листовка призвала немецких военнослужащих и гражданское население воспрепятствовать гитлеровской клике превращать Берлин в поле битвы, советовала им отказываться от выполнения приказов и распоряжений гитлеровских властей, не вступать в батальоны фольксштурма⁶³.

Политические органы Красной армии наряду с пропагандой среди войск противника и населения в его прифронтовых районах одновременно проводили политическую работу среди населения освобожденных в ходе боев от фашистской оккупации территорий зарубежных стран. Ее целями были подъем народных масс на борьбу против фашистских правителей Германии и союзных ей стран, вызов серьезных затруднений в глубоком тылу врага, побуждение населения к лояльности и активной поддержке мероприятий советского военного командования и войск Красной армии.

Главными направлениями в работе аппарата специальной пропаганды среди населения освобождаемых стран являлись: разъяснение целей и задач вступления и пребывания Красной армии на их территории; показ правды об СССР и его вооруженных силах; всемерная поддержка и оказание всесторонней помощи в деятельности национальных прогрессивных политических партий и общественных организаций; изоляция фашистских и других реакционных элементов; налаживание мирной жизни в городах и населенных пунктах. Непосредственный контакт с населением благоприятствовал применению в работе разнообразных форм печатной и устной пропаганды и агитации, проведению широких массовых мероприятий (митингов, собраний, выставок, концертов и т. п.), использованию кино и других средств информационно-пропагандистской работы с непременно учетом национальных особенностей, привычек и традиций населения.

Новые условия позволяли включиться в политическую работу среди населения помимо военных советов фронтов, армий, аппарата спецпропаганды политорганов многочисленному активу частей и соединений Красной армии: командирам, политработникам, сержантам и красноармейцам. Активно привлекались к этой работе и выходившие из подполья антифашисты, группы и организации сопротивления фашизму, местная интеллигенция. Совместные с войсками Красной армии боевые действия частей и соединений Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии создавали возможность взаимодействовать с ними и в политической работе среди населения. Все это обеспечивало развертывание эффективно-го сотрудничества с населением освобожденных Красной армией иностранных государств.

Военно-политическое руководство страны считало важнейшей задачей аппарата специальной пропаганды организацию целенаправленной и особо аргументированной работы среди населения Германии, ее союзников и оккупированных гитлеровцами государств. Эта работа строилась по двум различным по своим условиям этапам: от начала войны до выхода советских войск к границам иностранных государств и после вступления Красной армии с апреля 1944 г. на территории этих стран до завершения войны.

Политбюро ЦК ВКП(б) 31 мая 1944 г. приняло постановление «Об организации Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные врагом страны», в котором потребовало «сконцентрировать руководство делом пропаганды, направленной на вражеские и оккупированные страны... организовать в составе Совинформбюро Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные врагом страны... назначить начальником Бюро С. А. Лозовского, а его заместителем А. А. Смирнова»⁶⁴.

Эта работа была призвана усиливать антивоенные и антифашистские настроения у населения, включать его в активную борьбу против преступной авантюры, оказывать поддержку силам сопротивления войне и фашизму. Основной целью работы среди населения освобожденных от фашистского господства государств было создание благоприятной обстановки для пребывания советских войск на их территории и выполнения ими боевых задач, укрепление и развитие дружбы, содействие прогрессивным, демократическим преобразованиям в этих странах. В работе среди населения давалась правдивая информация о действительном положении на фронтах войны, разоблачалась лживая фашистская пропаганда.

В связи с выходом наших войск весной 1944 г. на границы Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши ГлавПУ РККА подготовило план мероприятий по обеспечению массовой политической работы среди зарубежного населения⁶⁵. В соответствии с этим планом в войска были направлены оперативные пропагандистские группы для оказания практической помощи командирам и политработникам в организации и ведении работы с населением освобождаемых стран Европы. Военное издательство приступило к выпуску словарей, разговорников и справочников о тех странах, в которые вступали войска Красной армии. Были изданы художественные плакаты с текстами на соответствующих иностранных языках, портреты советских государственных деятелей и военачальников. Пресс-бюро ГлавПУ РККА развернуло работу по снабжению газет, издававшихся для населения на иностранных языках, статьями и фотоиллюстративными материалами. Всего оно разослало этим газетам почти тысячу статей и около двух тысяч фотоснимков⁶⁶.

В сентябре 1944 г. Г. Димитров в беседе с работниками Главного политического управления РККА высказал пожелание, чтобы аппарат специальной пропаганды частей, соединений и объединений Красной армии, находящийся в освобожденных от гитлеризма странах, всемерно помогал местным демократическим силам в их борьбе против реакции и фашизма, содействовал укреплению единства общественных сил. Он посоветовал, чтобы офицеры спецпропаганды внимательно изучали политические процессы, происходящие в странах Европы, помогали партийным и общественным прогрессивным деятелям разобраться в этих процессах, своевременно пресекать происки реакционных кругов⁶⁷.

Примерное поведение наших воинов за границей, их дружественные отношения с местным населением во многом способствовали успеху политической работы, проводимой командирами и политорганами среди освобожденного населения. В основу этой работы

были положены документы советского правительства, обращения и приказы командования Красной армии, разъяснявшие цели и задачи советских войск на территории данной страны. В этих документах говорилось, что СССР в своих действиях руководствуется необходимостью решения коренной задачи — разгрома германского фашизма. Не как завоевательница, а как освободительница населения от фашистского ига, как защитница трудового народа пришла в их страну Красная армия.

В июле 1944 г., после вступления частей и соединений Красной армии и 1-й польской армии на территорию Польши, Народный комиссариат иностранных дел СССР опубликовал заявление об отношении Советского Союза к Польше. Было также опубликовано соглашение между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО). В первом документе подчеркивалось, что советское правительство не преследует цели присоединять к СССР какие-либо польские земли или изменить в Польше общественный строй. Во втором определялись отношения между советским главнокомандованием и польской администрацией. В нем, в частности, предусматривалось, что как только тот или иной район перестанет быть зоной военных действий, руководство им перейдет в руки ПКНО⁶⁸.

Военные советы 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов издали обращение к польскому населению и памятку советскому воину. В обращении говорилось, что вступление Красной армии на территорию Польши создает благоприятные условия для окончательной победы над немецко-фашистской армией и освобождения многострадального польского народа от гитлеровского ига. Население Польши призывалось оказывать всемерное содействие советским частям и соединениям.

Первыми мероприятиями по работе среди населения было издание листовок с текстами обращений командования Красной армии к населению, распространение их на всей освобожденной территории и в прифронтовой полосе. Так, обращение советского командования к населению Румынии было издано на румынском языке листовкой тиражом 2,2 млн экземпляров. Кроме того, для расклеивания на видных местах обращение было отпечатано в виде плакатов в количестве 82 тыс. экземпляров⁶⁹.

Обращение командования Красной армии к населению Польши было размножено общим тиражом в 1,5 млн экземпляров и 28–30 июля 1944 г. при помощи авиации распространено над населенными пунктами и городами всей страны. В целях пропаганды освободительной миссии Красной армии по просьбе командования 1-й польской армии памятка советскому воину в Польше была издана также на польском языке⁷⁰.

Обращение Военного совета 3-го Украинского фронта к населению Болгарии от 7 сентября 1944 г. было распространено аппаратом спецпропаганды политорганов в течение первых трех дней пребывания войск в этой стране общим количеством миллион экземпляров. Политотдел 37-й армии только 8 сентября распространил в полосе наступления армии около 264 тыс. таких листовок⁷¹.

8 мая 1944 г. было подписано советско-чехословацкое соглашение об отношениях между советским главнокомандованием и чехословацкой администрацией после вступления частей Красной армии на территорию Чехословакии⁷², и политические органы войск 1-го и 4-го Украинских фронтов в содружестве с командованием 1-го чехословацкого корпуса, сформированного на территории СССР, развернули пропаганду этого соглашения. За четыре дня, то есть до 13 мая 1944 г., советскими авиацией и разведчиками было распространено среди населения около 630 тыс. листовок, разъясняющих этот важный документ⁷³.

По неполным данным, органы спецпропаганды с 8 сентября 1944 г. по 8 мая 1945 г. размножили и распространили в стране 8,7 млн листовок с обращениями советского командования к чехам и словакам, а также 1,5 млн экземпляров с информацией об успехах наступления Красной армии и об освобождении ею народов Европы. Эта разъяснительная работа среди населения Чехословакии сыграла важную роль в подъеме антифашистского движения в стране⁷⁴.

В конце сентября 1944 г. в период подготовки к Белградской операции отделы специальной пропаганды 3-го Украинского фронта и 57-й армии издали и распространили листовку-

обращение к братскому югославскому народу в количестве 350 тыс. экземпляров. Листовки распространялись также войсками болгарской армии, действовавшими вместе с советскими дивизиями, и командованием 13-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии⁷⁵.

В связи с вступлением наших войск на территорию Венгрии в октябре 1944 г. Военный совет 2-го Украинского фронта обратился к венгерскому народу с воззванием, в котором раскрыл цели прихода в его страну Красной армии и призвал население «во всем помогать войскам, чтобы быстрее изгнать из страны немецких оккупантов и установить мирную демократическую жизнь так, как желает народ». Воззвание было издано и распространено в стране в количестве 1,5 млн экземпляров⁷⁶.

Правительство СССР 9 апреля 1945 г. сделало заявление об Австрии, в котором определило и разъяснило советскую политику в отношении этой страны. «Советское правительство, — говорилось в нем, — не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений». Отделы специальной пропаганды 2-го и 3-го Украинских фронтов провели большую работу по разъяснению этих документов правительства. Они издали и распространили текст заявления листовками в количестве 1,5 млн экземпляров⁷⁷. Приведенные факты подтверждают важную роль в доведении до местного населения документов советского правительства и командования Красной армии и разъяснении политики СССР в отношении освобожденных стран.

Большое значение в политической работе среди населения освобожденных стран имели также газеты, издававшиеся аппаратом специальной пропаганды. С 19 июня 1944 г. отдел спецпропаганды 2-го Украинского фронта приступил к изданию газеты для населения Румынии на румынском языке «Гранул либер» («Свободный голос»), переименованной затем в «Гранул ноу» («Новый голос»). Газета помещала на своих страницах статьи и материалы, а также иллюстрации, рассказывавшие правду об СССР и освободительной миссии Красной армии. В ней уделялось много внимания сообщениям о положении на фронтах, пропаганде боевых успехов Красной армии; широко рассказывалось о той помощи, которую оказывали советские войска населению Румынии в организации продовольственного снабжения, медицинского обеспечения, нормализации работы образовательных и муниципальных учреждений. Много материалов посвящалось вопросам международной жизни, успехам антифашистского движения Сопротивления в других странах.

Для обеспечения быстрой доставки газет населению выделялись специальный автотранспорт и группы офицеров по распространению агитматериалов, которые устанавливали связь с местными властями и при их помощи доставляли газеты в населенные пункты. В городах и деревнях были выбраны активисты из местного населения, доставлявшие газеты и проводившие их коллективные читки для малограмотных и неграмотных. Впоследствии, когда редакция переезжала в крупный город, газета распространялась через местное агентство печати. При этом часть тиража направлялась в румынскую армию.

Для населения освобожденных районов Польши с августа 1944 г. издавались три газеты на польском языке: отделом спецпропаганды 2-го Белорусского фронта — газета «Вольна Польша» («Свободная Польша»), 1-го Белорусского фронта — «Вольность» («Свобода») и 1-го Украинского фронта — «Нове жице» («Новая жизнь»)⁷⁸. В этих газетах наряду с широкой пропагандой правды о Советском государстве и боевом содружестве Красной армии и Войска Польского большое внимание уделялось разоблачению происков реакционных эмигрантских сил Польши. Польские патриоты присылали разоблачительные материалы о врагах польского народа, а также статьи и заметки с благодарностью своим освободителям — воинам Красной армии⁷⁹.

Для населения Болгарии отдел спецпропаганды 3-го Украинского фронта в сентябре 1944 г. организовал издание газеты на болгарском языке «Дружба» с приложением к ней на турецком языке. С 19 октября того же года отдел приступил к изданию газеты «Хирадо» («Новости»), переименованной с 5 января 1945 г. в «Уй со» («Новое слово»), — для населения

Венгрии на венгерском языке. Помимо общих вопросов, которые освещались во всех газетах, в ней значительное место отводилось разоблачению фашистско-хортистской клеветы о нашей стране, что способствовало вовлечению венгерского населения в ряды активных борцов против режима Хорти и за нормализацию общественной жизни в стране на демократических началах.

Постепенно эта газета завоевала доверие читателей и стала важнейшим источником правдивой информации о Советском Союзе и тех преобразованиях, которые происходили в освобожденных странах и в самой Венгрии. Первое время газета распространялась через сеть уполномоченных при бургомистрах и при помощи антифашистских организаций и групп, сочувствовавших Венгерской коммунистической партии. Позднее она рассылалась по подписке и доставлялась читателям обычным путем через почтовую связь.

В апреле 1945 г. отдел спецпропаганды 3-го Украинского фронта организовал издание ежедневной газеты «Эстерайхише цайтунг» («Австрийская газета») для населения Австрии. Она издавалась на немецком языке тиражом до 150 тыс. экземпляров и распространялась через австрийские демократические организации, расклеивалась в городах и населенных пунктах страны.

Советские военные газеты на иностранных языках, издававшиеся для населения освобожденных от фашизма стран, сыграли важную роль в установлении доброжелательных отношений местного населения к частям Красной армии на завершающем этапе войны, а также в развитии дружественных связей СССР с народами этих стран в послевоенный период.

Наиболее активной формой политической работы среди местного населения являлись публичные митинги, собрания, встречи с жителями освобожденных от фашистских войск населенных пунктов. На них выступали командиры и политработники, офицеры спецпропаганды, активисты местных партийных организаций, профсоюзов, женских и молодежных комитетов. Большую работу вели командиры и политорганы советских войск среди интеллигенции: с писателями, журналистами, юристами, врачами, работниками искусств. Значительная часть их вошла в актив по организации митингов и собраний, выступлений и встреч с воинами Красной армии.

Вначале эти массовые собрания и встречи возникали стихийно, но по мере сплочения демократических сил стали проводиться организованно по инициативе прогрессивных политических и общественных организаций. Антифашистские митинги и собрания проходили под знаком установления и укрепления дружбы местного населения с советскими воинами-освободителями. На них принимались решения всемерно поддерживать мероприятия советского командования, выражалась благодарность советским воинам за помощь и заботу.

Трудящееся население Польши охотно посещало митинги, собрания советско-польской дружбы, выставки, показывающие достижения Советского Союза и боевые успехи Красной армии. Польское население по мере продвижения советских войск к границам Германии быстрее и активнее включалось в борьбу за установление народно-демократического строя.

Когда в сентябре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта перешли границу Болгарии, население восторженно встретило своих освободителей. В полосе наступления 37-й армии только за первый день, 8 сентября, было проведено более 20 массовых митингов местного населения, на которых присутствовали более 80 тыс. человек⁸⁰.

На собрании местной интеллигенции в Бухаресте преподаватель университета Н. Корияну заявил: «Красная армия не вмешивается во внутренние дела страны, она помогает восстановить культурные и учебные учреждения, делится опытом и достижениями науки и культуры в Советском Союзе, не требуя, чтобы мы копировали или перенимали советскую идеологию. Наступил благодетельный период для нашей демократии, для нашей свободы»⁸¹.

Политические органы войск, военные комендатуры в городах и крупных населенных пунктах организовывали лекции, доклады и выступления советских офицеров, распространяли советские книги и брошюры. В тематике пропагандистских выступлений для населения преобладали вопросы опыта социалистического строительства в СССР, всемирно-исторического значения военных побед Красной армии над вооруженными силами фашизма. С сен-

тября 1944 г. по май 1945 г. политорганы 3-го Украинского фронта провели среди болгарского населения 1132 лекции о Советском Союзе и Красной армии, распространили 163 тыс. экземпляров советских книг и брошюр. В кинотеатрах Софии, Бургаса, Пловдива непрерывно демонстрировались советские фильмы при постоянно переполненных зрительных залах⁸².

Массовый характер приняли митинги и собрания в освобожденных городах Чехословакии. Политические управления 1, 2 и 4-го Украинских фронтов мобилизовали для работы с населением все имевшиеся в их распоряжении средства пропаганды и агитации: радио, кино, выставки, армейскую самодеятельность и прочее. Через мощные громкоговорящие установки и окопные звуковещательные станции пропагандисты и агитаторы организовали 264 выступления по специально подготовленным программам. Политическое управление 4-го Украинского фронта только силами аппарата спецпропаганды организовало 173 митинга и собрания, на которых выступили 283 красноармейца и командира и 417 представителей различных слоев местного населения⁸³. По отчетам военных комендатур, за октябрь — ноябрь 1944 г. перед населением выступило 89 коллективов солдатской самодеятельности. На концертах присутствовали 450 тыс. местных жителей⁸⁴.

Советские войска на территории Венгрии для работы с населением широко использовали звуковещательные станции. С ноября 1944 г. по февраль 1945 г. было сделано 1578 агитационных выступлений по специально подготовленным программам⁸⁵. На массовых митингах выступали бургомистры, представители политических партий, принимались обращения со словами благодарности Красной армии, выносились решения, направленные на скорейшую нормализацию общественной жизни.

Политические органы Красной армии применяли и другие формы организации работы среди населения. В помощь военным комендатурам они посылали агитационные бригады, в составе которых наряду с советскими офицерами были военнопленные-антифашисты, представители от демократических организаций и группы красноармейской самодеятельности. Только с декабря 1944 г. по январь 1945 г. в городах и поселках 74 такие бригады провели более тысячи митингов и бесед с населением, организовали 86 киносеансов советских фильмов⁸⁶.

Политическая работа среди населения Венгрии получила широкое признание в народе. Многочисленные высказывания венгерских граждан, приветственные адреса военным комендантам и спецпропагандистам от имени местного населения свидетельствовали о больших переменах в настроении и взглядах людей в пользу СССР и Красной армии. Например, В. Тадол из городка Сент-Михаль, возглавлявший делегацию жителей, 21 января 1945 г. вручил военному коменданту благодарственное письмо в адрес Красной армии, подписанное 362 гражданами. Он заявил: «Мы были обмануты фашистской пропагандой и напуганы, ожидая строгого наказания за участие Венгрии в войне на стороне Гитлера. Мы ошиблись. Мы восхищаемся гуманизмом советских солдат, их культурой и вместе с тем их героизмом в борьбе против фашистов»⁸⁷.

Исключительно теплыми были встречи югославского народа и Народно-освободительной армии Югославии с воинами Красной армии. Политический отдел, командиры, политработники и бойцы 57-й армии развернули большую пропагандистскую работу среди населения. Только за октябрь 1944 г. ими было проведено в местах дислокации войск 284 митинга и собрания, 467 выступлений через мощные и облегченные громкоговорящие установки, дано 17 концертов красноармейской самодеятельности, показано семь советских фильмов⁸⁸.

Опыт политической работы среди населения освобождаемых от фашизма стран был использован в ходе завершающих сражений на территории Германии. Работа среди германского населения имела особенное значение, поскольку многие немцы, напуганные приходом Красной армии, продолжали поддерживать нацистские власти, и можно было ожидать с их стороны длительного кровопролитного сопротивления. Условия работы с местным населением в Германии значительно отличались от работы с населением ранее освобожденных стран. Запуганные фашистской пропагандой жители уходили на запад, а оставшиеся, боясь возмездия, скрывались. Немецкие войска, отступая под натиском наших войск, оставляли диверсионно-террористические группы.

Поэтому необходимо было средствами морально-политического воздействия на массы населения нейтрализовать фашистские силы, побудить жителей лояльно выполнять приказы и распоряжения советских военных властей, привлечь их к сотрудничеству, продемонстрировать им на деле подлинную политику СССР в отношении Германии и немецкого народа, гуманное отношение Красной армии к населению. Надо было убедить немцев, что Красная армия, пришедшая к ним как армия-победительница, делает различие между преступными фашистскими руководителями и населением, которое стало жертвой нацистского обмана и террора.

С этой целью в ходе наступления по территории Германии доводилось до населения «Обращение советского военного командования к немецкому народу», в котором разъяснялись цели и задачи Красной армии в Германии. С 15 января по 1 мая 1945 г. отделы спецпропаганды 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов распространили среди населения освобожденных городов и сел Германии 8,3 млн листовок с текстом этого обращения и информацией о положении на фронтах и о важнейших международных событиях⁸⁹. В листовках показывалась также помощь советских войск населению в налаживании мирной жизни немцев. За это же время в городах и населенных пунктах было расклеено 58 тыс. плакатов и лозунгов, призывавших население оказывать содействие и помощь Красной армии. По данным политотделов 70-й и 49-й армий 2-го Белорусского, 3-й ударной и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского, 3-й и 5-й гвардейских армий 1-го Украинского фронта, в полосе их наступления с 5 апреля по 5 мая 1945 г. было проведено 817 митингов и собраний с участием 34 тыс. немецких жителей⁹⁰.

Нацистская пропаганда запугивала немцев тем, что будто бы Красная армия уничтожит Германию и немецкий народ. Поэтому политические органы организовали доведение до населения официального заявления глав правительств СССР, США и Англии, принятого ими на Крымской конференции в феврале 1945 г., которое разоблачало ложь гитлеровской пропаганды. Особенно широко среди немецкого населения распространялся приказ Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза № 20 от 1 мая 1945 г., в котором говорилось: «Живая фашистская пропаганда запугивает немецкое население вздорными рассказами, будто армии Объединенных Наций хотят истребить германский народ. В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа. Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирного населения Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей»⁹¹.

Пропаганда всех этих документов и обращений советского командования сопровождалась большой организаторской работой. Политические органы и их представители проводили повседневную работу по подбору и назначению бургомистров и их заместителей, руководителей отделов магистратов, старост в деревнях и других административных работников из немцев, пользовавшихся доверием у населения и способных сотрудничать с советскими военными властями.

Создание немецкого самоуправления убедительно показало населению, что СССР стремится как можно скорее нормализовать жизнь немцев на демократической основе, чем и опровергались все клеветнические измышления фашистов. В связи с пропагандистскими и организационными мерами население активизировалось довольно быстро, стало проявлять инициативу в налаживании экономической и культурной жизни городов и деревень. Росло его доверие к военным комендатурам, воинским частям и штабам.

Исключительно большое влияние на настроения и взгляды немецкого населения произвело решение советского правительства о снабжении Берлина, Дрездена и других городов продовольствием. Обо всех этих и других мероприятиях нашего правительства и командования широко оповещалось население, разъяснялось их политическое значение в общем плане политики Советского государства по отношению к германскому народу. Это осуществлялось в первое время главным образом через листовки и звуковые передачи. С 15 апреля по 2 мая

1945 г. отделом спецпропаганды 1-го Белорусского фронта было издано и распространено среди населения 1 млн 100 тыс. таких листовок, а вместе с армейскими отделениями спецпропаганды этого фронта — 2 млн 160 тыс. экземпляров⁹².

Листовки убедительно информировали население о важнейших внутривойсковых и международных событиях. Но главным средством политической работы среди немцев со второй половины мая 1945 г. стали две советские военные газеты на немецком языке: «Теглихе рундшау» («Ежедневное обозрение») и «Берлинер цайтунг» («Берлинская газета»). Интерес к этим массовым ежедневным газетам со стороны населения был огромен. Миллионные тиражи не могли удовлетворить спрос, поэтому пришлось расклеивать большое количество экземпляров газет в городах и населенных пунктах. Работники спецпропаганды получили специальный автотранспорт для доставки газет к местам расклеивания, вследствие чего десятки тысяч экземпляров ежедневно были доступны населению для чтения. Особо важные материалы из газет дополнительно выпускались и распространялись в виде листовок.

«Появление газет для Берлина имеет большое значение, — свидетельствовал студент одного из берлинских вузов А. Гронеманн. — До самого последнего времени в Берлине распространялись самые невероятные слухи. Говорили о том, что советское командование издало приказ об аресте всех семей, у которых кто-либо из родственников был на восточном фронте. Теперь каждый может получить информацию из официальных сообщений, публикуемых в газетах. Газета дает возможность ориентироваться в обстановке. В ней много интересных статей. Публикуются приказы и постановления»⁹³.

Редакции газет установили тесную связь с антифашистским активом. Политорганы частей в местах дислокации, а также военные комендатуры, имевшие в своем составе спецпропагандистов со знанием немецкого языка, помогали редакциям газет проводить совещания антифашистских активов и конференции читателей. Так постепенно создавался актив газет из местного населения, среди которого немало было квалифицированных журналистов.

В работе среди немецкого населения с большим успехом применялись звуковещательные средства — мощные и облегченные (окопные) громкоговорящие установки. Они действовали на улицах городов и населенных пунктов. Через них передавали последние известия, официальные приказы и распоряжения советского командования, касавшиеся населения, а также распоряжения военных комендатур и органов местного самоуправления. Работники спецпропаганды, офицеры Красной армии, антифашисты — военнопленные и из гражданского населения — выступали по многим политическим вопросам, давали консультации и ответы на вопросы жителей. Часто вокруг агитационных машин собирались сотни людей, жаждавших узнать новости, а главное — понять, что происходит в Германии, каковы намерения военных властей и новой местной гражданской администрации. «До сих пор мы были как на Луне, — признавал житель Берлина О. Бауман, — а теперь благодаря передачам мы узнаем, что происходит на белом свете. Среди слушателей ваших передач идут разные разговоры. Большинство жителей придерживается мнения, что русские хорошо делают, разъясняя свое истинное отношение к немцам»⁹⁴.

Большое значение имели проводимые бургомистрами митинги, участники которых приветствовали решения о нормализации жизни и выражали благодарность советскому командованию за помощь и гуманное отношение. Эти митинги транслировались мощными громкоговорящими установками. Звуковещательные средства использовались в городах Германии до июля 1945 г., пока не было налажено местное радиовещание. После этого все агитационные машины были направлены на обслуживание сельского населения.

Значительную роль в работе среди населения Германии играла наглядная агитация: лозунги, плакаты, карикатуры, транспаранты, стенды. Они тысячами изготовлялись с помощью немецких антифашистов и вывешивались на улицах и площадях. Во всех городах демонстрировались советские художественные и хроникальные фильмы.

Сотрудники отделов спецпропаганды в мае 1945 г. установили тесные связи со всеми работниками искусства в Берлине и других крупных городах, создали актерские труппы,

помогли им разработать репертуар. Офицеры спецпропаганды способствовали организации выступления актеров с новыми антифашистскими программами.

В результате огромных усилий политических органов советских войск по работе среди местного населения в Германии на завершающем этапе войны и в первые послевоенные месяцы, а также благодаря достойному поведению советских воинов и той помощи, которую оказывали они по нормализации мирной жизни, ослабевал страх немцев перед войсками Красной армии, росли доверие и симпатии значительной части граждан к СССР.

Особое место в политической работе занимало вовлечение в антифашистскую пропаганду среди населения освобожденных стран демократически настроенных военнопленных солдат и офицеров. В советских лагерях для военнопленных происходило прозрение немецких, австрийских, венгерских, румынских, итальянских солдат и офицеров, переосмысление ими происходящих событий, сплочение антифашистских и антивоенных сил.

Еще 8 октября 1941 г. в Темниковском лагере состоялась первая конференция немецких антифашистов, на которой было принято обращение к немецкому народу и армии, известное под названием «Обращение 158» (по количеству участников конференции), которое выдвинуло лозунг свержения Гитлера и прекращения войны. Обращение стало политической платформой сплочения военнопленных на базе антифашистских и антимилитаристских настроений. 13 июля 1943 г. на учредительной конференции в Красногорском лагере военнопленных было создано патриотическое движение и избран Национальный комитет «Свободная Германия», а 11–12 сентября 1943 г. образован антифашистский Союз немецких офицеров, которые до самороспуска в октябре 1945 г. проводили активную работу среди населения Германии. Комитет выпускал свою газету «Свободная Германия», вел ежедневные радиопередачи, выступал с обращениями, воззваниями, письмами и листовками к различным слоям населения Германии. Всего комитет издал и распространил на фронте и в тылу свыше 86 млн экземпляров листовок, газет, брошюр⁹⁵.

Особенно эффективной работа этих организаций была в лагерях военнопленных. Их деятельность оказывала на пленных огромное морально-психологическое воздействие. К июлю 1944 г. около 90% немецких пленных солдат и значительная часть офицеров и генералов присоединились к НКСГ и СНО. Всего семь тысяч офицеров, 51 генерал во главе с фельдмаршалом Ф. Паулусом (вступил в НКСГ в августе 1944 г.) стали их сторонниками и активными участниками⁹⁶.

В августе 1943 г. представители румынских военнопленных создали Румынский национальный блок, в который вошли свыше 10 тыс. демократически настроенных солдат и офицеров. Антифашистскую организацию Национальный комитет «Свободная Венгрия» создали пленные из венгерской армии. Военнопленные из итальянской армии под руководством П. Тольятти объединились в антифашистский Союз гарибальдийцев. Австрийские патриоты создали свое Антифашистское бюро. Опыт политической деятельности национальных антифашистских организаций военнопленных подтвердил, что эта форма объединения и сплочения демократических сил была целесообразной и эффективной для налаживания мирной жизни в освобожденных странах.

Таким образом, в период военных действий Красной армии на территории иностранных государств в Европе политическая работа среди населения являлась важной областью деятельности командиров и политорганов. Она проводилась на широкой основе — силами командиров и политработников, в первую очередь органами спецпропаганды, а также военными комендатурами во взаимодействии с местными политическими и общественными организациями и многочисленным антифашистским активом, в том числе и из числа бывших военнопленных.

Политическая работа среди войск Японии и населения освобождаемых территорий Китая и Кореи непосредственно организовывалась Главным командованием советских войск на Дальнем Востоке. Аппарат специальной пропаганды здесь был сформирован еще до начала Великой Отечественной войны. В его состав входили офицеры, владевшие японским, ки-

тайским и другими восточными языками, прошедшие специальную подготовку, многие из которых участвовали в боях на р. Халхин-Гол.

В дальнейшем их подготовка уже шла с учетом опыта политической работы среди войск противника на советско-германском фронте. Ей способствовала организованная в 1943–1945 гг. Главным политическим управлением РККА стажировка офицеров-дальневосточников на фронтах Великой Отечественной войны. Полученный ими практический опыт специальной пропаганды затем внедрялся применительно к условиям и особенностям возможных боевых действий на Дальнем Востоке.

Функции отдела специальной пропаганды политуправления Ставки Главного командования советских войск на Дальнем Востоке выполняла оперативная группа 7-го управления ГлавПУ РККА, которую возглавлял заместитель начальника 7-го управления генерал-майор Б. Г. Сапожников, специалист по Японии и Китаю. Ко времени начала военных действий 7-е отделы (спецпропаганды) политуправлений фронтов, фронтовые редакции газет на восточных языках, 7-е отделения политотделов армий, политотделы дивизий были доукомплектованы личным составом и усилены техническими средствами (мощными и окопными громкоговорящими установками, походными типографиями с японскими, китайскими, корейскими и монгольскими шрифтами, агитационными боеприпасами). Дивизии, переброшенные с советско-германского фронта, прибыли на Дальний Восток со своими штатными инструкторами по работе среди войск противника и техническими средствами специальной пропаганды. Политорганы Тихоокеанского флота и Амурской флотилии также имели в своем составе офицеров спецпропаганды и средства печатной и устной пропаганды. Для радиовещания и издания информационно-пропагандистских материалов использовались стационарные базы в Хабаровске и Владивостоке.

Работа аппарата спецпропаганды среди войск противника была направлена на то, чтобы убедить солдат и офицеров японской армии и формирований марионеточных войск в бессмысленности сопротивления, подорвать у них веру в могущество Японии и внушить мысль о превосходстве Красной армии, ослабить тем самым их сопротивление и вынудить к скорейшей капитуляции. Политическая работа среди японских войск была развернута одновременно с началом боевых действий. Основными документами, в которых разъяснялись причины вступления СССР в войну с Японией, явились заявление советского правительства и обращение маршала А. М. Василевского «К японской армии и японскому народу». Переведенные на японский язык, они с самолетов и другими средствами были распространены среди войск противника. Такие же обращения, а также разъясняющие их листовки в переводе на китайский, корейский, монгольский языки были размножены и распространены среди марионеточных армий и местного населения. Только в течение первых двух дней, 9 и 10 августа 1945 г., было распространено около 8 млн экземпляров указанных официальных документов и листовок⁹⁷.

В обращении «К японской армии и японскому народу» говорилось: «Подобно тому, как гитлеровская Германия была очагом войны и бедствий для народов Европы, ваша правящая клика превратила Японию в очаг войны и бедствий для народов на Дальнем Востоке... Очаг войны и бедствий на Западе — гитлеровский фашизм — уничтожен. В Европе установлен сейчас мир и порядок... Ваши правители и военная клика авантюристов остались в одиночестве. Всем вам ясно, что окончательное поражение Японии неизбежно. Япония обречена. Всякое продолжение сопротивления приведет лишь к новым поражениям страны... Японские мужчины и женщины! Офицеры и солдаты!.. Не допускайте до этого. Японский милитаризм должен быть уничтожен, а японский народ должен жить. Кончайте бессмысленную для вас войну. Требуйте немедленной и безоговорочной капитуляции японской армии и флота перед Красной Армией и армиями наших союзников»⁹⁸.

Специальная пропаганда оказывала существенное воздействие на японских солдат и офицеров в ходе боевых операций. У многих японских солдат в первые дни боев, наглядно показавших мощь Красной армии, появились растерянность, сомнение в возможности сопротивления, а часть из них, несмотря на отказ командования принимать условия капитуляции, при удобном случае стремилась сдаться в плен.

Основными тезисами листовок и программ звукопередач были разоблачение грабительского характера войны, развязанной японскими милитаристами против миролюбивых народов; разоблачение клеветы о Красной армии, разъяснение ее освободительной цели в войне с Японией; показ связи японской и гитлеровской клики; призыв к солдатам порвать с милитаристами, ведущими их страну к национальной катастрофе, взять свою судьбу в собственные руки, сдаться в плен Красной армии и тем самым спасти себя для своих семей.

После издания японским командованием приказа о капитуляции сотрудники 7-х отделов и отделений приняли меры к оповещению об этом приказе разрозненных, потерявших связь с главным командованием соединений и частей противника, которые еще продолжали сопротивляться. Так, на 1-м Дальневосточном фронте сотрудники 7-го отдела распространили среди японских войск тиражом в 5 тыс. экземпляров приказ командующего 5-й японской армией генерал-лейтенанта Н. Симидзу о сдаче в плен. На обороте этого приказа был напечатан пропуск и указаны пункты, в которые следует направляться капитулирующим частям. Листовка с этим приказом была распространена самолетами в районах расположения отрезанных от командования своей армии частей. Организовывался также выезд звуковещательных станций в горные районы, где скрывались разрозненные группы вражеских солдат, для сообщения им приказа японского командования о капитуляции⁹⁹.

Были изданы также листовки «К окруженным японским войскам в г. Хутоу», от имени сдавшихся в плен японских солдат «К своим товарищам, солдатам японской армии», «Я взят в плен советскими войсками», в которых убеждали солдат Квантунской группировки «сдаться в плен, так как на стороне Красной Армии могучая сила»¹⁰⁰.

Широко практиковался отпуск распропагандированных военнопленных в расположение своих частей. В конце августа 1945 г. офицеры 7-го отдела 1-го ДВФ распропагандировали шесть военнопленных полковников японской армии. С разрешения командования они направились в одну из японских частей, продолжавшую вести боевые действия. Установив контакт с командованием этой части, пленные провели разъяснительную работу с офицерами и убедили их в необходимости сдачи в плен. В результате шесть офицеров привели с собой 580 солдат и офицеров¹⁰¹. В те же дни офицерами 7-го отделения 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта был распропагандирован военнопленный капитан Маруяма. Вернувшись в свою часть, он склонил к сдаче в плен командира полка, по приказу которого весь полк капитулировал. 26 августа были посланы в горы поручик Комура и унтер-офицер Мацуга, которые уговорили сдаться в плен скрывавшийся в горах отряд смертников¹⁰².

Активную политическую работу среди войск противника проводили спецпропагандисты конно-механизированной группы. Возглавлявший ее генерал И. А. Плиев, характеризуя эту работу, писал: «Над занятой врагом территорией наша авиация разбрасывала множество листовок, раскрывающих освободительную миссию советско-монгольских войск. Авторами некоторых листовок выступали даже военнопленные. Они рассказывали о гуманном отношении к ним и призывали однополчан последовать их примеру и этим спасти себе жизнь»¹⁰³. Японское командование отдало приказ своим войскам по пути отступления отравлять воду в колодцах стрихнином и другими ядами. Генерал И. А. Плиев в связи с этим приказал распространить среди войск и населения противника листовку, в которой объявлялось о немедленном расстреле лиц, уличенных в отравлении колодцев, а население призывалось к выявлению и задержанию отравителей.

7-й отдел политуправления Забайкальского фронта и 7-е отделение политотдела российско-монгольской конно-механизированной группы проводили пропаганду среди солдат и офицеров марионеточных войск и среди монгольского населения Маньчжурии и Внутренней Монголии. Многомиллионным тиражом были изданы на монгольском языке и распространены заявления советского и монгольского правительств об объявлении войны Японии, обращение правительства МНР к монгольскому населению и к войскам марионеточной армии Внутренней Монголии, а также ряд листовок и лозунгов.

В заявлении правительства МНР от 10 августа 1945 г. о вступлении в войну с Японией говорилось: «Малый хурал и правительство МНР, побуждаемые чувством извечных чаяний

монгольского народа к свободе, независимости и полной суверенности, верные своим обязательствам по договору о взаимопомощи между МНР и СССР, а также вдохновляемые единым стремлением демократических государств и свободолюбивых народов мира быстрее добиться мира, торжественно объявляют священную войну против Японии на стороне Объединенных Наций и полностью присоединяются к Заявлению Советского правительства, объявленному 8 августа 1945 года»¹⁰⁴.

Кроме этих документов и листовок политуправление Забайкальского фронта издавало на монгольском языке и распространяло газету «Монгол арат». В период с 9 по 20 августа 1945 г. ряд номеров этой газеты, а также десятки листовок, плакатов, лозунгов были распространены тиражом в 250 тыс. экземпляров. В них рассказывалась правда об СССР и МНР, разоблачался японский империализм, марионеточные войска призывались к восстанию против японских оккупантов и к сдаче в плен советским войскам, а население — к содействию в разгроме Квантунской группировки войск. Эти призывы находили горячий отклик среди марионеточных войск и населения. Солдаты и офицеры высылали парламентаров и капитулировали целыми частями и соединениями. Так, уже на второй день войны на сторону Красной армии перешел монгольский генерал Го Ваньлинь с 28 офицерами и тысячей солдат. Он согласился написать обращение к марионеточным войскам и населению, листовка с его обращением и фотоснимком была издана политуправлением Забайкальского фронта и нашла широкий отклик среди марионеточных войск¹⁰⁵.

Отдел спецпропаганды Тихоокеанского флота с первого дня войны против Японии приступил к активной политической работе среди матросов японского флота и солдат японской армии. С 9 по 20 августа было издано и распространено 18 различных обращений и листовок на японском языке тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров. Среди них обращение маршала А. М. Василевского «К японской армии и японскому народу», листовка «К морякам японского императорского флота», иллюстрированная открытка «К японским солдатам», которая являлась пропуском для перехода через линию фронта. Проводились регулярные радиопередачи на японском языке на экипажи кораблей противника.

В процессе капитуляции войск Квантунской группировки активно велась работа среди японских разрозненных частей и соединений, продолжавших сопротивление. В ходе десантных операций успешно применялись окопные громкоговорящие установки. Так, в районе г. Маока (Южный Сахалин) были распропагандированы пленные японцы поручик Кобаяси и подпоручик Ито. Через ОГУ они обратились к солдатам гарнизона с призывом «прекратить сопротивление и сдаться войскам Красной армии, которые хорошо относятся к пленным и обеспечат возвращение их на родину после войны». На призыв японских офицеров сдались советским частям сначала 50 солдат с оружием, а затем еще 57 солдат и подофицеров, а вскоре этот гарнизон был полностью разоружен. Офицеры спецпропаганды действовали и в составе авиадесантов, высаженных в Харбине (18 августа), Гирине, Чанчуне, Мукдене (19 августа), Дальнем и Порт-Артуре (21 и 22 августа). Они участвовали в переговорах о капитуляции. В результате капитуляции вооруженных сил Японии в лагерях для военнопленных в Советском Союзе находились около 600 тыс. японских солдат и офицеров¹⁰⁶.

Политическая работа среди японских военнопленных имела свои особенности, которые зависели от обстоятельств пленения и национальных традиций. Незначительность числа пленных, взятых в процессе боев, объясняется скоротечностью войны с Японией. Основная масса, свыше 500 тыс. человек, была пленена в результате капитуляции Квантунской группировки войск. Другая особенность заключалась в том, что японцы имели весьма слабое и часто извращенное представление об СССР и его народе, политический и культурный кругозор среднего японца был крайне ограничен. Это объясняется длительной изоляцией Японии от европейских и других стран, а после вступления Японии на мировую арену — сознательным стремлением правящих кругов воспитывать японский народ в духе национальной ограниченности, старых феодальных традиций. Поэтому аппарату спецпропаганды приходилось начинать с азов, разъяснять элементарные политические вопросы, рассказывать об общеизвестных событиях.

Японское командование стремилось держать солдат в неведении, изолировать их от окружающего мира. Так, некоторые пленные солдаты при опросе заявляли, что им не было известно даже о поражении гитлеровской Германии. Наряду с исключительно узким политическим кругозором массы японцев большой трудностью для советской пропаганды было преодоление у них духа расизма и национального шовинизма. В сознание японских людей их реакционные правители внедряли идеи о превосходстве японской нации над всеми другими, о божественном происхождении японцев и их императора. В этой системе расистского одурманивания особое место занимала антисоветская клеветническая пропаганда, изображавшая советских людей как основных врагов Японии. В армии ко всему этому добавлялась палочная дисциплина, жестокая муштра солдат, направленная на то, чтобы солдаты боялись своих офицеров больше, чем противника.

Все это надо было тщательно учитывать, чтобы правильно определить содержание и формы политической работы среди пленных. Особенно большая трудность заключалась в недостатке офицеров, знающих японский язык, а работа проходила среди сотен тысяч пленных и многих десятков тысяч жителей на Южном Сахалине и в других местах. С помощью привлеченного демократического актива среди военнопленных удалось преодолеть языковой барьер. Пропаганду и культурно-просветительную работу наряду с офицерами спецпропаганды вели и активисты из числа военнопленных. Для этого в большинстве лагерей были созданы комитеты из солдат и демократически настроенных офицеров и унтер-офицеров. Комитеты оказывали большое влияние на массу военнопленных, особенно при выполнении заданий командования лагерей в производственной деятельности. Задания, как правило, выполнялись добросовестно, и это обстоятельство использовалось для проведения политико-воспитательной работы среди военнопленных путем организации трудового соревнования и премирования передовиков производства.

Пробуждению у японских солдат классового самосознания и росту дружественных чувств к Красной армии способствовали и их собственные наблюдения за порядками в Вооруженных силах Советского Союза, за взаимоотношениями между нашими солдатами и офицерами. Все это наглядно убеждало японских военнопленных в правдивости советской пропаганды о Красной армии, борющейся за интересы своего народа и самой демократичной по своей организационной структуре из всех армий мира.

Среди актива военнопленных были сильные тенденции к демократизации внутреннего режима в батальонах и подразделениях, высказывались пожелания о замене японских реакционных командиров демократами. Командование и политорганы лагерей учитывали эти пожелания, и реакционных офицеров и унтер-офицеров постепенно устранили с командирских постов и заменили демократически настроенными по рекомендации актива военнопленных.

В беседах, на собраниях, митингах с японскими военнопленными использовались формы и методы политической работы и опыт западных фронтов, распространялись газеты, листовки, плакаты и другая литература, демонстрировались кинофильмы, проводились звуко- и радиопередачи, устраивались фотовыставки, выступления самодеятельности военнопленных, создавались курсы демократического актива.

Офицеры спецпропаганды лагерей стремились не только рассказывать военнопленным о Советском Союзе, о жизни и деятельности советских людей, но и показывать при возможности им эту жизнь, организовывать экскурсии и встречи с советскими людьми. В газете «Ниппон симбун», специально издававшейся для военнопленных, освещались жизнь Советского Союза, внешняя и внутренняя политика советского правительства, положение в Японии, показывалась борьба японских прогрессивных организаций за демократизацию Японии. Газета, в работе которой принимали участие активисты из военнопленных, пользовалась большой популярностью. Во многих лагерях организовались постоянные группы друзей «Ниппон симбун», которые проводили коллективные чтения и обсуждение материалов, поддерживали связь с редакцией, информировали о жизни военнопленных.

Наиболее убедительным аргументом политического воздействия на военнопленных был сам режим, установленный в лагерях. Он разоблачал ложь японской милитаристской

пропаганды «об ужасах советского плена» и, несомненно, способствовал зарождению в сознании японских военнопленных симпатий к Красной армии и Советскому государству. Многие военнопленные высказывали чувства благодарности за хорошее к ним отношение. Например, майор Кусаво, бывший командир отдельного батальона, заявил: «Красная армия не проявляет к нам чувства расовых различий, превосходства победителей, к нам проявляется дружеское отношение»¹⁰⁷. Такие заявления использовались в политической работе, публиковались в газете «Ниппон симбун» и лагерных стенных газетах.

В результате систематической политической работы среди японских военнопленных подавляющее большинство их прониклось симпатиями к Советскому государству, осознано общность интересов японского и советского народов, многие из них стали искренними друзьями Советского Союза, активными сторонниками демократизации Японии.

Эти перемены во взглядах и настроениях японских солдат нашли выражение в резолюциях многочисленных митингов и собраний с участием многих тысяч военнопленных, а также в сотнях индивидуальных и коллективных писем в адрес советского правительства и командования Красной армии. Например, на митинге репатрируемых военнопленных 2 января 1947 г., в котором участвовали свыше 5 тыс. японских солдат и офицеров, было принято обращение к оставшимся пока в СССР японским военнопленным. В нем говорилось: «Для того чтобы улучшить жизненные условия японских трудящихся, демократизировать страну и не допустить впредь повторения агрессии, мы, собравшиеся на этом митинге, призываем всех японских военнопленных, находящихся в СССР, брать пример со страны подлинной демократии — Советского Союза — и бороться: 1) за осуществление полной демократии в Японии; 2) за предоставление работы всем трудящимся Японии; 3) за немедленное свержение кабинета Иосиды и замену его народным правительством, созданным по принципу общепризнанной демократии»¹⁰⁸.

Японская пресса, до этого распространявшая ложь о якобы плохом обращении в СССР с японскими военнопленными, вынуждена была изменить тон. Так, токийская радиовещательная станция 12 декабря 1946 г. передавала: «Часть находящихся в Сибири японских офицеров и солдат вчера прибыла в порт Майдзуру. Из бесед выяснилось, что все прибывшие здоровы и чувствуют себя хорошо, что они жили в хороших помещениях, отлично одеты и ни в чем не испытывали нужды»¹⁰⁹.

ЦК ВКП(б) считал важным элементом успеха военных операций на Дальневосточном ТВД эффективную работу среди населения оккупированных Японией стран и территорий. С момента вступления частей Красной армии на территорию Маньчжурии и Кореи аппарат спецпропаганды развернул политическую агитацию и пропаганду среди китайского, монгольского и корейского населения, направленную на создание наиболее благоприятной обстановки для пребывания советских войск на их территории. Важнейшей задачей при этом было теснее сблизиться с революционной, прогрессивной частью местного населения, выявить и организовать демократический актив. И эта работа дала результаты: вокруг наших частей сгруппировалось много демократов-активистов, которые помогали в пропаганде правды о Советском Союзе и Красной армии.

Наряду с опубликованием официальных документов советского правительства и командования издавались и распространялись массовыми тиражами листовки, лозунги, плакаты, популяризировавшие в доходчивой форме основные положения этих документов. Так, в лозунгах и кратких листовках, распространявшихся среди китайского населения, говорилось: «Китайцы! Красная Армия протянула вам руку братской помощи для борьбы с нашим общим врагом — японскими империалистами. Час вашего освобождения настал! Всемерно помогайте Красной Армии — армии-освободительнице!» В другой листовке было сказано: «Китайцы! Советский Союз — истинный друг китайского народа. Это он в 1924 году добровольно отказался от всех концессий и привилегий в Китае и заключил с Китаем первый равноправный договор. Это он всегда поддерживал Китай в его борьбе против захватнических планов Японии. Советский Союз всегда высоко ценил и уважал китайскую культуру, китайский народ. Да здравствует дружба русского и китайского народов!»¹¹⁰

К борьбе против японских поработителей призывало командование Красной армии и корейцев: «Корейцы! Десятки лет ваша прекрасная родина стонет под тяжестью японского сапога, справедливый меч Красной Армии занесен над японским империализмом, и судьба Японии предрешена... Поднимайтесь на священную войну против ваших поработителей... Мы поможем вам, как друзья. Смерть японским захватчикам!»¹¹¹

Всего с 9 августа по 10 сентября 1945 г. было издано 36 видов листовок, обращений и плакатов тиражом 2,5 млн экземпляров. За тот же период политотделами армий этого фронта совместно с оперативными группами политуправления фронта было выпущено несколько сотен тысяч экземпляров различных агитматериалов на китайском языке¹¹².

7-е отделы фронтов выпускали для населения газеты на китайском, монгольском, корейском и японском языках. Главным содержанием газет была пропаганда великих исторических побед советского народа, освободительной миссии Красной армии, разоблачалась ложь антисоветской пропаганды, популяризировались демократические преобразования на освобожденной от захватчиков земле. Вокруг редакций газет группировались и активно участвовали в печатной пропаганде местные демократические силы. Например, в газете «Новая жизнь» на Южном Сахалине японские активисты писали статьи, участвовали в редакционной работе, переводили на японский язык наиболее доходчивые для читателя материалы.

Учитывая невысокий уровень грамотности населения, большое внимание уделялось средствам устной агитации, проведению бесед, собраний, митингов, организации выступлений через мощные громкоговорящие установки, изданию красочных плакатов, лозунгов, демонстрации советских кинофильмов.

Значительную роль в устной пропаганде среди местного населения играло звуковещание. Так, в частности, 7-е отделение политотдела 15-й армии в г. Цзямусы с 23 августа по 5 сентября провело через МГУ 26 звукопередат, которые шли по такой программе: музыка — 5–6 минут, тексты о Советском Союзе, Красной армии и соответствующие лозунги — 15–30 минут, затем опять музыка — 5–6 минут. Дикторами выступали работники 7-го отделения и местные жители. Кроме наземных громкоговорящих установок использовались и самолетные установки. Так, 24, 28 и 31 августа 1945 г. с самолета У-2 было проведено три сеанса звуковещания над городами Фуцзинь и Цзямусы. А например, работниками 7-го отделения политотдела 2-й армии с 9 августа по 1 сентября 1945 г. было проведено среди населения 56 бесед на темы «Зачем пришла Красная Армия в Маньчжурию» и «Что и как должны делать местные жители в помощь Красной Армии»¹¹³. В речах местных жителей неизменно звучали слова благодарности советскому народу и его армии за освобождение от японских оккупантов и колонизаторов.

По мере продвижения в освобождаемые районы главных сил Красной армии в непосредственную работу среди населения включались все работники 7-х отделов политуправлений фронтов и 7-х отделений политотделов армий. Большое значение придавалось организации в городах и крупных населенных пунктах советских военных комендатур. Офицеры спецпропаганды, владеющие восточными языками, активно участвовали в формировании комендатур и работу среди населения проводили в тесном контакте с ними.

Особенно многочисленны были манифестации и митинги при встрече наших войск в крупных городах. В донесении политуправления Забайкальского фронта сообщалось: «Население Чанчуня встретило советские войска восторженно, стихийно возникали митинги и демонстрации, дома украшены советскими и китайскими флагами. Советская военная комендатура немедленно приняла меры к нормализации жизни в городе. Приказ коменданта № 1 на китайском языке был распространен в 10 тыс. экз., а также передавался по радио и МГУ. С 21 августа (на другой день после начала работы комендатуры) открылись магазины, пошел трамвай, стали работать предприятия»¹¹⁴.

Массовая работа среди населения Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов развернулась после окончания военных действий. Это обуславливалось тем, что советские войска и военные комендатуры оставались по соглашению с Китаем на

освобожденной территории Маньчжурии до апреля 1946 г., в Северной Корее — до образования корейских правительственных органов, а на Южном Сахалине и Курильских островах работа среди японского населения велась до окончания репатриации японских жителей.

Эта работа проводилась работниками 7-х отделов и отделений совместно с комендатурами в контакте с образовавшимися местными демократическими самоуправлениями и общественными организациями. Печатная пропаганда велась через издаваемые политорганами газеты, бюллетени, листовки на китайском, корейском и японском языках. Для устной пропаганды широко использовались местные радиостанции (в Чанчуне, Мукдене, Харбине и других городах), а также звуковещательные станции. Для населения систематически демонстрировались советские кинофильмы, организовывались фотовыставки, издавались плакаты, в местных театрах и клубах выступали красноармейские ансамбли и приезжавшие из Советского Союза артисты.

Пропагандистские мероприятия приурочивались к политическим событиям и знаменательным датам. Так, в г. Чанчунь были проведены демонстрация и массовый митинг, посвященные 34-й годовщине китайской революции (1911) и укреплению дружбы китайского и советского народов. Мероприятия готовились 7-м отделом политуправления Забайкальского фронта совместно с городским самоуправлением и Обществом китайско-советской дружбы. Был выпущен специальный бюллетень тиражом 200 тыс. экземпляров на китайском языке, изданы миллионным тиражом две листовки на тему о советско-китайской дружбе. На митинге присутствовали 80 тыс. жителей, речи ораторов транслировались по радио.

О размахе этой работы в полосе Забайкальского фронта говорят следующие цифры. За период с 9 августа по 15 ноября 1945 г. было издано и распространено среди населения 55 млн экземпляров листовок, лозунгов, плакатов и брошюр на китайском и японском языках. В городах Чанчунь, Мукден и Харбин ежедневно издавались информационные бюллетени, велись передачи через местные радиостанции. На их улицах и площадях были развешаны плакаты, лозунги, регулярно работали МГУ, через которые было проведено 1600 звукопередач. Состоялось более 30 общегородских массовых митингов, посвященных освободительной миссии Красной армии, дружбе китайского и советского народов. В организации и проведении митингов и демонстраций активно участвовали местные демократические организации¹¹⁵.

Значительная работа проводилась среди японского населения Южного Сахалина. Воспитанное японскими империалистами в шовинистическом духе, враждебном отношении к советскому народу, японское население Южного Сахалина, как и в Корее и Маньчжурии, настороженно встречало советские войска, ожидая жестокого к себе отношения. Исключительная выдержанность, вежливость советских солдат и офицеров быстро развеяли опасения японцев, наглядно разоблачили ложь и клевету японских империалистов в отношении Красной армии. Убедившись воочию, что советское командование заботится о нормализации жизни населения и оказывает ему помощь, японцы в своей массе прониклись чувством симпатии к Красной армии и Советскому Союзу.

Для демократически настроенных жителей японской национальности были организованы месячные курсы, в тематику занятий которых входило ознакомление слушателей с внутренней и внешней политикой Советского государства, а также с международным положением, в частности в Японии. Активисты, окончившие эти курсы, стали опорой в проведении работы среди широких слоев японского населения Южного Сахалина до их репатриации в Японию, по случаю которой организовывались митинги. Так, на митинге 31 декабря 1946 г. при участии 3500 репатрируемых японцев было единодушно принято письмо-обращение к советскому правительству, в котором говорилось: «Мы, японцы, проживавшие на Южном Сахалине и возвращающиеся сейчас на родину, рады отметить, что о нас была проявлена исключительная забота, мы находились на равных условиях с советскими людьми. Это показывает нам истинно дружеское отношение народов Советского Союза, народов подлинно демократического государства. После возвращения на родину мы обещаем приложить все усилия для создания подлинно демократической Японии, счастливой жизни японского народа и для укрепления дружбы с советским народом»¹¹⁶.

Агитационно-пропагандистская работа, широко развернутая среди населения Маньчжурии, Северной Кореи и Южного Сахалина, дала хорошие результаты: китайское, корейское и монгольское население, питавшее и ранее доверие и добрые чувства к советскому народу, еще более укрепилось в них, а японское население, узнавшее правду о Красной армии и Советском государстве, также в основной своей массе прониклось к советскому народу чувствами доверия и симпатии.

В своих воспоминаниях маршал Р. Я. Малиновский высоко оценил проводившуюся работу среди населения освобожденных государств Дальнего Востока: «В ходе операции командование и политорганы фронтов, флота и армий приложили много усилий для налаживания правильных взаимоотношений с населением освобожденных районов. И нужно сказать, что эти усилия встретили огромное понимание и поддержку со стороны всех слоев населения освобожденных сел и городов»¹¹⁷.

Оценка эффективности советской специальной пропаганды среди войск, населения и военнопленных противника в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции вызывает отдельные споры. Зарубежные историографы, грубо искажая цели сторон и подлинный ход Второй мировой войны, замалчивают решающий вклад советского народа в дело ускорения победы над японским милитаризмом, фальсифицируют и характер нашей пропаганды, и ее влияние на войска противника.

Первоначально политико-моральное состояние японских войск не внушало их командованию особых опасений, но уже в ходе молниеносной Маньчжурской операции солдаты и офицеры неприятеля начали утрачивать боевой дух, что и позволило усилить влияние нашей пропаганды. Свидетельствами этого стали письма вражеских солдат на родину, трофейные дневники, возрастающие случаи массовой сдачи в плен, капитуляция окруженных группировок и гарнизонов. Наиболее убедительным доказательством эффективности специальной пропаганды служат приказы и директивы командования Квантунской группировки войск, посвященные задачам борьбы с вражеской пропагандой. Так, 11 августа 1945 г. штаб главнокомандующего группировкой генерала О. Ямады издал приказ, запрещающий под страхом расстрела подбирать и тем более читать советские листовки: «Не к лицу нам, сыновьям императора, падать низко, слушать наветы на нашу империю и ее доблестных солдат. Наш меч, разящий врага, — единственный ответ противнику». В отношении китайского, корейского и монгольского населения принимались меры кровавого террора: малейшее подозрение в сочувствии Красной армии каралось смертью¹¹⁸.

Таким образом, спецпропагандистское обеспечение боевых операций на освобождаемых Вооруженными силами Советского Союза зарубежных территориях Европы и Дальнего Востока было развернуто своевременно, велось интенсивно, в больших масштабах и на высоком уровне. И этот морально-политический фактор сыграл важную роль в победе над агрессорами. Особенно действенной она была среди войск сателлитов Германии и марионеточных армий, сформированных японцами из населения Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также среди населения, многие годы томившегося под гнетом оккупантов и колонизаторов.

Воин-освободитель: психология и поведение на завершающем этапе войны

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию и преследуя отступающего противника, Красная армия перешла государственную границу СССР. С этого момента начался ее победоносный путь по странам Европы — как тем, которые шесть лет томилась под фашистской оккупацией, так и выступавшим в этой войне союзниками Третьего рейха, а также по территории самой гитлеровской Германии.

Свыше года около 7 млн советских воинов сражались за пределами Родины, больше миллиона из них погибли за освобождение народов Евразии от фашизма. И подвиг их нельзя поставить под сомнение: за освобождение Польши отдали свою жизнь более 600 тыс. воинов, Чехословакии — 140 тыс., Венгрии — 140 тыс., Румынии — 69 тыс., Югославии — 8 тыс., Болгарии — около 1 тыс., Австрии — 26 тыс., Норвегии — 3,5 тыс., Китая и Кореи — 10 тыс., на территории Германии погибли 102 тыс. воинов Красной армии¹¹⁹.

В ходе освободительной миссии Красной армии проявились такие грани сознания и психологии советского воина, как интернационализм, гуманизм, солидарность с пострадавшими народами. Это выражалось в оказании не только военной (несомненно, главной), но также продовольственной и медицинской помощи, восстановлении мостов и дорог, разрушенных предприятий и школ.

Сам факт перехода государственной границы и процесс освобождения зарубежных стран весьма существенно повлиял на психологию и поведение личного состава действующей армии. И воздействие это было весьма разносторонним. Именно с этого момента во всей полноте утвердилось психология советского воина-победителя, который ранее лишь защищал и освобождал захваченную врагом собственную землю. Теперь он стал освободителем других народов, что обуславливало новое самовосприятие советского воина, накладывало особую ответственность на каждого как на представителя своей страны и армии. Но это же ставило перед каждым вопрос о готовности жертвовать собой, своей жизнью не за родную землю, а в интересах других народов. Наш солдат вступал на чужие земли, где люди говорили на других языках, где были иные обычаи, традиции, культура, нормы поведения и т. д. Почти никто из советских людей не бывал ранее за границей, и прямое соприкосновение с иной социокультурной средой для многих стало культурным шоком, к которому примешивались разного рода политические тонкости.

Первой европейской страной, в которую 26 марта 1944 г. вступила Красная армия, стала Румыния. Недавний противник СССР и сателлит Германии, в последний период войны она оказалась среди союзников по антигитлеровской коалиции. При этом в массовом сознании советских людей преобладало недовольство слишком мягкими условиями перемирия с Румынией¹²⁰. О восприятии этой страны советскими войсками вспоминал в своих «Записках о войне» поэт-фронтовик Борис Слуцкий: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, «где сначала грязь с рук осядется, а потом лицо моют», перины вместо одеял — из отвращения, вызываемого бытом, делались немедленные обобщения... В Констанце мы впервые встретились с борделями... У всех было отчетливое сознание: у нас это невозможно». И делал вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой»¹²¹.

Другим сателлитом Германии была Венгрия, границу с которой войска Красной армии перешли в сентябре 1944 г. В ходе войны в массовом сознании как советского общества, так и армии сложился образ жестоких мадьяр, особенно укрепившийся во время боевых действий на собственно венгерской территории, где враг дрался крайне ожесточенно. «Это была первая страна, не сдавшаяся, как Румыния, не перебежавшая, как Болгария, не союзная, как Югославия, а официально враждебная, продолжавшая борьбу»¹²². Ненависть к венграм усугублялась их коварством: редко оказывая открытое сопротивление, они часто нападали изподтишка, всегда были готовы нанести удар в спину¹²³.

В Болгарии и Югославии, куда советские войска вошли в сентябре 1944 г., несмотря на сложность внутривосточных проблем, отношение славянских народов к Красной армии было, безусловно, дружеским, что вызывало ответную симпатию. «В Болгарии не было ни боев, ни сражений. Болгарская операция была бескровной, она вылилась в триумфальный освободительный поход»¹²⁴, здесь, на земле братского народа, за восемь месяцев до окончания войны советские воины получили мирную передышку.

В Югославии бои носили ожесточенный характер, но население оказывало советским войскам, сражавшимся в тесном взаимодействии с югославской Народно-освободительной армией, всяческую помощь и поддержку.

Приятное впечатление произвело и население Чехословакии, которое радостно встречало советских солдат-освободителей. Смущенные танкисты с покрытых маслом и пылью боевых машин, украшенных венками и цветами, говорили между собой: «Нечто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел». Дружелюбие и радушие чехов было искренним. «Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной Армии за то, что они освободили мою Прагу», — под общий дружный и одобрительный смех сказала... работница пражского трамвая»¹²⁵, — так описывал атмосферу в освобожденной чешской столице и настроения местных жителей 11 мая 1945 г. Борис Полевой.

17 июля 1944 г. советские войска вступили на территорию Польши. Восприятие этой страны военнослужащими Красной армии оказалось неоднозначным. Образ славянского, близкого в противостоянии германцам польского народа сочетался с идеологическим стереотипом буржуазной, панской Польши, враждебной Советскому государству. Двойственным было и отношение к Польше как союзнику капризному и ненадежному. Население также во многом рассматривалось с классовой точки зрения: симпатию вызывали рабоче-крестьянские, бедняцкие слои и негативное отношение — зажиточные и классово чуждые.

Официальная позиция советского руководства в отношении Польши и в связи со вступлением на ее территорию нашла отражение в постановлении Государственного Комитета Обороны № 6282 от 31 июля 1944 г. и в директиве Генерального штаба Красной армии командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов от 1 августа 1944 г. В них, в частности, говорилось, что «вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его Родины от ига немецко-фашистских оккупантов»¹²⁶. В связи с этим предписывалось «в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить, исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать», гарантировать польским гражданам охрану принадлежащей им частной собственности и личных имущественных прав»¹²⁷.

Еще до вступления на территорию Польши среди личного состава советских войск была проведена основательная политико-идеологическая подготовка к этому событию. Ее вели военные советы, политорганы и партийные организации всех уровней. Так, Военный совет и политуправление 1-го Белорусского фронта разослали по всем политотделам фронта справку по истории Польского государства, характеризовавшую его устройство, политико-экономическое положение, культуру, быт и нравы населения и т. д. Были прочитаны лекции, доклады, проведены беседы на темы: «Задачи личного состава в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши», «Победа над германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы», «Воин Красной Армии — представитель самой сильной и культурной армии в мире», «Железная воинская дисциплина и высокая бдительность — залог победы над врагом», «Красная Армия выполняет историческую роль — освобождает народы Европы от фашистского рабства»¹²⁸.

Командование настойчиво утверждало в сознании военнослужащих необходимую модель поведения. По свидетельству Давида Самойлова, «в Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались»¹²⁹. Другой фронтовик — Михаил Колосов вспоминал, как личному составу батальона был зачитан приказ по армии с соответствующими комментариями комбата: «Мы на чужой территории, но здесь мы не как завоеватели, а как освободители, мы преследуем врага и освобождаем польский народ от ига гитлеровских оккупантов. Здесь свое государство, здесь свои порядки. Здесь для нас все чужое, поэтому без разрешения не брать ни палки, ни доски. Деревья рубить категорически запрещается. Для землянок, для дров ищите поваленные, сухие. Лес — это собственность польского народа, и за каждое срубленное дерево нашему государству придется расплачиваться валютой, золотом. Солома нужна? Будем добывать организованно.

Чешские дети дарят цветы освободителям Чехословакии

Концерт советских солдат для жителей Праги

Поедет старшина к старосте и скажет ему: «Пан староста, чтобы не стеснять гражданское население, мы остановились в лесу. Солдатам для постелей нужна солома. Не могли бы вы нам помочь?» Только так, дипломатическим путем. Думаю, не откажет. Всякие... шалости в отношении местного населения будут строго наказываться»¹³⁰.

Во всех частях проводились красноармейские и специальные партийные и комсомольские собрания, на которых принимались решения «вести беспощадную борьбу с мародерством, своевременно пресекать плохое поведение бойцов по отношению к местному населению»¹³¹. Такая целенаправленная работа с личным составом и жесткие дисциплинарные меры резко ограничили масштабы стихийных реквизиций и произвола по отношению к польским гражданским лицам.

Советское командование и политорганы тщательно отслеживали как поведение собственных войск на польской территории, так и отношение польского населения к Красной армии, объективно фиксируя сложность и противоречивость ситуации. Так, в докладной записке Военного совета 47-й армии в Военный совет 1-го Белорусского фронта об отношении отрядов Армии Крайовой к Красной армии от 30 июля 1944 г. говорилось о том, что «население тепло относится к частям Красной армии, но в то же время исключительно хорошо относится и к отрядам так называемых польских партизанских частей и подразделений»¹³², а в докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе политорганов среди польского населения и его отношении к Красной армии за конец августа 1944 г. отмечалось, что «имеются определенные лица среди польского населения, которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение к Красной Армии», что «заметно влияние лондонского эмигрантского правительства» на зажиточные и средние слои поляков, что «ряд офицеров и солдат Армии Крайовой угрожает населению репрессиями за лояльное отношение к Красной Армии», подбивает на вооруженную борьбу против нее и т. д.¹³³

Во взаимоотношениях советских бойцов и местного населения переплелось немало аспектов: идеологических, экономических, бытовых, эмоциональных. Есть немало свидетельств, отразивших противоречивый опыт контактов с другим народом. Например, письма женщин-военнослужащих 19-й армии 2-го Белорусского фронта за конец февраля 1945 г., перлюстрированные военной цензурой. Так, Лидия Шахпаронова писала 22 февраля 1945 г. подруге: «Польша мне нравится, и народ здесь приветливый. К нам относятся очень хорошо, как к своим освободителям. Они понимают, что если бы не мы, то никогда бы полякам не сбросить ярмо немцев. А немцы здесь действительно были господами. У нас, в СССР, они еще не успели развернуться во всей возможной полноте. Полякам нельзя было жениться, есть масло, мясо, хлеб белый, пить молоко и т. д. Им выдавали немного хлеба из отрубей и черного кофе (суррогаты). Вот и все. Специальные нюхачи рыскали по домам и узнавали, не едят ли поляки, что им не положено. Перед пацаном-немцем поляк обязан был снимать шапку и кланяться, иначе тот его бил по щекам. А если бы поляк дал ему сдачи или отпихнул, его бы повесили. Словом, настоящее рабство. Все поляки от старого до малого были работниками у немцев. Всё было немецкое — и заводы, и земля, и магазины. Потому так поляки и ненавидят немцев, проклинают их. Потому они так хорошо встречают нас»¹³⁴.

Совсем иной акцент мы видим в письме М. П. Анненковой к подруге от 19 февраля 1945 г.: «Прошли все польские города (Торн, Бромберг и т. д.), побывали у поляков. Поляки — народ не совсем дружелюбный. Некоторые приветствуют хорошо, а некоторые смотрят косо на нас. Немцев ненавидят они крепко, потому что у них деревни и города все разрушены»¹³⁵.

Это мнение разделяла и Вера Герасимова в письме от 23 февраля 1945 г.: «Проезжали деревни, села, города. Дороги хорошие, местами взорваны и побиты при отступлении фрицев... Всё это была Польша. Деревни грязные, люди не привыкли, видно, мыться в банях, так как их нет, что нам не очень понравилось, какая-то брезгливость... Внешний лоск и внутренняя грязь. В городах немного получше одеты, с шиком, видимо, привыкли жить с немцем (от 39 г.), то есть нет здесь уже той приветливости, и мне кажется, что многие в этих городах — это фрицы, замаскированные поляками. Где нас много, они не появляются, своих действий не проявляют, а где идешь одна, можешь напасть на неприятность»¹³⁶.

Советские офицеры возлагают цветы к могиле Иоганна Штрауса

Советские солдаты общаются с мирными жителями

Офицеры 3-го Белорусского фронта принимают сдающихся в плен вместе с бронетехникой немцев

И наконец, письмо, в какой-то мере обобщающее отношение советских солдат к местному польскому и другому населению освобождаемой Европы: «Проехала Эстонию, Литву, Латвию и Польшу, теперь где-то на границе Германии, — сообщила 24 февраля 1945 г. подруге Галина Ярцева. — Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И, глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими... Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами!»¹³⁷

В этих письмах зафиксировано несколько явлений. Во-первых, жизнь польского населения, представшая перед глазами советских солдат, в сравнении с жизнью в собственной стране. Здесь констатация относительного богатства городов и бедности польских сел, униженности и тягот немецкого оккупационного порядка. Во-вторых, крайняя противоречивость отношения поляков к наступающим советским войскам, где местами присутствует приветливость, а порой настороженность и даже враждебность. Наконец, в-третьих, собственное противоречивое отношение к польскому населению, в котором есть и сочувствие, и недоверие к нему, и отторжение как инородного, чуждого, внутренне враждебного. Последний оттенок был замечен советской военной цензурой и зафиксирован в донесении политотдела 19-й армии об организации воспитательной работы в войсках в ходе наступления 17 марта 1945 г. как «факт непонимания великой освободительной миссии Красной Армии»¹³⁸.

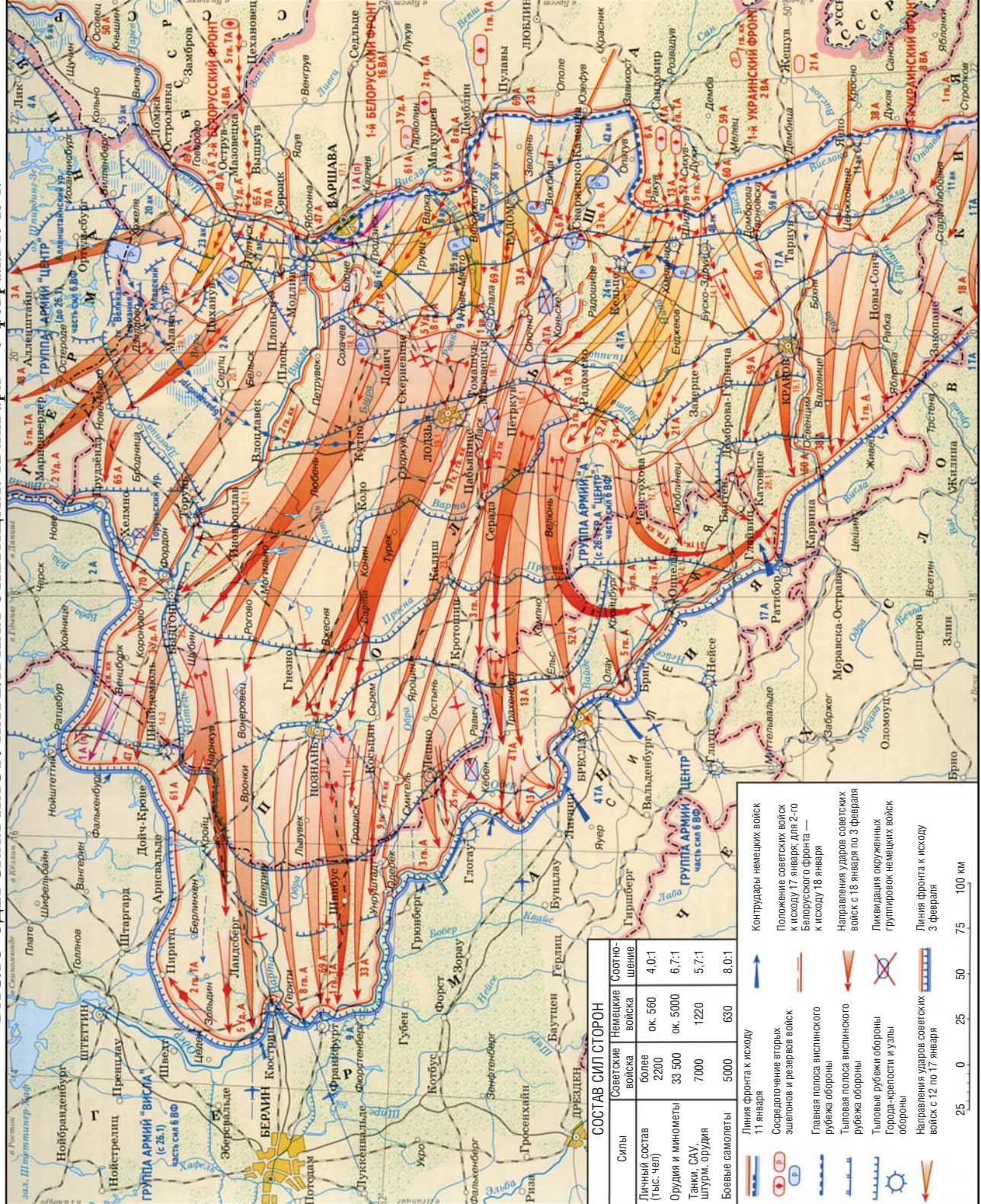
Но в целом, несмотря на все политические и психологические сложности, на земле захваченных гитлеровцами стран советский воин, оказывая дружескую помощь чужим народам, воспринимал свои действия как естественное проявление солидарности, и чувства его при этом были достаточно понятны. При вступлении же на территорию фашистской Германии эта ясность уступила место целому комплексу весьма сложных, противоречивых, неоднозначных мыслей и чувств.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были — не могли не быть! — психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами. В январе — феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» — написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу¹³⁹. День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. Немецкие обыватели, которые поддерживали Гитлера и приветствовали войну, беззащитно пользовались плодами грабежа других народов, не ожидая, что война вернется туда, откуда она началась — на территорию Германии. И теперь эти «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на рукавах, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за всё, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу в его собственном логове была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «око за око, зуб за зуб».

Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся как необходимостью достойно и цивилизованно выглядеть в глазах союзников, так и планами на послевоенное

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 12 января — 3 февраля 1945 г.

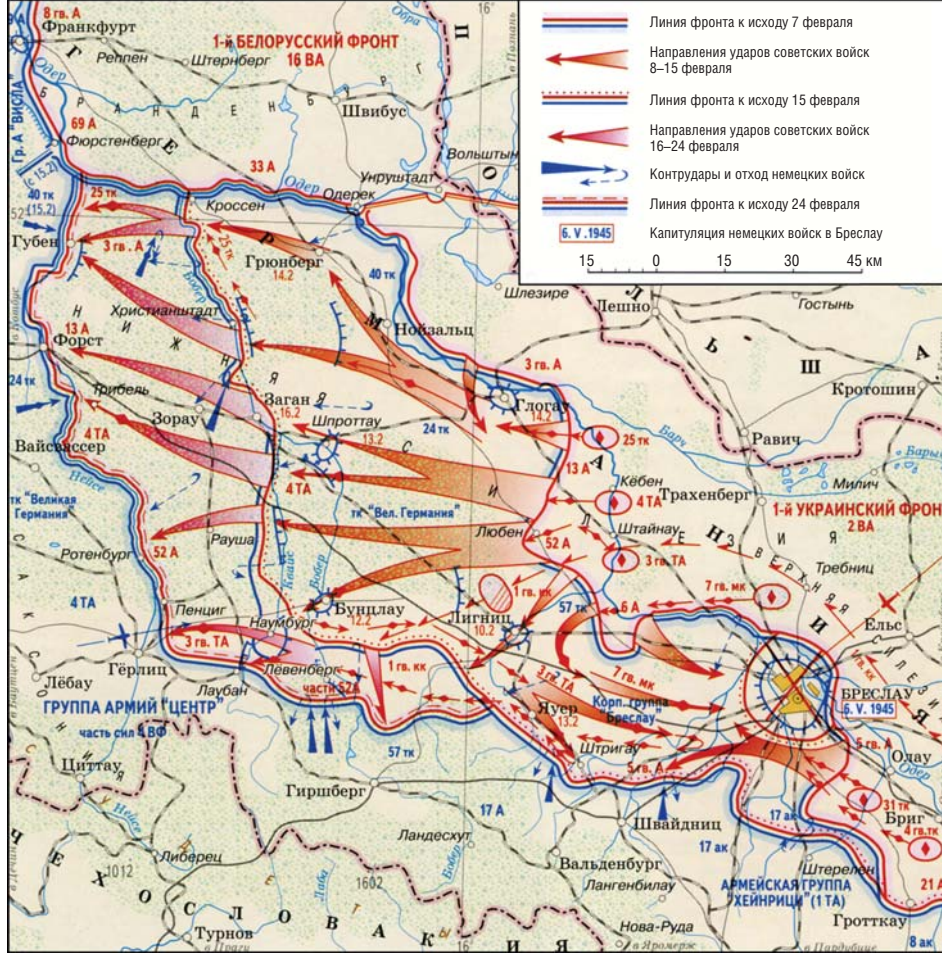
СОСТАВ СИЛ СТОРОН

Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (Тыс. чел)	более 2200	ок. 560	4,0:1
Орудия и минометы	33 500	ок. 5000	6,7:1
Танки, САУ, штурм. орудия	7000	1220	5,7:1
Боевые самолеты	5000	630	8,0:1

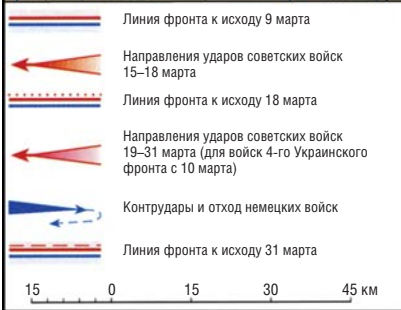
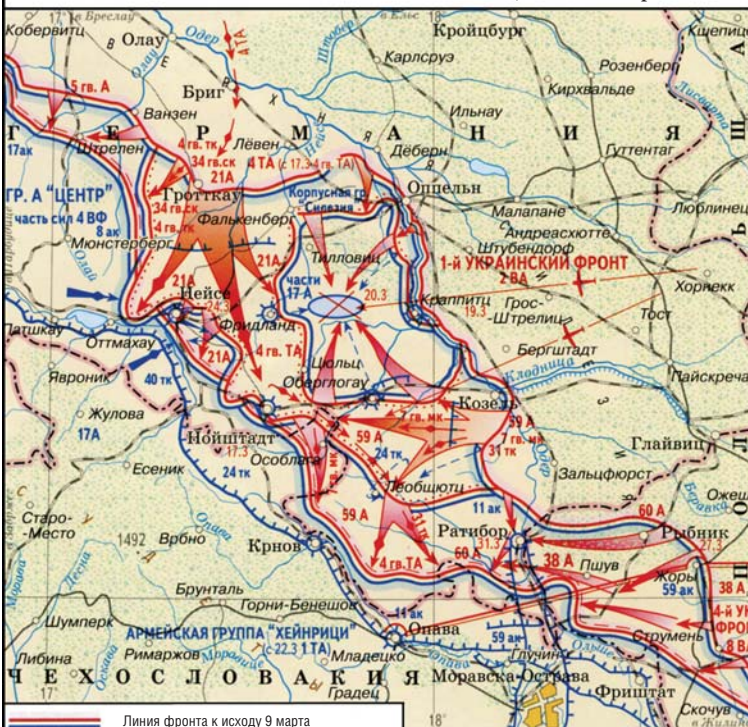
- Линия фронта к исходу 11 января
- Контрудары немецких войск
- Положение советских войск к исходу 17 января, для 2-го Белорусского фронта — к исходу 18 января
- Сопредельно-членные вторых эшелонные и резервов войск
- Главная полоса вислопского рубежа обороны
- Тыловая полоса вислопского рубежа обороны
- Направления ударов советских войск с 18 января по 3 февраля
- Тыловые рубежи обороны Города-крепости и узлы обороны
- Ликвидация окруженных группировок немецких войск
- Линия фронта к исходу 3 февраля
- Направления ударов советских войск с 12 по 17 января

25 0 25 50 75 100 км

НИЖНЕ-СИЛЕЗСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 8-24 февраля 1945 г.

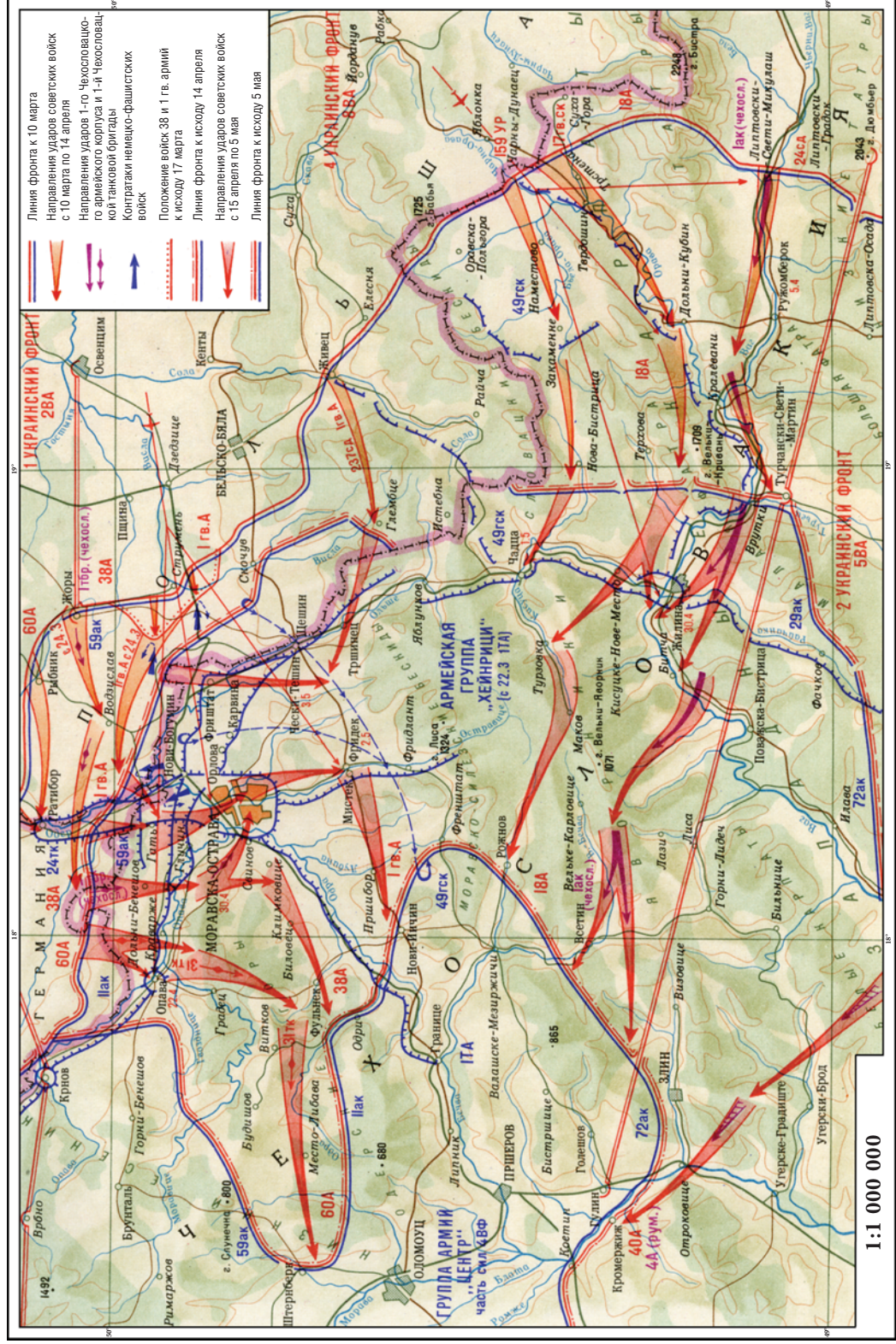

ВЕРХНЕ-СИЛЕЗСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 15-31 марта 1945 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН			
Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Дивизии	31	до 15	2:1
Орудия и минометы	5640	св. 1420	4:1
Танки, САУ, штурм. орудия	988	94	10:1

МОРАВСКА-ОСТРАВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 10 марта — 5 мая 1945 г.

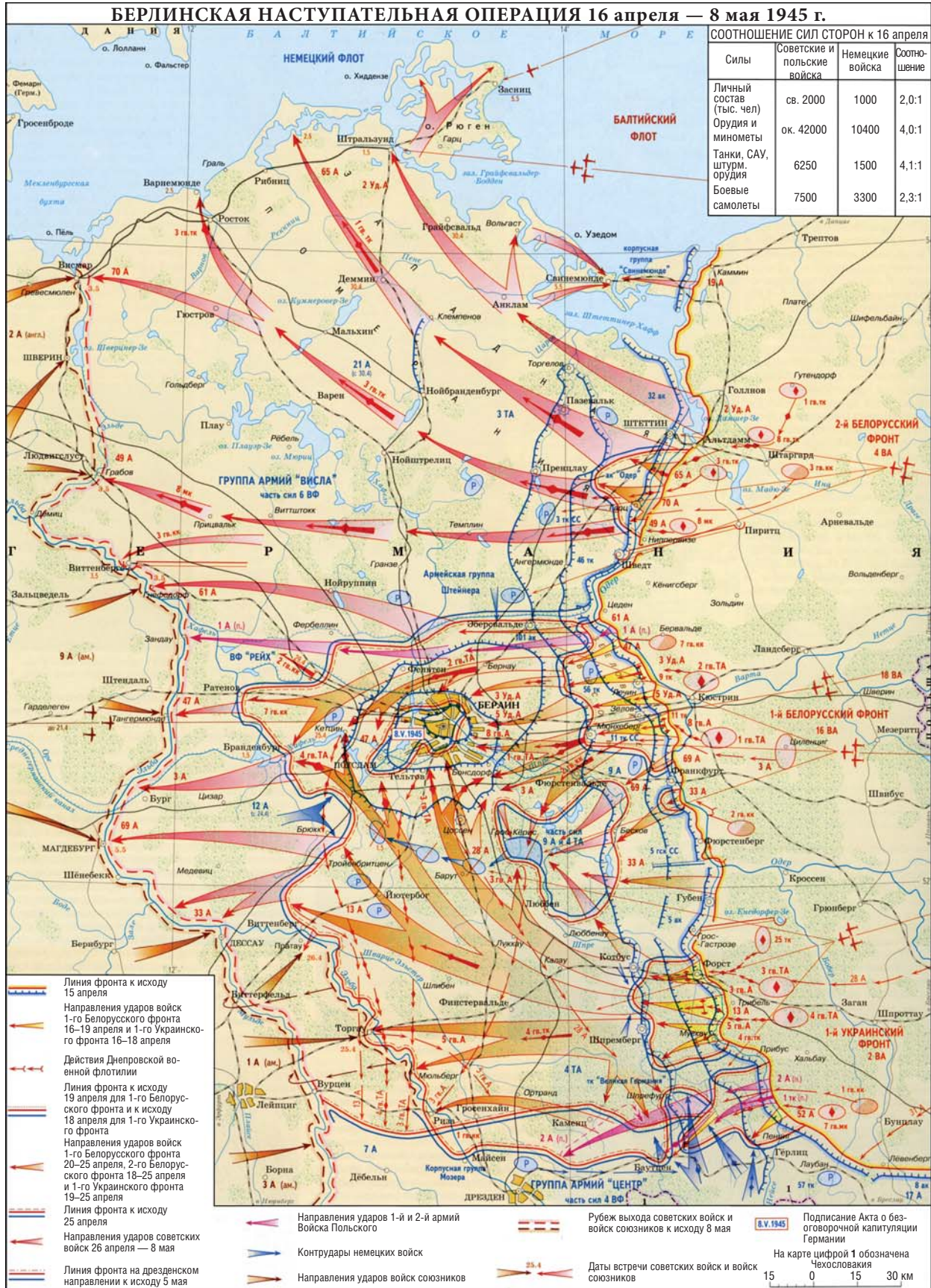
ПРАЖСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 6–11 мая 1945 г.

БЕРЛИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 16 апреля — 8 мая 1945 г.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ СТОРОН к 16 апреля

Силы	Советские и польские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	св. 2000	1000	2,0:1
Орудия и минометы	ок. 42000	10400	4,0:1
Танки, САУ, штурм. орудия	6250	1500	4,1:1
Боевые самолеты	7500	3300	2,3:1

- Линия фронта к исходу 15 апреля
- Направления ударов войск 1-го Белорусского фронта 16–19 апреля и 1-го Украинского фронта 16–18 апреля
- Действия Днепровской военной флотилии
- Линия фронта к исходу 19 апреля для 1-го Белорусского фронта и к исходу 18 апреля для 1-го Украинского фронта
- Направления ударов войск 1-го Белорусского фронта 20–25 апреля, 2-го Белорусского фронта 18–25 апреля и 1-го Украинского фронта 19–25 апреля
- Линия фронта к исходу 25 апреля
- Направления ударов советских войск 26 апреля — 8 мая
- Линия фронта на дрезденском направлении к исходу 5 мая

- Направления ударов 1-й и 2-й армий Войска Польского
- Контрудары немецких войск
- Направления ударов войск союзников

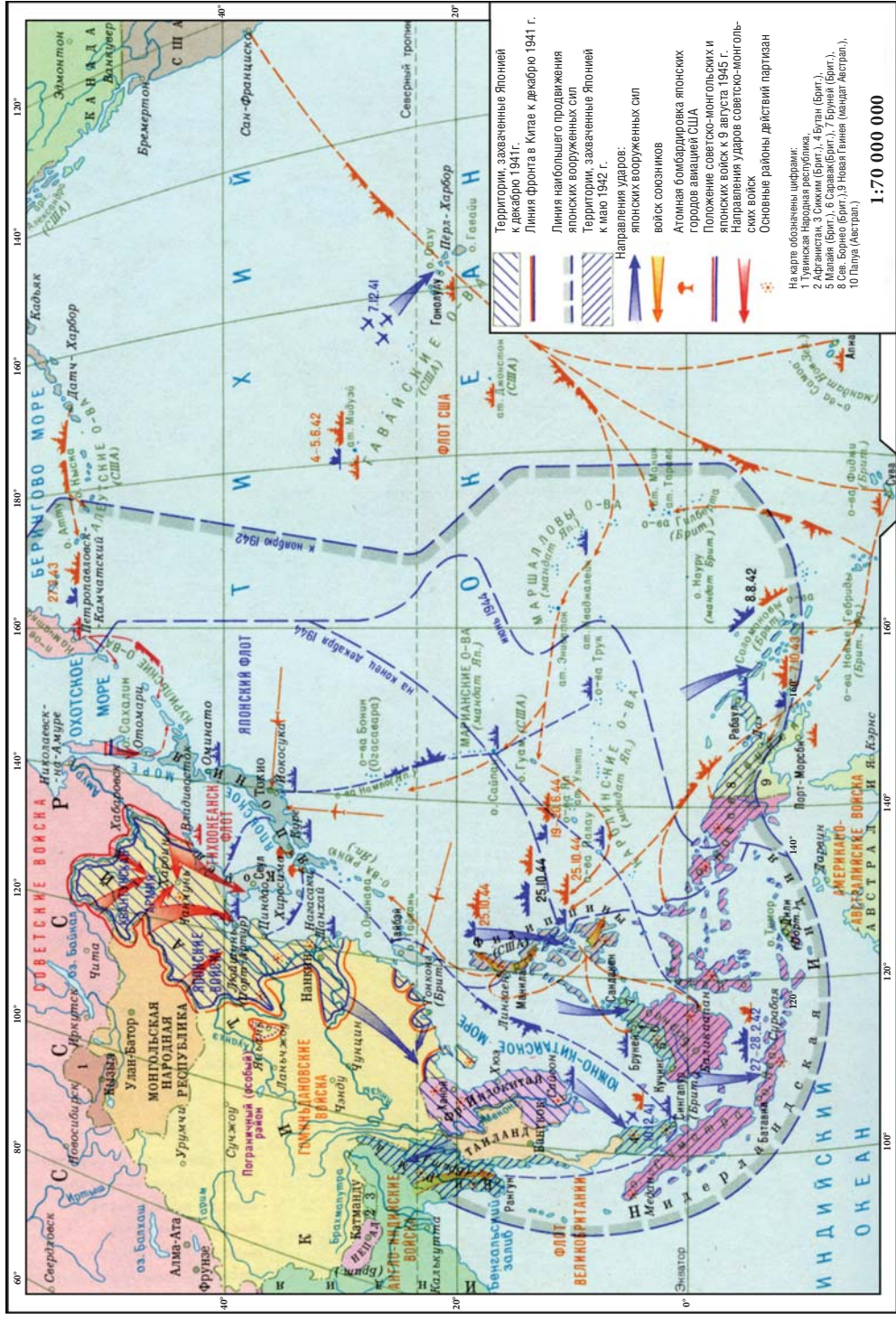
- Рубеж выхода советских войск и войск союзников к исходу 8 мая
- Даты встречи советских войск и войск союзников

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии

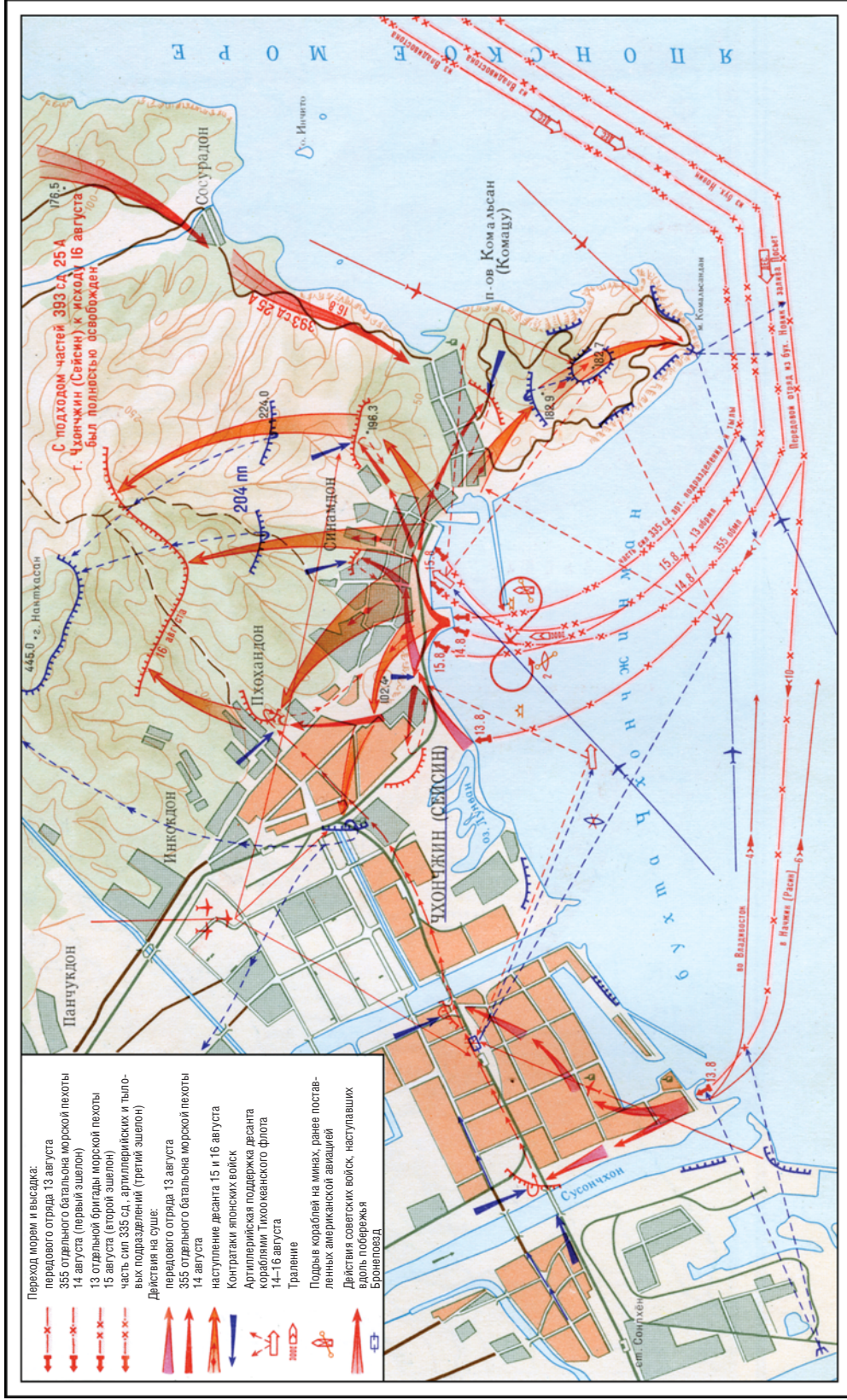
На карте цифрой 1 обозначена Чехословакия

15 0 15 30 км

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И В АЗИИ 1941 – 1945 гг.

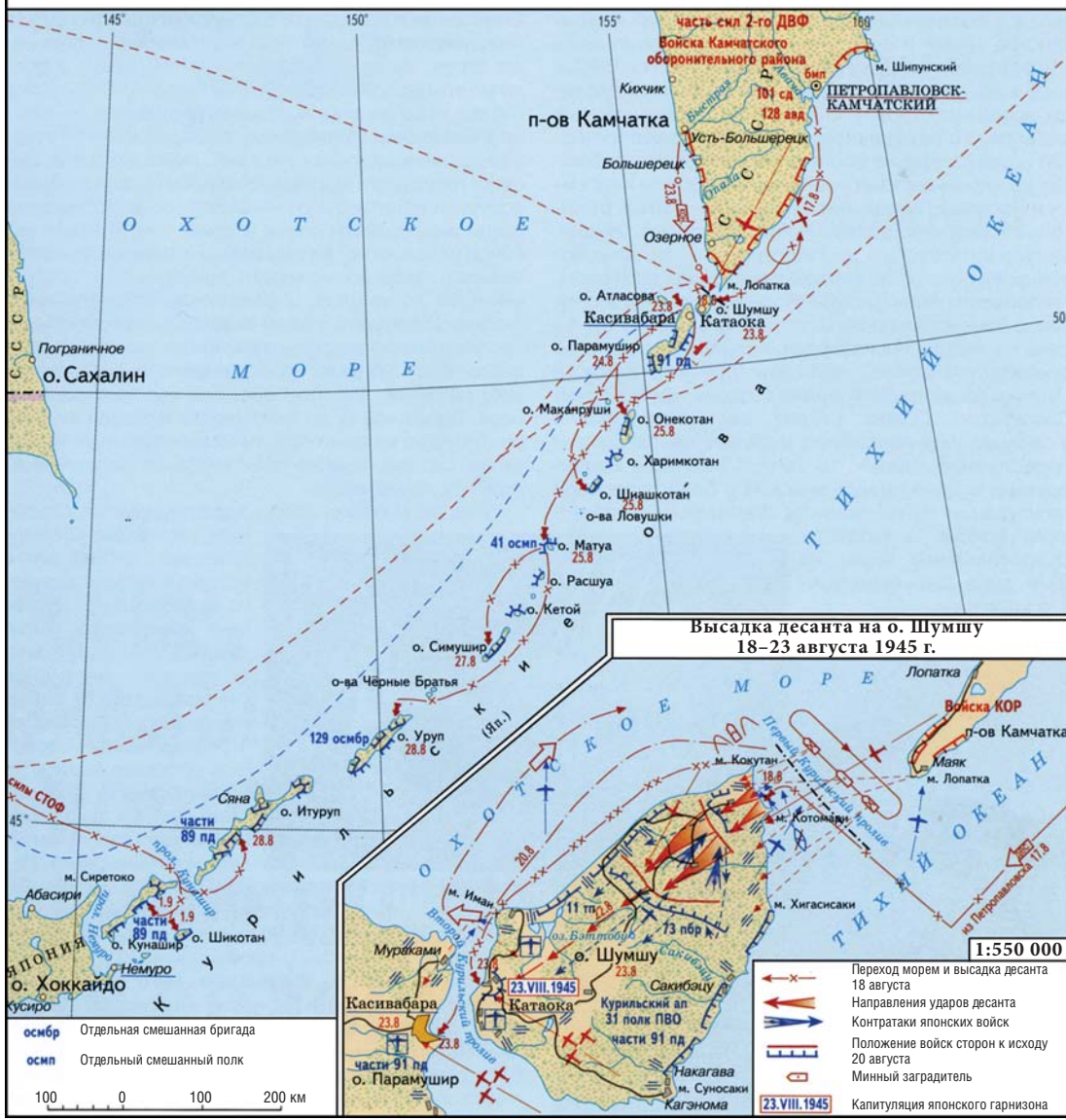
ВЫСАДКА МОРСКОГО ДЕСАНТА И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ЧХОНЧЖИН (СЕЙСИН). 13–16 августа 1945 г.

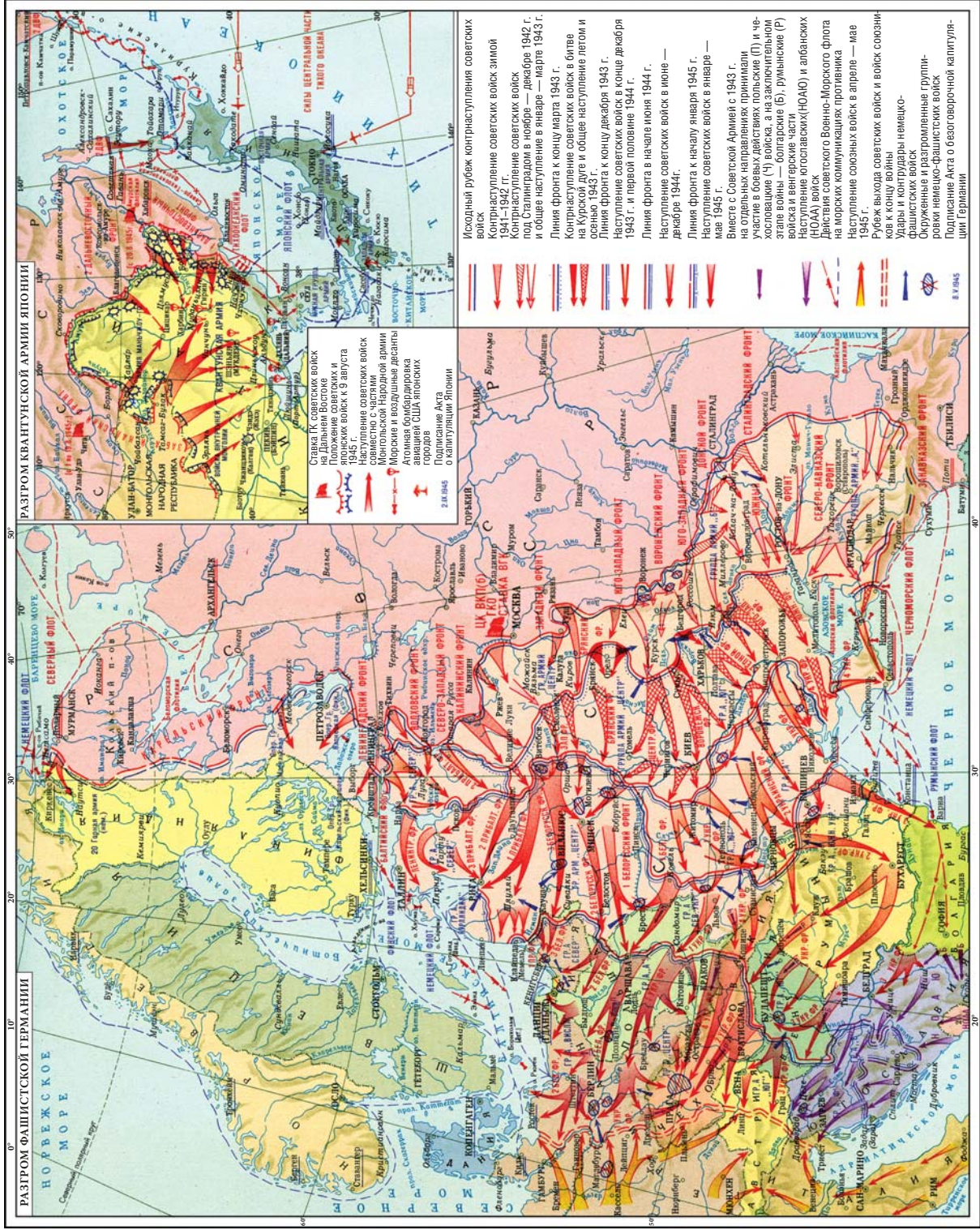
**ЮЖНО-САХАЛИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
11-25 августа 1945 г.**

КУРИЛЬСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 18 августа — 1 сентября 1945 г.

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В РАЗГРОМЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ 1941 – 1945 гг.

устройство Европы. Известная политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается», данная в приказе № 55 наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника¹⁴⁰. Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое — стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, как следует себя вести на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Вот как вспоминал об этом писатель-фронтовик Давид Самойлов: «Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. «Разъяснение» 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга «Убей немца!» и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России»¹⁴¹.

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин — беженцев из занятых русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество — набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняли людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!». Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать, — кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. — Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи — и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было слышно, как упала шпилька»¹⁴². Этот солдат знал, о чем говорил.

Советское командование прилагало все усилия, чтобы не допустить широкого распространения насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, 21 января 1945 г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский издал приказ, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 27 января такой же приказ издал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев. 29 января во всех батальонах 1-го Белорусского фронта был зачитан приказ маршала Г. К. Жукова, который запрещал красноармейцам «притеснять немецкое население, грабить квартиры и сжигать дома». А 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного главнокомандования о поведении советских войск в Германии¹⁴³. И хотя «предотвратить случаи насилия полностью не удалось, но его сумели сдержать, а затем и свести до минимума»¹⁴⁴.

На противоречие политических установок до и после вступления на вражескую территорию обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника политуправления 2-го Белорусского фронта генерала А. Д. Окоорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главного полит-

управления РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала [А. Ф.] Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!» Причем надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат — уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал — сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные, и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы. Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»¹⁴⁵.

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работой установок армии на месть Германии. Потребовалось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец». «Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, — писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е. С. Катукова. — Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»¹⁴⁶.

Разного рода чрезвычайные происшествия и аморальные явления в частях наступающей Красной армии тщательно фиксировались особыми отделами, военными прокурорами, политработниками, по возможности пресекались и строго наказывались. Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того — они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. По данным военной прокуратуры, «в первые месяцы 1945 г. за совершенные бесчинства по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров и большое количество рядовых. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров виновным»¹⁴⁷.

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»¹⁴⁸, тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным. В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Все негативные проявления были стихийными и со всей строгостью пресекались советским командованием. И все же, как отмечал немецкий историк Рейнхард Рюруп, в Германии «страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым — его не постигло правосудие»¹⁴⁹.

Советские войска вступили в Германию, чтобы добить фашистского зверя в его собственном логове. Тем неожиданнее оказалось для них поведение немецкого населения. В донесении заместителя начальника Главного политуправления Красной армии И. В. Шикина в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 30 апреля 1945 г. об отношении населения Берлина к личному составу Красной армии говорилось: «Как только наши части занимают тот или иной район города, жители начинают постепенно выходить на улицы, почти все они имеют на рукавах белые повязки. При встрече с нашими военнослужащими многие женщины поднимают руки вверх, плачут и трясутся от страха, но как только убеждаются в том, что бойцы и офицеры Красной Армии совсем не те, как им рисовала их фашистская пропаганда, этот страх быстро проходит, все больше и больше населения выходит на улицы и предлагает свои услуги, всячески стараясь подчеркнуть свое лояльное отношение к Красной Армии»¹⁵⁰.

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием, ради него они готовы были буквально на всё. Так, 4 июня 1945 г. заместитель наркома внутренних дел, уполномоченный НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. А. Серов докладывал Л. П. Берии о реакции населения одного из районов Берлина в связи с распространившимся слухом о прекращении выдачи продовольствия: «28 мая в районе Пренцлаунсберг из одного дома был произведен выстрел в дежурного красноармейца комендатуры. Выброшенным на место нарядом часть жителей этого дома была взята в комендатуру, в связи с чем был пущен слух, что Красная Армия прекратит выдачу продовольствия населению. После этого в комендатуру явилось несколько делегаций от района с просьбой на площади публично расстрелять 30–40 заложников, но выдачу продовольствия не прекращать. Населению этого района было предложено разыскать виновного и доставить в комендатуру»¹⁵¹.

На Западе постоянно муссируется тезис о «бесчинствах» Красной армии на занятой ею территории Германии. Между тем документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому да и всему западному сознанию. Как справедливо отмечают отечественные историки, ярость советских воинов, вступивших с боями на вражескую землю, была вполне объяснимой, «однако лавина ответной мести не захлестнула Германию, а криминальные поступки, эти неизбежные спутники войны, совершали военнослужащие всех союзных армий»¹⁵². При этом в 1944–1945 гг. в англо-американских войсках «мало кто сомневался в том, что немцы заслужили свою судьбу». В докладе 7-го отделения политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запреще-

Солдаты, штурмовавшие Рейхстаг

Жители Берлина беседуют с советским офицером

Возвращающиеся беженцы на берегу Эльбы в Дрездене

но общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»¹⁵³. Особенно отличились негритянские части. В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Ганс Эндрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена, до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились главным образом в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров, как: ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей. В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства»¹⁵⁴. В армии США, где после вступления на территорию Германии резко возросло число изнасилований, за это преступление и за убийства были казнены 69 человек¹⁵⁵.

Даже запуганные пропагандой о русских зверствах беженцы постепенно возвращались в районы, занятые советскими войсками. Так, в докладе И. А. Серова Л. П. Берии от 4 июня 1945 г. о проведенной работе за май месяц по обеспечению населения г. Берлина говорилось: «Путем опроса возвращающихся берлинцев установлено, что немцы, проживающие на территории союзников, подвергаются жестокому обращению английских и американских войск, в связи с чем они возвращаются на нашу территорию. Кроме того, немецкое население, проживая на территории союзников, уже испытывает голод в снабжении продовольствием»¹⁵⁶. Далее в докладе сообщалось, что в течение месяца с момента занятия советскими войсками Берлина в город вернулись около 800 тыс. человек, бежавших с отступавшими германскими частями, в результате чего число его жителей увеличилось до 3 млн 100 тыс. человек, и что «снабжение населения хлебом проводится регулярно, по установленным нормам, и никаких перебоев за это время не было»¹⁵⁷. Неслучайно первый бургомистр Боннака района Лихтенберг заявил, комментируя введенные русским командованием нормы питания для жителей Берлина: «Все говорят, что такие высокие нормы нас поразили. Особенно высокие нормы на хлеб. Каждый понимает, что мы не можем претендовать на такое питание, которое установлено русским командованием. Поэтому с приходом Красной Армии мы ждали голодной смерти и отправки оставшихся в живых в Сибирь. Ведь это поистине великодушие, когда мы на деле убедились, что установленные сейчас нормы выше, чем даже при Гитлере... Население опасается только одного — не перейдут ли эти районы американцам и англичанам. Это будет крайне неприятно. От американцев и англичан ждать хорошего ничего не приходится»¹⁵⁸. А житель города Гофман в разговоре с соседями высказался так: «Из рассказов прибывающих в Берлин немцев с территории, занятой союзниками, известно, что они очень плохо относятся к немцам, избивают плетками женщин. Русские лучше, они хорошо обращаются с немцами и дают питание. Я желаю, чтобы в Берлине были только русские»¹⁵⁹. О том же на основе собственного опыта в кругу соседок говорила и вернувшаяся в Берлин немка Эда: «На территории, занятой союзниками, немцам живется очень трудно, так как отношение плохое — часто бьют палками и плетками. Мирным жителям разрешается ходить только в установленное время. Питания не дают. Очень многие немцы пытаются перейти на территорию, занятую Красной Армией, но их не пускают. Очень было бы хорошо, чтобы в Берлине были только русские»¹⁶⁰.

Западные союзники не только держали население на голодном пайке, но и занимались грабежом, мародерством, охотой за трофеями. Свидетельства об их поведении в Германии встречаются в немецких мемуарах¹⁶¹. А вот что наблюдал в конце мая 1945 г. в поверженном Берлине Н. Н. Никулин: «У Бранденбургских ворот возникла огромная барахолка, на которой шла любая валюта и можно было купить всё: костюм, пистолет, жратву, женщину, автомашину. Я видел, как американский полковник прямо из джипа торговал часами, развесив их на растопыренных пальцах»¹⁶².

19 февраля 1945 г., находясь на границе с Германией, военнослужащая М. Анненкова писала подруге: «Верочка, останусь жива, то, как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют»¹⁶³.

«Фриц бежит, все свое бросает, — писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В. Герасимова. — Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено — шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки, и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись, и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»¹⁶⁴.

Можно понять чувства тех, кто отправлял домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из собранных трофеев. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев речь шла не об изъятых у населения ценностях, а об оставленных и бесхозных вещах. Так, старшина В. В. Сырлицин в письмах к жене в июне 1945 г. объяснял происхождение вещей, отправленных ей в посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем, и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное «тузами» берлинскими и распределяли товарищески, кому что нравится». В другом письме он подчеркивал: «Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре, — никто не грабит и не берет ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном берлинском магазине и складе или найденные распотрошенные чемоданы тех, кто давал «стрекоча» из Берлина»¹⁶⁵.

Большинство советских военнослужащих старались просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на продукты питания.

При этом следует отметить особую проблему восприятия советскими людьми заграницы, довоенные представления и которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годы внушаемые идеологические стереотипы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы новые настроения, когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения в розовых красках, сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого политически неверные выводы¹⁶⁶.

Не отличались шепетильностью по отношению к побежденным немцам и их имуществу и граждане стран Восточной Европы, проявляя куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе политорганов среди польского населения и его отношении к Красной армии в конце августа 1944 г. было сказано: «Что же касается отношения поляков к Германии, то все слои польского населения ненавидят немцев, охотно рассказывают факты о чудовищных зверствах фашистских мерзавцев по отношению к полякам и пленным красноармейцам... Нередки случаи, когда население, желая излить свою ненависть на немцев, пыталось избить военнопленных солдат и офицеров. 6 августа в местечке Янув-Подляски большая толпа местных мужчин и женщин, вооружившись палками и камнями, набросилась на группу пленных немцев. Пять из них были тяжело ранены, многие избиты. Красноармейцам с большим трудом удалось защитить пленных и установить порядок»¹⁶⁷. В докладе И. А. Серова наркомун внутренних дел Л. П. Берии от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»¹⁶⁸.

Но и польское население, и даже новые польские власти отличались массовыми притеснениями и жестокостью по отношению не только к немецким военнослужащим, но и к гражданским немцам. «Местные жители, поляки из онемеченных польских семей, пользуясь благоприятной возможностью, устремились на грабеж хозяйств своих бывших

соседей-немцев. Советское командование даже вынуждено было принимать целый ряд мер по предотвращению массовых грабежей немецких дворов и разграбления промышленных и иных предприятий в зонах оккупации... Отношения между немцами и поляками в занятых советскими войсками районах были очень напряженными. Польские власти, принимая от Красной Армии переходившие под их управление бывшие немецкие районы, запрещали населению разговаривать на немецком языке, отправлять службу в кирхах, ввели телесные наказания за неповиновение»¹⁶⁹. Неслучайно в одном из политических донесений Военного совета 1-го Украинского фронта приводятся слова немецких жителей: «Лучше мы будем все время находиться под русской оккупацией, чем быть под властью поляков, так как поляки не умеют управлять и не любят работать»¹⁷⁰.

Жестокость по отношению к побежденным немцам проявляли и другие народы, побывавшие под фашистской оккупацией. Так, в донесении политотдела 4-й танковой армии начальнику политуправления 1-го Украинского фронта от 18 мая 1945 г. об отношении чехословацкого населения к немцам сообщалось: «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которые питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»¹⁷¹. Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако такое отношение к немцам, судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что не должны уподобляться немцам¹⁷².

Документы свидетельствуют и о поведении репатриантов, пестрые интернациональные толпы которых загрохотали дороги Германии: возвращаясь домой из немецкого рабства, они не упускали случая отомстить своим недавним хозяевам. В докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта о выполнении директив Ставки ВГК и Военного совета фронта об изменении отношения к немецкому населению от 2 мая 1945 г. сообщалось, что «насилиями, а особенно грабежами и барахольством широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих»¹⁷³.

В докладе наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии И. В. Сталину, В. М. Молотову и Г. М. Маленкову от 11 мая 1945 г. о проводимых мероприятиях по оказанию помощи местным органам говорилось: «В Берлине находится большое количество освобожденных из лагерей военнопленных итальянцев, французов, поляков, американцев и англичан, которые забирают у местного населения личные вещи и имущество, грузят на повозки и направляются на запад. Принимаются меры к изъятию у них награбленного имущества»¹⁷⁴.

Еще одна тенденция отмечена в уже упомянутом докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта от 2 мая 1945 г.: «Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая. Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом»¹⁷⁵. Напрасные оговоры тоже имели место.

В современной Европе при оценке событий Второй мировой войны сознательно представляются акценты, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное — тот факт, что СССР и его армия явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера, направленной на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе

Один из первых лотков с книгами и журналами в Дрездене после окончания войны

Жители Берлина в очереди за хлебом

Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

В дошедших до нас документах ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним советского руководства, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 г. Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, ярости благородной, справедливой жажды отмщения вероломному нападшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания.

«Перешли границу — Родина освобождена, — вспоминала санинструктор Софья Кунцевич. — Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают — голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»¹⁷⁶. Голодных немецких ребятишек подкармливали многие наши солдаты. И советская военная администрация в вопросах обеспечения немецкого населения продовольствием особую заботу проявляла о детях. Неслучайно еще 31 мая 1945 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление о снабжении в Берлине молоком детей до 8-летнего возраста¹⁷⁷.

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств. Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерала Ф. Е. Бокова члену Военного совета 1-го Белорусского фронта генералу К. Ф. Телегину о политических настроениях жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. Я не верила своим глазам. После этого мы решили выйти на улицу. На улице было много гражданского населения. Никто их не трогал. Все они спешили по своим делам. Я сначала пугалась каждого военного, но теперь я убедилась, что Гитлер и Геббельс брехуны. Мне стало ясно, что нас обманывали. Это доказывается тем, что русские не только не уничтожают и не истребляют население, а даже беспокоятся, чтобы это население не умирало с голоду. Больше того, выдают высокие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль — неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно — устроиться на работу и восстанавливать разрушенное»¹⁷⁸.

Когда к 17 часам 13 мая берлинцы узнали о новых нормах питания и порядке получения продовольствия, толпа выразила свои чувства благодарности радостными аплодисментами.

«Общее настроение берлинцев — радостно-выжидательное, — говорилось в другом докладе Ф. Е. Бокова, также датированном 15 мая. — Никто не ожидал, что Советское правительство проявит такую заботу о населении. Тем более никто не надеялся и не мог мечтать о таких нормах питания. Во время передач через звуковещательные установки наблюдались такие возгласы: «Благодарю бога», «Боже мой! Дети получают сахар и масло», «Русские будут давать натуральный кофе. Интересно, где они его возьмут». Прочитав листовку о новых нормах питания, крупный служитель католической церкви доктор Панге заявил: «О, это прекрасно! Таких норм Германия не знала даже в первый год войны». Елизабет Шмеер в беседе заявила: «3 января с фронта приезжал в отпуск мой сын. Он служил в частях СС. Сын несколько раз говорил мне, что части СС в России творили невероятные дела. «Если придут сюда русские, то они не будут вас обливать розовым маслом». Получилось иначе. Победенному народу, армия которого так много причинила несчастья России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало свое правительство. На такой гуманизм, видимо, способны только русские»¹⁷⁹. «По поводу новых норм снабжения фабричная работница Гетце сказала: «Это для нас оказалось очень неожиданным. Нас запугивали тем, что русские уничтожают женщин и детей. В самом деле мы получили спасение»¹⁸⁰.

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Красной армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему. Причины этого достаточно точно определил Давид Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер — незлобливость, немстительность, чадолубие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»¹⁸¹.

Психология победителей в Великой Отечественной войне — явление уникальное. Это психология тех же самых людей, которые пережили ее начальный период с тяжелыми поражениями и отступлениями и не менее трудные последующие этапы с невиданными по масштабам сражениями, когда еще не был окончательно ясен исход войны. И вот уже нет никаких сомнений: наша победа близка. И это состояние победителей — накануне, в ходе и сразу после победы — действительно особое психологическое состояние людей, выдержавших все испытания и разгромивших сильного, беспощадного и смертельно опасного врага.

Безусловно, весь боевой путь был испытанием духовных и нравственных качеств советского воина в условиях постоянного риска, в обстановке, которая требовала огромного напряжения всех человеческих сил, а порой и самопожертвования. И каждый период Великой Отечественной войны, имевший особую морально-психологическую доминанту, определял изменения в духовном облике фронтовиков, в отношениях личности к разным областям действительности и жизненным ценностям. Но именно для заключительного этапа войны характерным было ощущение близости победы, что само по себе вызывало целый комплекс мыслей и чувств, сложный психологический настрой.

Война приближалась к своему концу. На дорогах, ведущих к Берлину, уже чувствовалось дыхание победы. Бесконечным грозным потоком двигались ей навстречу колонны советских солдат и боевой техники. И каждый ясно видел ее впереди и представлял, какой она будет, выстрадавшая, долгожданная, завоеванная страшной ценой. Поэтому, как бы ни были тяжелы последние бои, солдаты чувствовали радость весны и победного наступления. И усталость, накопившуюся за четыре бесконечно долгих года. И яростное желание быстрее покончить с врагом. И тоску по дому, особенно острую, потому что до возвращения оставалось совсем немного, — тем, кому суждено вернуться. И надежду на близкую встречу с родными. И жажду жизни, любви, счастья, которых были лишены так долго. Но для всего этого предстояло пройти самые трудные последние метры войны.

Чем ближе была победа, тем большими становились надежда и желание выжить, большее и обиднее потери товарищей и друзей, страшнее возможность собственной гибели, и тем

труднее было подниматься в атаку под огонь яростно сопротивляющегося врага. Людям, прошедшим через всю войну, через все опасности и испытания, в самые последние ее дни требовалось особое мужество, — впереди был мир, за который они воевали, ради которого стольким было пожертвовано, столько перенесено. И так хотелось жить в этом мире, в котором не будет войны.

«Нас, разведчиков, всегда такими бесстрашными представляют, — говорил участник штурма Берлина Герой Советского Союза Василий Быстров. — Но все мы люди. Всем жизнь один раз дается. И все мы смерти страшимся. До озноба. Сколько раз тебе на огонь идти, столько раз надо побороть, задушить в себе страх смерти. А если это твой последний бой, если завтра войне конец — тут и говорить нечего»¹⁸².

Но вопреки всему поднимался в атаку советский воин и шел под смертельный огонь, и падал, сраженный пулей или осколком, за месяц, за неделю, за день, за час до победы, и жизнью и смертью своей утверждая верность Родине и воинскому долгу. Как старший лейтенант Борис Кровицкий, который прошел с боями всю войну и погиб 30 апреля 1945 г. в Берлине. В своем последнем письме он писал: «Фронт живет одним — быстрым окончанием войны, победой. Говорим о скорой встрече с мамами, невестами, родным домом. Особенно обостренно чувствуешь сейчас цену жизни. Так хочется жить, столько впереди прекрасного, и прежде всего, родная мама, встреча с тобой. Ты только не подумай, что мы теперь, когда победа близка, расслабились, нет. Неумолимость воинского долга, жесткая дисциплина — все это в нас. А главное — понимание, что за тебя никто фашистов не доколоти»¹⁸³.

Было и совершенно особое чувство у тех, кто воевал на других фронтах, не на главном направлении: «Как же так, а Берлин? Мы на Берлин хотим! Воевали, воевали, а Берлин без нас брать будут? Ведите нас на Берлин!»¹⁸⁴. Это желание закончить войну в сердце фашистской Германии, именно там, откуда она вышла на горе и проклятье людям, было весьма характерным настроением последних месяцев и дней войны. Казалось, что именно те, кто возьмет Берлин, первыми встретят победу.

Вот как вспоминал об этом сложном психологическом настроении адмирал Б. С. Сысоев: «Все, кто в те дни служил на Черноморском флоте, помнят, что серьезных боевых действий у нас уже не было, и мы, что называется, заскучали. Боевой дух черноморцев был так высок, что они завалили командование рапортами с просьбой списать на берег и дать возможность бить врага в его же логове. Потери в последних боях были немалые, поэтому многие рапорты удовлетворялись. Так что солдаты в бескозырьках дошли до Берлина и нагоняли на врага такой же страх, как под Одессой и Севастополем»¹⁸⁵.

Борьба за Берлин стала последним большим сражением, разыгравшимся на советско-германском фронте. Какие же эпизоды штурма Берлина запомнились его участникам?

Буквально всеми отмечается, что эти последние три недели войны вместили в себя невероятное напряжение и жестокость боевых действий. Безвозвратные потери советских войск в ходе Берлинской стратегической наступательной операции составили 78,3 тыс. человек, санитарные — 274,2 тыс. человек¹⁸⁶. «Немцы оборонялись жестоко, — рассказывал полный кавалер ордена Славы Константин Мамедов. — Во всяком случае, я на своем личном опыте могу сказать, так же как и все мы, солдаты нашей дивизии, что, по-моему, эта жестокость боев с приближением к Берлину только нарастала. И нарастала непрерывно. Сопротивление было просто отчаянное»¹⁸⁷.

Многие рассказывают о великодушии советских бойцов к мирному населению. Так, в самый разгар боев на улицах вражеской столицы, под смертельным огнем, рискуя своей жизнью, советские воины выносили из пламени, из-под пуль и готовых обрушиться развалин детей, чьи отцы, быть может, разорили их собственный дом, уничтожили семью, и в эту минуту продолжали стрелять из-за каждого камня¹⁸⁸. Фронтовик И. Д. Перфильев, вспоминая о боях за столицу Германии, говорил: «Бились за каждый коридор, каждую комнату... Гитлеровцы превращали обычно дом в крепость, которую приходилось штурмовать. И помню, во время одного из таких штурмов, когда бой грохотал вверху, на этажах, мне и еще нескольким солдатам нашего батальона пришлось в кромешной тьме, почти в плыв, вытаскивать немецких

детишек, женщин, стариков из затопленного фашистами подвального помещения. Там бой, а мы детишек спасаем. Не могли мы, советские люди, смотреть на гибель детей... Чужих детей, стариков, женщин. Уж так воспитаны мы»¹⁸⁹.

И вот победа пришла. Всю войну мечтали советские люди об этом дне, сражались и погибали ради того, чтобы он наконец наступил. Чем ближе был конец войны, тем чаще задумывались о будущем, представляя свою послевоенную жизнь необыкновенно яркой, удивительной и прекрасной. Ведь ради этой жизни, ради такого будущего они столько вынесли, выстояли и победили!

Каким же увидели этот первый день мира советские воины, как встретили его? Ощущение победы приходило по-разному. Раньше всего — в поверженном Берлине, в те минуты, когда смолкла стрельба и капитулировал берлинский гарнизон. «Незабываемые мгновения! — вспоминал бывший командир орудия И. Мирошников. — Когда утих гром сражения, над поверженным, окутанным огнем и дымом логовом врага вдруг повисла странная, непривычная тишина... И сотни, тысячи черных от гари и копоти людей вдруг остановились, замерли на том месте, где застала их эта минута»¹⁹⁰.

2 мая 1945 г. еще продолжались бои в Чехословакии, Курляндии, и части СС пытались прорваться на запад. Но в Берлине наступила тишина, и трудно было привыкнуть к ней, такой долгожданной и все же внезапной и непривычной. И так велики были напряжение и усталость, накопившиеся за десять дней и ночей непрерывных боев, так ошеломляюще внезапно смолкло сражение, что не было сил радоваться. И армия победителей уснула там же, где только что вела бой, как будто решила выспаться сразу за все бессонные ночи войны. «Десять дней мы не спали. Десять дней и десять ночей, — вспоминал поэт-фронтовик Василий Субботин. — Конечно, все мы валились с ног. Держались уже на одном только напряжении... Поэтому в полдень второго мая, когда Берлин пал, когда стало тихо, мы ничего не осматривали. Мы даже к Бранденбургским воротам не пошли, мы спали! Спали все, солдаты и командиры. Тут же, возле Рейхстага. Спали вповалку. Прямо на площади. Голова к голове. Без просыпу. Два дня!»¹⁹¹

Так было после падения Берлина. Но все с нетерпением ждали той минуты, когда будет объявлено о капитуляции фашистской Германии, о полной победе, об окончании войны, о мире. И этот день настал. 9 мая 1945 г. — сияющая грань, разделившая войну и мир, рубеж, с которого начиналась новая, мирная жизнь. Почти во всех воспоминаниях фронтовиков отмечено, что это известие произвело ошеломляющее впечатление. Все знали, чувствовали, что конец войны близок, и все-таки он оказался неожиданным — словно гром среди ясного майского неба¹⁹². Такое совершенно особое психологическое, эмоциональное состояние было у людей.

«Победа! Победа! Победа! Мы знали, что она рядом, близко, и все же это известие поразило всех, перевернуло нам души»¹⁹³, — записала в своем дневнике разведчица Софья Аверичева.

«Она пришла, нет — она ворвалась, обрушилась на нас к концу майского дня, — вспоминал военный корреспондент Орест Верейский. — Говорят, что победа — это внезапно наступившая тишина. Но тишина пришла потом. А сначала был невероятный, невообразимый, взорвавший сонную тишину городка шум. Все кричали до хрипоты. Стреляли в воздух. Очереди трассирующих пуль исполосовали небо»¹⁹⁴.

Фронтовичка Л. Калинина встретила победу в Праге: «Это необъяснимо: только что теряли боевых друзей и вдруг — сильнейшее ликование. Везде гармошки. Где их только взяли в таком количестве?»¹⁹⁵

Невозможно передать в полной мере необъятную радость, которая так же сроднила людей, как все эти страшные годы объединяло их общее горе. Незнакомые люди обнимали и целовали друг друга, плакали и смеялись, плясали и пели до хрипоты. Каждому хотелось быть в самом центре этого великого праздника, среди шумной, торжествующей толпы, ликующей как один человек.

«Мы увидели, — вспоминала М. Пушкина, встретившая победу в Венгрии, — как из госпиталя идут и даже ползут тяжелораненые солдаты и офицеры. Ползут на площадь, где

Советские солдаты раздают воду жителям Берлина

всеобщее торжество. Никакая сила не могла их остановить — ни врачи, ни санитарки... А потом мы... несли раненых обратно на госпитальные койки, и бойцы плакали, кричали — конечно же, от боли, но и от великой радости»¹⁹⁶.

Радовались, что победили, что остались в живых, что кончилась эта страшная, кровавая война, что теперь уже скоро увидят своих родных и любимых. Стосковавшиеся по мирным делам, мечтали о том, как будут работать и учиться. И хотя понимали, что нужно восстанавливать все, разоренное и разрушенное, и конечно, придется трудно, — думали о том, какой красивой и радостной должна быть жизнь после такой войны. Какие трудности могли их теперь испугать?!

«С Победой, с Победой, дорогие, любимые мои! — писал родным командир пулеметной роты А. А. Яковлев. — Сегодня радостный день. Я ждал, верил и пронес через все бури огня и металла эту веру. Кровью нашей, лишениями в холоде, грязи, снеге, бессонными ночами мы завоевывали этот день. Теперь до нашей встречи совсем недалеко, я остался живой и вернусь к вам. Радости моей нет предела»¹⁹⁷.

В одном из фронтовых писем этот день назван «первым днем жизни».

Есть фанфары победы, есть ее плач. Слишком дорогой ценой досталась она нам. Весной 1945 г. еще никто не знал масштабы наших потерь в войне, но каждому пришлось оплакать кого-то из близких, хоронить погибших друзей. «Это радость со слезами на глазах...» — поется в известной песне. И в документы того времени рядом с ликующим «Победа!» вплетаются горестные слова.

«Тома, здравствуй! — писал в этот день невесте капитан М. Абдураимов. — Нет слов передать сегодня радость свою. Очаг войны уничтожен. От души поздравляю тебя с Победой. Теперь нет сомнения, что мы скоро встретимся... Тома! Я никогда не падал духом, даже в самых трудных сражениях. А сейчас пишу и плачу. Сколько женщин не дождалось своих сыновей, мужей, женихов, любимых. Когда в бою со мной рядом падали друзья, я накалялся особенной яростью и бешено дрался. Сегодня, когда кончилась война, я вспомнил моих погибших друзей, и невольно слезы выступили на глазах. Образы друзей навсегда останутся в памяти. Вечная слава героям, павшим на поле сражения!»¹⁹⁸

Был первый день мира, но на страницах газет уже пытались оценить смысл этого исторического события, осознать значение Великой Победы для будущего. «Сегодня день всенародного торжества — Праздник Победы, — писала «Красная звезда». — Мы ждали его долго и самозабвенно. Мы видели его во сне и наяву. Мечтали о нем, торопили его. Но он пришел не поэтому. Наш Праздник Победы пришел потому, что мы сражались за него. Он пришел потому, что мы проливали за него пот и кровь. Он пришел потому, что многие из наших братьев и сестер отдали свою жизнь за его приход»¹⁹⁹.

Спустя десятилетия Константин Симонов сказал о цене победы: «Да, счета не было — ни дорогам, ни ранам, ни смертям, и Победа была концом пути многих, смертных людей, четыре года сменявших друг друга, выбывавших из строя, возвращавшихся, погибших. Но война соединила все их судьбы в одну судьбу бессмертного солдата, который все-таки дошел до Победы»²⁰⁰.

Ожидание, предчувствие, уверенность в победе наконец переросли в эйфорическое ощущение торжества: «Вот оно! Свершилось!». И в нем слилась широкая гамма чувств самых разных людей и на передовых рубежах армии-победительницы, и в глубоком тылу: радость победы и жизни; гордость от сознания своей причастности к великому историческому событию, участником и творцом которого чувствовал себя каждый, сражавшийся с врагом и трудившийся для фронта; боль утрат и мечты о будущем, в котором предстояло жить; надежды на счастье, ради которого воевали.

Не только сама победа в Великой Отечественной войне, но и вызванное ею психологическое состояние армии и всего народа имели целый ряд долговременных последствий. Духовный подъем, вызванный победой, явился определенной психологической компенсацией горечи огромных человеческих и материальных потерь нашей страны. Победа имела огромное значение для самого поколения победителей, прежде всего тех молодых людей —

фронтовиков, которые лично сформировались в боевых условиях. Можно сказать, что она психологически завершила это формирование, сделав фронтовое поколение лично состоявшимся, понимающим и ощущающим, что они не зря прожили свою жизнь. И это ощущение остается у них на протяжении всей биографии, независимо от того, как развивалась история и складывались индивидуальные судьбы.

Наконец, победа пробудила и укрепила в народе состояние оптимизма, уверенности в своих силах, в завтрашнем дне, и позволила совершить уже другой подвиг в мирные дни: в кратчайшие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство и в течение нескольких десятилетий весьма успешно конкурировать в экономической, научно-технической и военной областях с самыми сильными государствами мира.

Война в Европе была завершена, но оставался еще один очаг Второй мировой — на Дальнем Востоке, там, где и зарождалась эта война.

Несмотря на Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г., на протяжении всей Великой Отечественной войны существовала угроза нападения со стороны японцев, которые сосредоточили вдоль советской границы весьма значительные силы, проводили тактические учения, снабжали свою союзницу Германию секретной информацией о хозяйственном, политическом и военном положении Советского Союза и постоянно осуществляли разного рода провокации. Только в 1944 г. советская граница нарушалась 144 раза, десятки раз обстреливалась; с 1941 г. по конец 1944 г. японцы задержали 178 советских торговых судов, несколько кораблей было потоплено японскими подводными лодками²⁰¹. В связи с этим советское правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций²⁰².

Советским войскам, только что победившим фашистскую Германию, вскоре предстояло участвовать в новых боях, с другим опытным и коварным противником на противоположном конце континента.

Как же отнеслись к этому советские воины в победном мае 1945 г.?

В донесении политотдела в штаб 47-й армии от 14 мая 1945 г. о политическом настроении и разговорах личного состава, связанных с окончанием войны и переходом войск на мирное положение, сообщалось: «Общее настроение всего личного состава здоровое. Однако демобилизационными настроениями охвачена значительная часть бойцов пожилого возраста и офицеров запаса, главным образом имеющих специальность (агрономы, учителя, механики, комбайнеры, техники, инженеры и т. д.). Проводим работу по изжитию демобилизационных настроений. Настроения демобилизационного и отпускного порядка имеют форму добродушного высказывания в мечте о Родине и семье, которые отрицательно не сказываются на поведении бойцов и офицеров...

Разговоры и настроения в связи с денонсацией договора о нейтралитете с Японией разные. Часть офицерского и сержантского состава высказываются, что мы должны поехать на Дальний Восток добывать японцев и помочь нашим союзникам так же, как и они помогали разгромить и добить немцев. Ефрейтор Гаркуша: «На Востоке с Японией не кончено. Без нас союзникам там быстро не справиться». Ефрейтор Смахов, член ВЛКСМ: «Если будет война с Японией, я первым поеду и буду бить их больше, чем немцев. С Японией нам воевать придется, но мы им дадим почувствовать, что такое Красная Армия». Другая часть заявляет, что мы достаточно повоевали с немцами и на Дальнем Востоке нам делать нечего, да и англичане с американцами сами в состоянии в течение месяца добить японца (сержант Кузнечкин). Японский народ, учтя горький опыт Германии, должен быть умнее немцев и немедленно капитулировать (капитан Свиридов)»²⁰³.

Перед советским командованием стояла сложная проблема — мобилизовать до предела уставших от многолетней войны людей, мечтавших о скором возвращении к родным и близким (при переброске с запада на восток советских войск многие думали, что их везут домой!), на решение новых военных задач, говорить о которых открыто было пока нельзя. При этом необходимо было подготовить войска к боевой деятельности в новых условиях.

Морально-психологическая подготовка личного состава к вступлению в войну против Японии началась уже в апреле 1945 г.: командирами и политорганами всех уровней разъяснялась международная обстановка, политическое значение заявления советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В документах военных советов фронтов на Западном театре военных действий и дислоцированной на Дальнем Востоке Приморской группы войск подчеркивалось, что «после денонсации пакта необходимо, как никогда, все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта войны с фашистской Германией», «повышать уровень идейно-политического воспитания воинов в духе любви к своей Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические свершения фронтовиков в борьбе с немецким фашизмом, а также подвиги героев боев у озера Хасан, на реке Халхин-Гол»²⁰⁴.

Опытные воины, прибывшие из районов Праги и Восточной Пруссии, нацеливались на быстрейшее овладение способами боевых действий на новом театре военных действий, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев, специфики природно-климатических условий и т. д. Бойцы-дальневосточники в это время тщательно изучали опыт боев на Западе, которым располагали прибывшие оттуда войска. Для работы с личным составом на Дальний Восток было направлено более 3 тыс. политработников-фронтовиков, а значительная часть политработников дальневосточных войск прошла стажировку в действующей армии на советско-германском фронте²⁰⁵.

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, СССР заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

«С краснофлотским приветом. Здравствуй, горячо любимая мама!.. — писал 11 августа 1945 г. В. Ф. Кабаков, 1927 года рождения. — Ты знаешь, началась война с Японией — будь она проклята! И я, как сын Родины, иду ее защищать. Мама, я иду в бой комсомольцем-тихоокеанцем, и будь за меня спокойна — не посрамлю свою честь моряка-тихоокеанца. А если погибну в бою за Родину, то я знаю, за что погибну. Я иду защищать от самураев тебя, моя горячо любимая мамочка... Ну, до свидания. Крепко тебя целую. Твой горячо любящий тебя сын Володя, краснофлотец»²⁰⁶.

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя более полутора миллиона человек, которым противостояла миллионная Квантунская группировка войск. Весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии и «дальневосточных сидельцев» — большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т. п. Ветераны боевых действий на западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в шапкозакидательские настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелейшей многолетней войны на Европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях не рассматривались как враг достаточно серьезный. Это привело к «допущению в первые дни войны преступной беспечности по охране войск и особенно тылов», а в результате — к лишним жертвам из-за внезапных налетов японских диверсионных групп²⁰⁷. Пришлось командованию усилить разъяснительную работу с личным составом о коварстве врага и повышении бдительности.

В целом же в соотношении сил и количественно, и качественно превосходство советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной,

отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепления, продвигаться в незнакомой местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х гг.: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и других вооруженных сил. Так что трехнедельная военная кампания не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Советским воинам «потребовалось преодолеть большие естественные препятствия — безводные степи и песчаные пустыни Монголии, горные хребты Большого Хингана, крупные водные преграды и труднодоступные районы, болотистые поймы, испытать ливневые дожди, утомительную дневную жару и пронизывающий ночной холод, песчаные бури и другие неблагоприятные условия местности и погоды. А главное — пришлось штурмовать создававшиеся японцами в течение многих лет мощные укрепленные районы, которые преграждали доступ к центральным областям Маньчжурии, ломать отчаянное сопротивление врага»²⁰⁸.

При переходе через пустыню Гоби главной проблемой оказалась нехватка воды. При этом организация водоснабжения наших войск по-разному оценивается в мемуарах военачальников и в воспоминаниях рядовых участников событий. Первые утверждают, что к началу наступления наши войска имели все необходимое для организации бесперебойного обеспечения водой, и «хотя затруднения в водоснабжении в ходе операции и имелись, они не повлияли на развитие наступления», поскольку части и соединения ударной группировки фронта в основном снабжались водой своевременно. При этом были установлены суточные нормы расхода воды, исходя из которых и производились расчеты необходимого количества водоисточников²⁰⁹.

Однако участник операции — бывший артиллерист А. М. Кривель утверждает, что «о снабжении наступающих войск в невыносимой августовской жаре никто толком не подумал». «Вероятно, эта проблема вообще была упущена из виду. В ходе подготовки к наступлению о ней и не упоминалось. Даже предупредить солдат, чтобы они набрали с собой максимальное количество воды из той же Аргуни, никто не удосужился. Бурильных установок в боевых порядках никто из солдат, а я многих спрашивал об этом, не видел»²¹⁰. Результатом явился резкий рост людских потерь в стрелковых частях, наступавших через пустынные участки территории Маньчжурии, особенно через Гоби. По некоторым свидетельствам участников этого перехода, в иных частях число потерявших боеспособность от солнечного удара достигало двух третей списочного состава. А воды на человека, по свидетельству А. М. Кривеля, приходилось лишь по 200 граммов в день, то есть по граненому стакану, что вряд ли можно поставить в заслугу снабженцам и командирам.

Далее ветеран рассказывает о своих ощущениях во время маршевого броска 9–11 августа 1945 г. под палящим солнцем Маньчжурии по солончаковой степи, а затем по песчаной пустыне. «Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать во фляжки воды, считал себя счастливым. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодезев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но на нем висела табличка: «Отравлено». Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары. Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий... Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной запас батареи. Делили как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана. Степь казалась раскаленной сковородкой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за пятнадцать минут. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только тогда я понял по-настоящему, что такое пустыня. Жажда перебивала все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать, только одна неотвязная мысль билась в голове: «Пить, пить, пить...». Разведчики пытались найти источники воды. Мотоциклисты взбирались на сопки, чтобы разглядеть издали колодец или озеро. Но видели только миражи... Впереди было еще два безводных дня»²¹¹.

Поиски воды инженерной разведкой 52-й стрелковой дивизии во время пешего марша по пустыне Гоби

Однако темп наступления был исключительно высоким. Командир 1136-го Краснознаменного Кёнигсбергского стрелкового полка полковник П. В. Савойкин вспоминал: «Если бы мне раньше сказал кто-нибудь, что мой полк пройдет по горячим пескам, горам и ущельям со скоростью марша до 65 километров в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил. Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших в армии по 20–25 лет. У меня же в полку 65% личного состава — молодежь 1927 года рождения. Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие самым высоким моральным духом»²¹².

Об ожесточенности этой войны свидетельствует такой факт, как широкое распространение феномена камикадзе — смертников. В Квантунской группировке противника из них была сформирована специальная бригада, кроме того, ударные отряды имелись в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера. При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику. Вот как вспоминает о встрече с отрядом смертников один из участников боев на Хингане: «В бой были брошены спецподразделения — японские «камикадзе». Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бутылка с сакэ [рисовой водкой] и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами «камикадзе». Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии»... Но живых «камикадзе» не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурастегнутый воротничок, из-под которого выглядывает чистое белье. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это «камикадзе», ни за что не поверишь. Но мина, большая магнитная мина, которую даже мертвые продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения»²¹³. Нельзя сказать, чтобы действия камикадзе принесли серьезные результаты — они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы с ними нашелся быстро и оказался простым и эффективным: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников²¹⁴.

С первого дня войны против Японии советское военное командование требовало от воинов Красной армии высоко держать знамя армии-освободительницы. Так, в обращении Военного совета 1-го Дальневосточного фронта к личному составу войск перед началом боевых действий 9 августа 1945 г. указывалось: «Воин Красной Армии! Тебя знают на Западе как освободителя, таким тебя должны знать и на Востоке — в Китае, в Маньчжурии и Корее»²¹⁵.

Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока позволило раскрыть множество преступлений японских войск. Так, в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской группировки войск, разрабатывавший бактериологическое и другое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей²¹⁶. Чудовищные расправы устраивались в японской армии над пленными: «Людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа»²¹⁷. Факты зверств японцев на оккупированных территориях становились известны советским войскам в ходе их наступления, влияя на общее восприятие и оценку противника.

Сегодня в японских учебниках истории идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны, обеляются или умалчиваются преступления японской военщины, а вопрос ущерба от японской агрессии для Китая и Кореи называется «спорным»²¹⁸ (видимо, 35 млн убитых китайцев, 4 млн индонезийцев и 2 млн вьетнамцев²¹⁹ не в счет). При этом действия СССР в отношении Японии объявляются «предательскими», а советские войска обвиняются в «жестоким, недостойном поведении». Так, еще с 1980-х гг. в японских СМИ публикуются измышления по поводу «зверств» советских воинов на территории Маньчжурии, «чудовищных

расправ с мирными японскими колонистами»²²⁰ (к 1945 г. этих «колонистов» — резервистов японской армии вместе с семьями насчитывалось около 1 млн человек).

Подлинную картину того времени помогают восстановить архивные документы и воспоминания советских военачальников — участников Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 г.²²¹ Например, в одном из политдонесений 39-й армии Забайкальского фронта середины августа 1945 г. о поведении японцев в районах боевых действий сообщалось: «При приближении Красной Армии японцы не только угоняют японское население, но и заставляют матерей убивать своих детей. Японка Ямамото Харуко, жена чиновника городского управления по снабжению населения города Фуцзин продовольствием и промтоварами, на допросе показала: «9 августа над городом Фуцзин появились самолеты неамериканского типа. Сначала многие думали, что это самолеты английского или американского происхождения, но затем убедились, что это советские самолеты. Японцы, главным образом женщины, побросав вещи, ушли в направлении Цзямусы. Многие японки дорогой душили и убивали детей, а трупы сбрасывали в реку. Я с двумя детьми — с годовалым и пятилетним — шла с группой японцев и японок. Мне тоже предложили убить детей, но я отказалась это сделать». Другая допрошенная японка, Мацуда Йото, убила своего семилетнего сына. Так японские фанатики заставляют своих женщин убивать детей»²²².

А вот свидетельство дважды Героя Советского Союза генерала А. П. Белобородова, командовавшего в августе 1945 г. 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта. В своих мемуарах он приводит документально подтвержденное содержание допросов пленных генералов, входивших в состав командования 5-й японской армии, которые признавали факт уничтожения японского гражданского населения военнослужащими 5-й японской армии. «Японским генералам, — пишет А. П. Белобородов, — было зачитано одно из политдонесений политотдела 365-й стрелковой дивизии. В нем сообщалось, что части дивизии, совершая марш к городу Линькоу, обнаружили в пути две группы убитых японских женщин и детей... На железнодорожном переезде стояли грузовые машины. В кузовах в одинаковых позах сидели, поджав ноги, или лежали, опрокинувшись, женщины и дети, головы в белых, видимо, ритуальных повязках... Другая группа была найдена на шоссе в районе станции Дидаохэ. Всего в обеих группах насчитывалось более 400 женщин и детей. Захваченные неподалеку от этих мест пленные показали на допросе: убийства совершенные японскими солдатами и офицерами; взять с собой в сопки женщин и детей они не могли и... убивали женщин и детей с их согласия»²²³. Выслушав текст переведенного донесения, командующий 5-й японской армией генерал Н. Симидзу цинично заявил, что «каждый народ живет и умирает по своим законам»²²⁴. Подобное же отношение в японской армии было и к своим больным и раненым солдатам. По признанию начальника медицинской службы армии генерала Сато, неспособных передвигаться самостоятельно раненых бросали истекать кровью²²⁵. Последующее расследование показало, что злодеяние, совершенное 12–13 августа в районе г. Линькоу и станции Дидаохэ против японских женщин и детей, было делом рук роты смертников 135-й пехотной дивизии той же 5-й армии²²⁶. Получив ряд таких тревожных сигналов, командование 1-й Краснознаменной армии немедленно приняло соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать возникновению подобных случаев в последующем. «Японские беженцы, старики, женщины и дети, толпами выходили навстречу советским частям и умоляли защитить. Мы собрали их всех, около 11 тыс. человек, в японский военный городок и обеспечили сильной охраной»²²⁷, — вспоминал А. П. Белобородов и при этом справедливо замечал: — Вот ведь как получилось: десятки лет японские газеты и прочие средства массовой пропаганды вдалбливали в головы людей всякую чушь про «варваров-большевиков», а пришли мы, и всю эту грязную пену как потоком смыло. К нам же кинулись в поисках защиты»²²⁸.

Особые, приподнятые чувства испытывали те советские воины, которые участвовали в освобождении Южного Сахалина и Курильских островов — территорий, утраченных Россией после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: для них это были не просто военные действия, а восстановление исторической справедливости.

Поднятие советского военно-морского флага над японской базой Катаока на острове Шумшу

Южно-Сахалинская наступательная операция проводилась с 11 по 25 августа 1945 г. силами 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северной Тихоокеанской флотилии. На Котонских высотах, расположенных на границе между Северным и Южным Сахалином, советские войска были встречены сплошной стеной огня с мощных укреплений, возведенных здесь японцами за долгие годы. «Используя защитную мощь железобетонных сооружений и благоприятные условия горно-лесистой и болотистой местности, враг ожесточенно сопротивлялся, удерживая за собой каждый метр земли, переходя в неоднократные контратаки, особенно сильные в г. Котон»²²⁹. Пять суток тяжелейших боев потребовалось советским войскам на то, чтобы прорвать укрепленную полосу обороны противника и развернуть наступление в южном направлении. Моряки Тихоокеанского флота высадили десанты в тылу упорно сопротивляющегося врага, оказав поддержку сухопутным частям Красной армии и создав благоприятные условия для их ускоренного продвижения. В политдонесениях сообщалось: первые же дни боев «демонстрируют высокий наступательный порыв наших войск и хорошую боевую выучку бойцов, сержантов и офицеров»²³⁰; «примеры массового героизма и мужества, доблести и выносливости, ловкости и находчивости, проявление военной смекалки бойцами и командирами в борьбе с японцами — массовое явление во всех действующих частях»²³¹; «о высокой сознательности бойцов свидетельствуют... факты, когда раненые не уходят с поля боя, а продолжают выполнять боевую задачу»²³²; «в боях бойцы и командиры противопоставляют хитрости противника находчивость и русскую смекалку», показывают «многочисленные примеры быстрого и решительного выполнения боевых заданий... хорошей выучки и храбрости»²³³; «настроение личного состава вполне здоровое и бодрое, несмотря на тяжелые условия марша, так как на ряде участков на протяжении 5–10 км дорога совершенно непроходима и личный состав всю матчасть вытягивал на руках»²³⁴; «личный состав горит одним желанием: быстрее занять весь Южный Сахалин»²³⁵.

Героически сражались советские воины за освобождение Курильских островов. Особенно ожесточенными были бои за Шумшу — самый укрепленный остров Курильской гряды, где находилась база японских военно-морских сил. Именно здесь 18 августа 1945 г. был совершен групповой подвиг, сравнимый с легендарным подвигом героев-панфиловцев. В бою с 25 японскими танками, исчерпав все средства борьбы и не имея возможности другим способом остановить врага, старший сержант И. И. Кобзарь, старшина 2-й статьи П. В. Бабич, сержант Н. М. Рында, матрос Н. К. Власенко во главе с командиром взвода подрывников лейтенантом А. М. Водыным со связками гранат бросились под вражеские машины. Пожертвовав собой, они уничтожили семь из них, чем задержали продвижение бронетанковой колонны врага до подхода основных сил нашего десанта²³⁶. В этом же бою поджег два вражеских танка, а когда противотанковое ружье вышло из строя, бросился с гранатой под третий младший сержант Георгий Баландин²³⁷.

Ни яростное сопротивление противника, ни железобетонные пограничные укрепления, ни труднейшие условия местности не могли остановить наступательного порыва советских войск, неудержимо рвавшихся вперед. Победа в Дальневосточной кампании была достигнута в рекордно короткие сроки — за 24 дня. В ходе августовских боев 1945 г. советскими войсками была освобождена территория площадью более 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек²³⁸.

В боях на Дальнем Востоке советские войска проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Яркие подвиги совершали пехотинцы, танкисты, артиллеристы, моряки, саперы, представители всех видов вооруженных сил и родов войск. 11 советских воинов пожертвовали жизнью, закрыв своим телом амбразуры и бойницы японских дотов и дзотов; отважными летчиками было совершено несколько воздушных и огненных таранов; десантники бросались с гранатами под японские танки²³⁹. 93 воина были удостоены звания Героя Советского Союза, шесть из них — во второй раз. Свыше 300 тыс. человек были награждены орденами и медалями²⁴⁰.

Советская военная кампания на Дальнем Востоке, ускорив разгром последнего союзника фашистской Германии, не только приблизила окончание Второй мировой войны и обеспечила

принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, унаследованного от царской России. В обращении И. В. Сталина к советскому народу в связи с окончанием Второй мировой войны от 2 сентября 1945 г. говорилось: «Поражение русских войск в 1904 году, в период русско-японской войны, оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил... Наш советский народ не жалел сил и труда во имя Победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке»²⁴¹. Эта историческая оценка Верховного главнокомандующего, данная им в момент высшего военно-политического триумфа, была полностью созвучна настроениям советского народа и его армии.

* * *

В мае 1945 г. стал фактом крах нацистской Германии. В целом ряде масштабных стратегических операций на территориях оккупированных ею стран и ее сателлитов, венцом которых стала Берлинская операция, Красная армия разгромила многомиллионную группировку гитлеровских войск, внося как непосредственный, так и за счет обеспечения своими решительными действиями на советско-германском фронте благоприятных условий для действий союзных армий существенный косвенный вклад в освобождение народов более десятка европейских государств, многие годы страдавших от нацистского гнета. Это явилось главным условием и последующего разгрома милитаристской Японии и тем самым ускорения сроков окончания Второй мировой войны.

В результате советской Дальневосточной кампании резко изменилось положение союзников СССР по борьбе с милитаристской Японией. На всех фронтах они в результате этого завершали войну принятием капитуляции императорских вооруженных сил на занятых противником территориях без проведения военных операций. При этом в ряде мест союзные войска оккупировали эти территории уже после формальной даты окончания Второй мировой войны. Так, в Южной Корее вооруженные силы США стали высаживаться спустя неделю после того, как 2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» японскими представителями, а также уполномоченными СССР, США, Китая, Великобритании, Франции и других союзных держав был подписан Акт о капитуляции Японии²⁴², и вышли на встречу с расположенными севернее 38-й параллели советскими войсками лишь 9 сентября, хотя и эта встреча была не менее теплой, чем встреча на Эльбе в Германии. Несмотря на стремление союзников «как можно скорее добиться оккупации... обширных территорий» Малайи, большей части Голландской Индии, Сингапура, Гонконга и других районов²⁴³, капитуляция в них японских войск происходила перед союзными, в основном британскими войсками также спустя много дней после того, как в столицах стран-победительниц отгремели салюты в честь завершения длительной и кровопролитной Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. В 4-х т. Т. 4. М., 1959. С. 461.
- ² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 160.
- ³ Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1990. С. 279, 287–288.
- ⁴ Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 462.
- ⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 4. С. 82.
- ⁶ Развитие тактики сухопутных войск в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 8–11.
- ⁷ Подсчитано по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 924–925; Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 463–464; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Т. 4. С. 33–34.
- ⁸ История военного искусства. М., 2010. С. 107.
- ⁹ Там же. С. 108.
- ¹⁰ Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 463.
- ¹¹ Там же. С. 463–466.
- ¹² Там же. С. 464.
- ¹³ Там же. С. 465.
- ¹⁴ Там же. С. 324.
- ¹⁵ История войн и военного искусства: проблемы стратегии, оперативного искусства и военного управления (XVII — начало XXI в.). С. 326.
- ¹⁶ Там же. С. 330.
- ¹⁷ Там же. С. 331.
- ¹⁸ Там же. С. 332.
- ¹⁹ Военная мысль. № 7. 1999. С. 15–18.
- ²⁰ Скоморохов Н. М. Развитие оперативного искусства ВВС в годы Великой Отечественной войны и значение опыта войны для современности // Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). М., 1986. С. 71.
- ²¹ Тимохович И. В. В небе войны. М., 1986. С. 108.
- ²² История военного искусства. С. 126.
- ²³ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1995. С. 305.
- ²⁴ История военного искусства. С. 129.
- ²⁵ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 344–345.
- ²⁶ Ольштынский Л. И. Взаимодействие армии и флота. М., 1983. С. 272–280.
- ²⁷ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). С. 287.
- ²⁸ Там же. С. 288.
- ²⁹ Боевые действия Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1958. С. 258.
- ³⁰ Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 474.

- ³¹ Там же. С. 480.
- ³² Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период. С. 307.
- ³³ Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы. М., 1987. С. 182.
- ³⁴ Там же. С. 183.
- ³⁵ Военно-исторический журнал. 1983. № 7. С. 20.
- ³⁶ Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. В 2-х ч. М., 2003. Ч. 2. С. 219.
- ³⁷ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 336.
- ³⁸ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. М., 1980. С. 246.
- ³⁹ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 119.
- ⁴⁰ Там же. С. 108, 118; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 337–338.
- ⁴¹ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 147.
- ⁴² Там же. С. 119.
- ⁴³ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 246.
- ⁴⁴ *Кожевников М. И.* Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 236.
- ⁴⁵ *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. В 2-х т. М., 1996. Т. 2. С. 641.
- ⁴⁶ Там же. С. 642–643.
- ⁴⁷ Там же. С. 641; Военная история. М., 1983. С. 432.
- ⁴⁸ *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 642.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 97.
- ⁵¹ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 344.
- ⁵² *Хуан Юйчжан и др.* Диэрцы шицзе дачжань 1939–1945 (Вторая мировая война 1939–1945 гг.). Пекин, 1984. С. 505–507.
- ⁵³ *Erickson D.* Soviet Military Power. L., 1971. P. 73; Military Review. 1976. May. P. 65–73.
- ⁵⁴ ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 1.
- ⁵⁵ Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской армии и Военно-морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 1971. С. 345–346; ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 547. Л. 203.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 32.
- ⁵⁷ Там же. Д. 547. Л. 181.
- ⁵⁸ Там же. Л. 203.
- ⁵⁹ Там же. Л. 117, 262.
- ⁶⁰ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 145.
- ⁶¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 570. Л. 798.
- ⁶² Там же. Д. 88. Л. 201.
- ⁶³ Там же. Д. 32. Л. 62–63.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1407. Л. 125.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 369–371.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Опыт работы. Бюллетень № 9 (33). М.: ГлавПУ РККА, 1945. С. 6–7.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 382.
- ⁶⁹ Там же. Д. 68. Л. 127.
- ⁷⁰ Там же. Л. 128.
- ⁷¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 32. Л. 63.
- ⁷² Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., 1972. С. 408.
- ⁷³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 32. Л. 74.
- ⁷⁴ Там же. Л. 75.
- ⁷⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 37. Л. 19–20.

- ⁷⁶ Там же. Д. 562. Л. 88.
- ⁷⁷ Там же. Л. 89.
- ⁷⁸ После войны издавалась лишь газета «Вольность».
- ⁷⁹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 87.
- ⁸⁰ Там же. Д. 32. Л. 63.
- ⁸¹ Там же. Д. 68. Л. 167.
- ⁸² Там же. Л. 217.
- ⁸³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 39. Л. 126.
- ⁸⁴ Там же. Д. 88. Л. 217.
- ⁸⁵ Там же. Д. 567. Л. 28, 29.
- ⁸⁶ Там же. Д. 641. Л. 23–29.
- ⁸⁷ Там же. Л. 137.
- ⁸⁸ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 23. Л. 112.
- ⁸⁹ Там же. Д. 5429. Л. 17, 32–37.
- ⁹⁰ Там же. Л. 224, 237–239.
- ⁹¹ Цит. по: Правда. 1945. 1 мая.
- ⁹² Опыт работы. Бюллетень № 9 (34). С. 6.
- ⁹³ Там же. С. 7.
- ⁹⁴ Там же. С. 11–12.
- ⁹⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 515184. Д. 47. Л. 99.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 11306. Д. 88. Л. 201.
- ⁹⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 3191. Д. 17. Л. 82–83.
- ⁹⁸ Там же. Л. 81–82.
- ⁹⁹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 701. Л. 8.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 706. Л. 310.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 679. Л. 322.
- ¹⁰² Там же. Д. 701. Л. 8.
- ¹⁰³ *Плиев И. А.* Конец Квантунской армии. Ростов-на-Дону, 1968. С. 87.
- ¹⁰⁴ История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 331–332.
- ¹⁰⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 677. Л. 273.
- ¹⁰⁶ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. X. Победный финал Второй мировой войны. М., 2012. С. 91, 105, 136, 242, 379.
- ¹⁰⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 604. Л. 236–237.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 176. Л. 138.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 136.
- ¹¹⁰ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 609. Л. 80–81.
- ¹¹¹ Там же. Д. 706. Л. 187.
- ¹¹² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 604. Л. 110–112.
- ¹¹³ Там же. Л. 131–132.
- ¹¹⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 677. Л. 35.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 702. Л. 64–65.
- ¹¹⁶ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 176. Л. 146.
- ¹¹⁷ *Малиновский Р. Я.* Финал. М., 1966. С. 339.
- ¹¹⁸ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 309. Д. 706. Л. 201.
- ¹¹⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 311; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.
- ¹²⁰ *Голубев А. В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. М., Магнитогорск, 2005. С. 351.
- ¹²¹ *Слуцкий Б.* Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 46–48.
- ¹²² Там же. С. 108.

- ¹²³ Там же. С. 109–110.
- ¹²⁴ *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнувший подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 160.
- ¹²⁵ *Полевой Б.* Освобождение Праги // От Советского информбюро... Публицистика и очерки военных лет. 1941–1945. Т. 2. 1943–1945. М., 1982. С. 439.
- ¹²⁶ Там же. С. 333.
- ¹²⁷ Там же. С. 333–334.
- ¹²⁸ *Шишов Н. И.* В борьбе с фашизмом. 1941–1945 (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран). М., 1984. С. 205–206.
- ¹²⁹ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 67.
- ¹³⁰ *Колосов М.* Заграница // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. Т. 10. М., 1986. С. 342–343.
- ¹³¹ Братство по оружию. М., 1975. С. 155–156.
- ¹³² Там же. С. 330.
- ¹³³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 347–350.
- ¹³⁴ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.
- ¹³⁵ Там же. Л. 85.
- ¹³⁶ Там же. Л. 94.
- ¹³⁷ Там же. Л. 86.
- ¹³⁸ Там же. Л. 120–121.
- ¹³⁹ Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130–131.
- ¹⁴⁰ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 46.
- ¹⁴¹ Аврора. 1990. № 2. С. 91.
- ¹⁴² Война Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1992. С. 255.
- ¹⁴³ *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314–315; Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин. М., 1995. Т. 15 (4-5). С. 220.
- ¹⁴⁴ Цит. по: Мир истории. 2002. № 4; *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 31.
- ¹⁴⁵ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.
- ¹⁴⁶ Цит. по: *Жуков Ю. А.* Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
- ¹⁴⁷ Цит. по: *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам...». С. 31.
- ¹⁴⁸ Указ Гитлера как верховного главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом; Приказ верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской армии // Война Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. С. 45–46; Памятка немецкого солдата // *Рагинский М. Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М., 1986. С. 5.
- ¹⁴⁹ Цит. по: *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80–81.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 10–12.
- ¹⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 205.
- ¹⁵² *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам...» С. 31.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 99.
- ¹⁵⁵ *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам...» С. 31.
- ¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 200.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 14–19.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 200.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ *Шойфлер Х., Тике В.* Марш на Берлин. 1944–1945. М., 2005. С. 559–560.

- ¹⁶² Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб., 2008. С. 191.
- ¹⁶³ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 85.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 92, 94.
- ¹⁶⁵ Цит. по: *Тажидинова И. Г.* Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М., Магнитогорск, 2010. С. 497.
- ¹⁶⁶ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4–5, 12; Д. 78. Л. 30–32 и др.
- ¹⁶⁷ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. Т. 14 (3-1). С. 350.
- ¹⁶⁸ Цит. по: Власть. 2000. № 6. С. 47.
- ¹⁶⁹ Цит. по: *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Крах Третьего рейха. М., 2000. С. 370–371.
- ¹⁷⁰ Цит. по: там же. С. 371.
- ¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.
- ¹⁷² *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
- ¹⁷³ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226–338.
- ¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 399.
- ¹⁷⁵ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226–338.
- ¹⁷⁶ Цит. по: *Алексиевич С.* У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 301–302.
- ¹⁷⁷ Цит. по: Коммунист. 1975. № 4. С. 73–74
- ¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 14–19.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 20–21.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 54–55.
- ¹⁸¹ Аврора. 1990. № 2. С. 93.
- ¹⁸² Цит. по: *Вольф А. Я.* Звезда над передовой. М., 1983. С. 260–261.
- ¹⁸³ Там же. С. 66.
- ¹⁸⁴ См.: Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. Т. 11. С. 95–96.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Последний бой // Огонек. 1985. № 19. С. 26.
- ¹⁸⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2005. С. 307.
- ¹⁸⁷ Цит. по: *Симонов К. М.* На Эльбе и в Берлине // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. Т. 11. С. 328.
- ¹⁸⁸ Коммунист. 1965. № 6. С. 78; Нам дороги эти позабыть нельзя. Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной войны. Киев, 1980. С. 380; *Костерин С.* В каждом доме этот день // Советская Россия. 1986. 9 мая.
- ¹⁸⁹ Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Феномен героизма. О героях и героическом. М., 1985. С. 190.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Великая Отечественная в письмах. М., 1982. С. 305.
- ¹⁹¹ *Субботин В.* Майский сон // Календарь «Победа». М., 1985. С. 11.
- ¹⁹² Вспоминают бойцы // Советская Россия. 1986. 9 мая.
- ¹⁹³ *Аверичева С.* Дневник разведчицы. М., 1986. С. 378.
- ¹⁹⁴ Цит. по: Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 323.
- ¹⁹⁵ Цит. по: Творцы Победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 292.
- ¹⁹⁶ Цит. по: там же.
- ¹⁹⁷ Цит. по: Комсомольская правда. 1988. 9 мая.
- ¹⁹⁸ Цит. по: Советская женщина. 1985. № 3. С. 34.
- ¹⁹⁹ Цит. по: *Архипенко В.* Девятое мая // Коммунист. 1985. № 7. С. 61.
- ²⁰⁰ *Симонов К. М.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 79.
- ²⁰¹ ...Свой закончили поход // Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 225; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 5. М., 1963. С. 529.
- ²⁰² *Кривель А. М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 98.

²⁰³ Цит. по: *Богомолов В. О.* Жизнь моя, иль ты приснилась мне?... // Наш современник. 2005. № 10–12, 2006. № 1.

²⁰⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2. Л. 20–28; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 187.

²⁰⁵ *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975. С. 83; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 187.

²⁰⁶ Цит. по: Последние письма с фронта. 1945 год: Сборник. В 5-ти т. М., 1991–1995. М., 1995. Т. 5. С. 573. Через несколько дней в боях за корейский город и порт Сейсин краснофлотец Владимир Кабаков погиб. Награжден посмертно орденом Красного Знамени.

²⁰⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. Т. 18 (7-1). С. 351–352.

²⁰⁸ *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнувший подвиг. С. 201.

²⁰⁹ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е. М., 1969. С. 141–142.

²¹⁰ *Кривель А. М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 139.

²¹¹ Там же. С. 137–138.

²¹² Цит. по: *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнувший подвиг. С. 202.

²¹³ *Кривель А. М.* Это было на Хингане. С. 152–154.

²¹⁴ Там же. С. 127.

²¹⁵ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-1). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 346.

²¹⁶ *Кривель А. М.* Это было на Хингане. С. 67–76.

²¹⁷ *Кривель А. М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 178.

²¹⁸ *Станран Н.* Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 206–209.

²¹⁹ Красная звезда. 2010. 6 сентября.

²²⁰ Там же; Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1987.

²²¹ *Белобородов А. П.* Прорыв на Харбин. М., 1982; *Людников И. И.* Через Большой Хинган. М., 1967; *Плиев И. А.* Через Гоби и Хинган. М., 1965; *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. М., 1985.

²²² Цит. по: *Зимонин В. П.* «Зверства» в Маньчжурии: вымысел и правда // Красная звезда. 2010. 6 сентября.

²²³ Цит. по: *Белобородов А. П.* Прорыв на Харбин. С. 167.

²²⁴ Там же. С. 168.

²²⁵ Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 150–151.

²²⁶ *Белобородов А. П.* Прорыв на Харбин. С. 170.

²²⁷ Там же. С. 168.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 10.

²³⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 458.

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Там же. С. 458–459.

²³⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 21.

²³⁵ Там же. С. 20.

²³⁶ Там же. С. 29; Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969. С. 255–256.

²³⁷ *Рыжков А. Н.* Бои за родные острова: Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. Южно-Сахалинск, 1980. С. 123.

²³⁸ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. С. 311.

²³⁹ *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнувший подвиг. С. 201–203, 206–207.

²⁴⁰ Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 562; ...Свой закончили поход. С. 234.

²⁴¹ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 204–205.

²⁴² *Савин А. С., Носков А. М., Зимонин В. П. и др.* Вооруженные силы Японии: История и современность. М., 1985. С. 102.

²⁴³ *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 551.